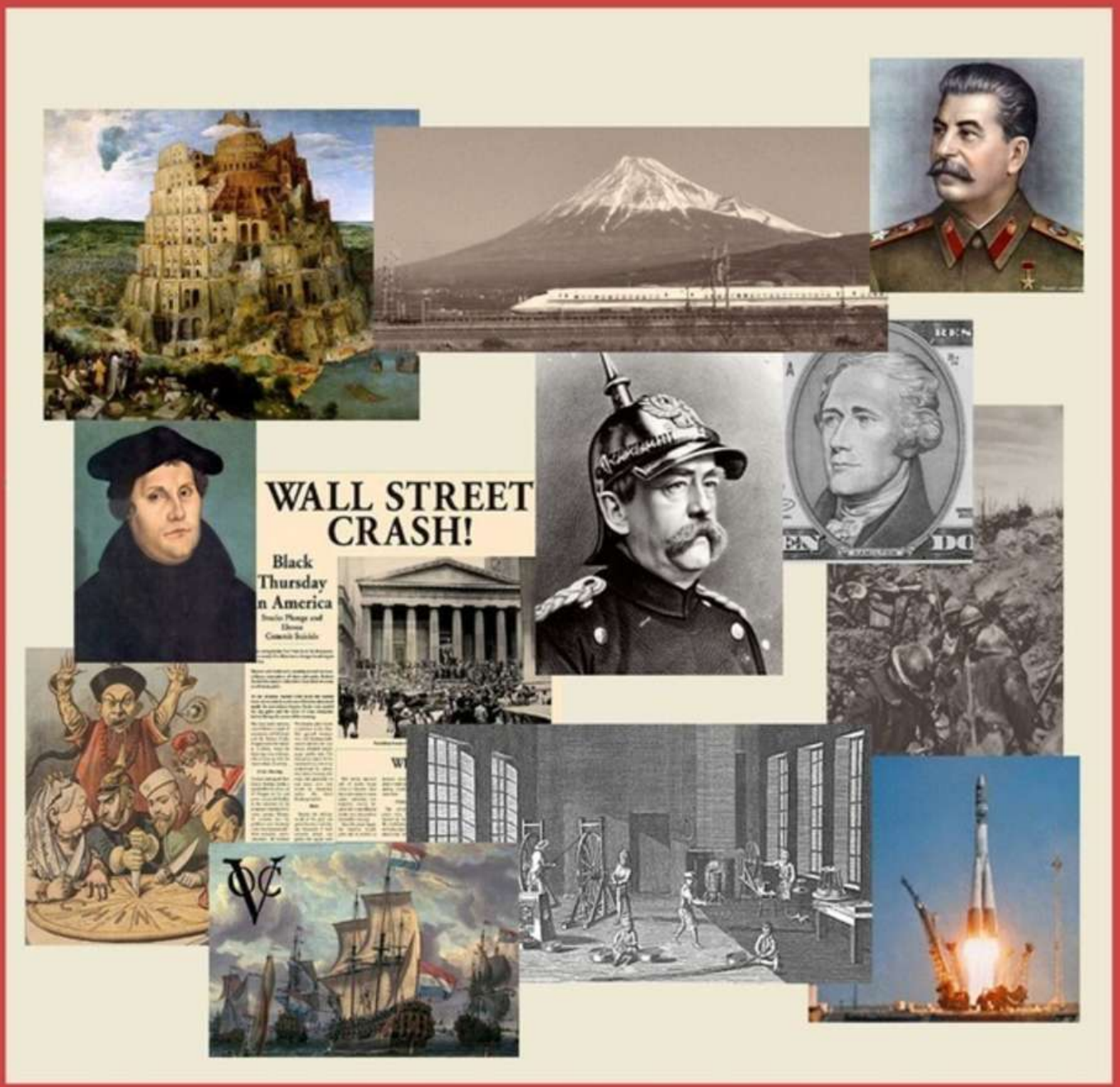
УЛУКМАН МАМЫТОВ

Либерализм
Госкапитализм
Социализм

Для тех, кто хочет лучше понять экономику

Улукман Мамытов

Либерализм – Госкапитализм – Социализм. Для тех, кто хочет лучше понять экономику

«Издательские решения»

Мамытов У.

Либерализм – Госкапитализм – Социализм. Для тех, кто хочет лучше понять экономику / У. Мамытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984134-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Это книга для тех, кто хочет понять, как устроена экономика. На огромном фактологическом материале автору удалось собрать и показать то, чего не видят многие традиционные экономисты, а именно комплекс исторических, географических, технологических, идеологических, военных и монетарных факторов экономического развития разных успешных стран. Книга является попыткой сформировать наиболее полную политэкономическую картину мира.

ISBN 978-5-44-984134-6

© Мамытов У.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Часть I. История капитализма 9
Глава 1. Деньги и войны в Древнем мире 10
Все началось в Шумере и Вавилоне 10
Уроки Древней Греции 12
«Монетаризм» Древнего Рима 14
Глава 2. От Темных веков до раннего капитализма 20
Золотой Век Ислама 22
Крестовые походы 23
Первые капиталы Венеции 24
Протестантская Реформация 27
Эпоха Великих открытий 29
Утерянный шанс Китая 33
Голландский капитализм 35
Глава 3. Эпоха Промышленной Революции 39
Истоки могущества Британии 39
Войны и деньги в европейской истории 44
Промышленная революция в Британии 48
Дискуссия о меркантилизме 51
Американские дебаты 53
Опиумное дело Британии 57
Глава 4. Расцвет и кризис капитализма в XIX веке 61
Объединение и расцвет Германии 65
Начало восхождения Японии 69
От империализма к Первой Мировой войне 72
Перед Второй Мировой 80
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Либерализм – Госкапитализм – Социализм
Для тех, кто хочет лучше понять экономику

Улукман Мамытов

© Улукман Мамытов, 2020

ISBN 978-5-4498-4134-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Улукман Мамытов
Либерализм – Госкапитализм – Социализм
Для тех, кто хочет лучше понять экономику

Посвящаю дедушке Бейшенби Мамытову

Предисловие

Прежде всего, хотел бы отметить, что настоящий труд, подобно сбору мозаики, является результатом исследования и своеобразного аналитического синтеза трудов нескольких десятков других исследователей – экономистов, социологов, политологов, историков, военных экспертов и других, без которых я, конечно же, не смог бы самостоятельно написать такой объемный материал, даже несмотря на свое изначальное видение работы в целом. Как говорил Исаак Ньютон, все это благодаря тому, что «я стоял на плечах гигантов».

Помимо всех этих исследователей, мне также хочется выразить огромную благодарность Киотскому университету, в котором мне и посчастливилось провести это 3-летнее довольно глубокое исследование в Японии, результаты которого и легли в настоящую книгу. Особенно мне в этом помогла обширнейшая библиотека университета, в которой можно было найти, практически, любую наиболее известную в экономическом сообществе книгу. Соответственно, хочется также поблагодарить программу MEXT Правительства Японии, благодаря которой мне и удалось поучиться в таком уникальном и престижном университете в свои 35 лет, откровенно говоря, сочетая приятное с полезным.

Сначала я хотел выпустить свою книгу на английском языке в Киотском университете, пока там обучался. Когда за полгода до окончания своего MBA-курса я завершил около 80% своей книги на английском языке, то я представил 3-страничное резюме книги самому, на мой взгляд, понимающему «политэкономичному» профессору – Такаши Хикино с вопросом, есть ли шанс ее опубликовать в университете. Однако, к сожалению, даже он мягко мне отказал, намекнув, что издание такого «вольного» материала, который противоречит ныне доминирующей неоклассической экономической теории не соответствует их задачам. В моем понимании, официальное принятие такого материала могло полностью перечеркнуть всю MBA-программу университета, сильно поставив под сомнение достоверность и качество этой образовательной программы, а также, соответственно, репутацию всех профессоров, которые преподавали нам эту теорию как единственно верную. В тот момент я убедился, что экономическая программа в современных даже японских университетах теперь не приемлет альтернативных мнений, хотя японские экономисты и профессора то должны знать, что выросла Япония в 1950-60-е годы именно вопреки неоклассической «свободнорыночной» экономике. Но об этом подробнее ниже.

Изначально моя книга была посвящена изучению вопроса – какая экономика необходима Кыргызстану для совершения экономического рывка? По сути, это и было целью моего приезда на обучение в Японию. До этого я лет пять проработал в сфере бизнес-консалтинга в Кыргызстане, а еще до этого был юристом и затем менеджером одной из российских фирм в Москве, представляя интересы американской компании, работавшей в сфере электронной коммерции. Начинал же я свою карьеру в органах безопасности, что, кстати, очень помогло мне увидеть в процессе изучения мировой экономики и политическую ее часть. Скажу больше, на мой взгляд, именно понимание международных геополитических процессов и открыло мне глаза на «подводную часть айсберга» экономики, и это как раз то, что, на мой взгляд, довольно многие экономисты не видят, да и не стремятся увидеть в силу узких рамок своих повседневных задач.

Традиционные экономисты привыкли рассматривать экономические процессы в мирном контексте, без внешних факторов геополитики. Образовательная система по экономике и бизнесу делает упор на микроэкономику, рассматривая, главным образом, уровень предприятия, ну или, в лучшем случае, уровень отрасли. Эксперты и консультанты по экономике и бизнесу обычно убеждают всех, что достаточно правильно выстроить и оптимизировать работу предприятия как развитие незамедлительно даст о себе знать, что именно внутренняя эффектив-

ность компании, главным образом, является ответом на все внешние проблемы конкуренции. Не преуменьшая фактора внутренней эффективности работы предприятия, тем не менее, забегая вперед, хочется отметить, что для развития экономики и бизнеса, особенно в таких небольших странах как Кыргызстан, одной внутренней эффективности недостаточно. Да, работа предприятия должна быть сосредоточена на выпуске качественной продукции (если говорить о производстве) по минимальной себестоимости. Однако, как только речь заходит о массовом производстве и экспорте, особенно технологичной продукции с высокой добавленной стоимостью, то возникают проблемы, связанные со сбытом, начиная от перенасыщенности рынков и заканчивая официальными и неофициальными преградами других стран, которые хотят поддержать своих производителей. И чем технологичнее продукция, тем больше таких преград.

Изучая бизнес и экономику Японии, я задавался двумя вопросами:

– Достаточно ли Кыргызстану и далее заниматься, главным образом, производством сельскохозяйственной продукции? И

– Если нужны технологии, то как их развить быстро?

Изучая японский бизнес, я столкнулся с необходимостью понять изначальные причины развития известных японских компаний и, вообще, всей японской экономики. При этом, немаловажное значение, оказывается, имели также и социальные и культурные факторы, которые в огромной степени способствовали развитию японского бизнеса. Это заставило меня изучить историю Японии, где я натолкнулся на целую цепь исторических событий, которые и привели Японию к сегодняшнему статусу третьей в мире экономики. И эти исторические события были связаны не с эффективностью японских предприятий. Наоборот, японские товары, которые попадали в Европу и Америку в 1950-60-х годах, считались там некачественными и дешевыми. Вопрос становления японского экономического чуда, таким образом, лежал в несколько иной плоскости – больше макроэкономической и исторически-геополитической.

Более глубокое изучение японской экономической истории привело меня сначала к Германии, затем к истории развития Великобритании, а затем, вообще, к истории развития всего капитализма. Так я понял, что для того, чтобы лучше понимать экономику, важны не математические формулы, графики и модели, на которые делает ставку современное экономическое образование, а гораздо важнее понимание исторических причин и факторов развития средневековых европейских стран, а также США, других Азиатских стран во второй половине XX века, ну и СССР.

Поэтому, в целях демонстрации логики экономического развития я и посчитал важным вкратце пройтись в первой части книги по истории развития экономик нескольких видных стран на общем историческом фоне. Изучение экономической истории позволяет понять логику мирового экономического развития и нащупать те самые основные причины и факторы, которые, так или иначе, влияют на успешность экономического развития.

Недавно мне задали вопрос: почему Северная Корея намного беднее Южной, намекая на проблемы диктатуры Северной Кореи и вообще коммунистической идеологии и экономики. При этом, задающий вопрос человек даже не знал, насколько сильной была диктатура южнокорейского президента Пак Чон Хи, который своей «железной рукой» обеспечил мощное экономическое развитие Южной Кореи в годы своего отнюдь не демократического правления в 1963—79 годах (подробнее о том, как это происходило в одной из последних глав). То есть сильная диктатура была и в Южной Корее, однако это ей не помешало стать богаче. Как бы, интересно, развивалась Южная Корея, если бы ей так же отрезали доступ к новым технологиям и внешней торговле, не позволяя никуда экспортировать свои технологичные товары, какими бы эффективными не были ее предприятия и даже отрасли? Ответы на подобные вопросы лежат уже не в экономике, а в геополитике.

Так вот, история экономического развития некоторых развитых стран хорошо проливает свет на то, что не только внутренняя эффективность предприятия обеспечивает такое разви-

тие, но также важны и окружающая геополитическая среда, а также роль государства, а точнее национального правительства, которое в условиях такой сложившейся среды может поддержать свои эффективные предприятия с доступом к технологиям и внешней торговле.

Вторая часть книги посвящена проблемам современной мировой экономики, которые стали результатом описанного в первой части исторического процесса. И все это перетекает в третью часть, которая является попыткой спрогнозировать, как в условиях указанных накопившихся проблем может дальше повести себя мировая экономика, куда она может привести в соответствии с выявленной логикой исторического процесса.

Ну и, забегая вперед, отмечу, что результатом моего исследования стала модель, которая и определяет логику большого исторического процесса мирового геополитического соперничества.

Упрощенно, модель демонстрирует, что успешное социально-экономическое развитие страны обеспечивается модернизацией и технологиями. Для того, чтобы их реализовать государство должно выстроить подходящую для себя экономическую модель, которая должна быть подкреплена соответствующей концепцией развития или идеологией. Идеология формирует соответствующую политическую повестку, которая в условиях международной капиталистической конкуренции может привести к торговому конфликту (Трамп и Китай который раз в истории это повторяют) и даже войне. Война же стоит особняком (действуют свои правила), тоже требует технологий и, таким образом, активно участвует в научно-технологическом развитии и цикличности всего этого процесса.

В этом можно убедиться, попробовав взглянуть на историю капитализма под новым углом зрения.

Часть I. История капитализма

Многие экономисты (и не только) задаются вопросом: почему одни страны развиваются быстрее других, имея в виду, прежде всего, экономическое благосостояние той или иной страны. Разные философы и исследователи давали разные ответы на этот вопрос, и часто эти ответы зависели от предмета изучения исследователя или его убеждений. Например, французский философ Монтескье в XVIII веке полагал, что экономическое развитие зависит от географического положения страны и его окружения; немецкий социолог Макс Вебер – от культуры и религии, профессор экономики и истории Дэвид Ландес считал, что важнейшим фактором были технологии, а некоторые другие убеждают, что определяющими всегда являются общественные институты, например частной собственности, которые так развили у себя страны Запада. А, например, монетарист Милтон Фридман уделял важную роль в экономическом развитии количеству денег в обращении, так как их обилие подпитывает экономику и стимулирует ее рост.

Каждый, наверное, по-своему прав – все эти факторы важны. Однако, как отмечал Чарльз Киндлбергер, историки часто считают какое-либо историческое событие уникальным, в то время как экономисты должны искать закономерности и системные связи между событиями и их последствиями. Нахождение таких закономерностей и позволяет лучше нащупать основные причины того, что лежит в основе экономического благосостояния и развития тех или иных государств. Поиску этих закономерностей и посвящена первая часть книги.

Глава 1. Деньги и войны в Древнем мире

Первые признаки более-менее развитых финансово-капиталистических отношений в истории, согласно большому количеству сохранившихся до наших дней исторических источников, появились на заре цивилизации в древней Месопотамии. Именно там, в Шумере и Вавилоне с расцветом земледелия и торговли начали проявляться первые признаки финансового капитализма – стремление к получению сверхприбылей от товарно-денежных отношений, а также концентрация ресурсов в руках наиболее богатых торговцев.

Все началось в Шумере и Вавилоне

Зародившись свыше 7 тысяч лет назад в Месопотамии, Шумерская цивилизация, как известно, стала первой в истории человечества зафиксированной в исторических источниках высокоразвитой для своего времени культурой. В Шумере начали процветать не только сельское хозяйство, торговля, городское строительство, письменность и простое счетоведение, но еще и литература, астрономия, математика и банковское дело, которые существенно повлияли и на последующие цивилизации.

Проживая в Междуречье Тигра и Евфрата, шумерские крестьяне выращивали достаточно пшеницы и иных культур, излишек которых позволял им развивать торговлю и коммерцию между городами-государствами, используя многие атрибуты рыночной экономики, включая правовое регулирование такой торговли, институт частной собственности, а также налогообложение. Управление такими усложняющимися экономическими отношениями позволило шумерцам развить клинописную письменность, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию государственного бюрократического аппарата в целях учета и для налогообложения. Бюрократия, основанная на письменности, уже имела эффект масштабирования, т.е. могла осуществлять больше деятельности и управлять на гораздо большей географической территории, чем только при устном управлении. Письменность также позволила увеличить налогооблагаемую базу, управлять более масштабными общественными работами, а также развивать денежное банковское дело в храмах[1]. Используемые на рынках и в храмах, деньги вначале включали в себя простые монеты для обмена на товары.

Религиозные храмы постепенно стали огромную роль в развитии торговли и роли денег в обществе. Боясь перспективы быть ограбленными ворами, торговцы и производители часто прибегали к храмам как безопасным кладовым.

Вдобавок к защищенности Богом, большинство храмов имели большие безопасные двери и часто были освобождены от налогов. И практика оставлять товары в храмах (за вознаграждение) не считалась необычной… Со временем, храмы стали функционировать как клиринговые дома по взаимным платежам для урегулирования контрактов между торговцами, что позволило развить множество дополнительных услуг, напоминающих современную банковскую систему… Так, когда наступало время урегулирования, храмы стали выписывать документы, удостоверяющие права их владельцев на получение товаров, находящихся во владении храмов. И торговцы быстро углядывали возможности больших прибылей, при сохранении товаров кредитуя других торговцев. Рост прибылей позволил определенному количеству торговцев отделиться от храма и уже самостоятельно предоставлять займы людям. Таким образом, развитие храмовых банков и торгового кредитования способствовали созданию денег

[1] Lipsey, R., Carlaw, K. и Bekar, C. Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long Term Economic Growth. Oxford: Oxford University Press, 2005.

и появлению современных банков, которые кредитовали как население, так и государство одинаково[2].

Таким образом, Шумер, вероятно, был первой цивилизацией в истории, которая создала основы современной финансовой системы кредитования. Такая система была важной для надлежащего поддержания экстенсивной торговли между городами-государствами Междуречья и других экономико-социальных отношений. Позднее все эти кредитно-финансовые знания перешли к последующей значимой цивилизации Месопотамии – Вавилону.

Вавилон был широко известен в древнем мире из-за своего богатства и роскоши, и, вероятно, был крупнейшим городом в мире в 1700-х годах до н.э., а также между 620-ми и 320-ми годами до н.э. с населением свыше 200 тысяч человек[3]. Сведения о Вавилоне, в основном, известны по древнегреческим и древнеримским источникам (Страбон, Диодор и др). Некоторые иллюстрирующие данные также можно почерпнуть из Ветхого Завета Библии.

Так, античные авторы, восторгаясь, писали, что знаменитый царь Навуходоносор II (604—561 до н.э.) построил легендарные Висячие Сады Вавилона – одно из семи чудес античного мира – которые представляли собой величайшее достижение инженерного искусства. Сады располагались высоко на верхних этажах высотных зданий, и вода подводилась наверх с помощью уникальных насосных систем. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне инженерных знаний и опыте соответствующих специалистов в Вавилоне, развитой системе разделения труда, которая поддерживалась рыночным спросом и, соответственно, высоким уровнем богатства вавилонского общества.

Как и Шумер, Вавилон, вероятно, стал самой развитой цивилизацией своего времени, основанной на экстенсивной региональной торговле и развитой кредитно-финансовой системе, обслуживающей эту торговлю. Как и шумеры, вавилонцы широко использовали инструменты кредитования и долга в своих торгово-коммерческих отношениях. В своем исследовании об истории ростовщичества и процентных ставок Сидней Хомер и Ричард Силла писали:

Большинство ранних исторических записей Месопотамии – Шумера, Вавилона и Ассирии – так или иначе, касается одалживания денег. Знаменитый Код Хаммурапи – первый известный в истории свод законов – регулировал коммерческие отношения. Нескольких небольших примеров будет достаточно. В Шумере с 3000 года до н.э. и до 1900 года до н.э. размер ставки процента при одалживании ячменя составлял 33%, в то время как за серебро 20%. Разница отражала тот факт, что долг в ячмене был более рискованным, чем в серебре, так как последнее не потреблялось и не портилось, так же, как и «урожай серебра»[4].

Царь Вавилона Хаммурапи известен в истории как первый автор свода законов, который пытался урегулировать кредитно-финансовые отношения в своем государстве, включая процентные ставки. Одно из самых важнейших правил, установленных Хаммурапи, определяло потолок, или максимальный размер ставки процента, который займодавец мог требовать с должника. Очевидно, что такое регулирование являлось результатом бесчисленных долговых кризисов, когда должники не могли погашать свои долги перед ростовщиками, и это порождало социальные конфликты в обществе, угрожающие самим основам государственности и правопорядка. Крестьяне часто испытывали трудности с выплатой долга и вынуждены были закладывать в качестве залога свой будущий урожай, землю и даже членов своих семей, порой даже жен и дочерей в безграничное пользование ростовщиков, как они того требовали.

---

[2] Martinez, M. The Myth of the Free Market: The Role of the State in a Capitalist Economy. Sterling: Kumarian Press, 2009. С. 82.

[3] Chandler, T. Four Thousand Years of Urban Growth. St. David's University Press, 1987.

[4] Homer S. и Sylla, R. A History of Interest Rates. Rutgers University Press, 1996. С. 29—30.

При ставке процента в 33,3%, вавилонские сельскохозяйственные долги удваивались каждые 3 года. И частой практикой для должников была оплата долга с передачей в качестве залога членов своих семей, которые работали у кредитора в счет уплаты процентов. Номер 117 из Законов Хаммурапи (1750 год до н.э.) устанавливал, что такие заложенные члены семей должников освобождались через три года, так как признавалось, что кредитор использованным трудом сполна получал расплату за долг. Долг признавался уплаченным, и члены семей должников могли возвращаться к своим семьям[5].

Трагические последствия подобных отношений также отражены и в Иудейских хрониках, которые описывают период в еврейской истории, известный как «Вавилонское пленение» или «Исход из Вавилона», во время которого часть иудеев древнего Иудейского Царства была захвачена и удерживалась в Вавилоне до падения города персидскому царю Киру Великому в 539 году до н.э., когда им снова было разрешено вернуться в родную Иудею[6].

Если кто-то одалживал «деньги едой» или что-либо выраженное в деньгах, то было законно взимать процент. В Месопотамии, у хеттов, финикийцев и египтян ростовщичество было законным и часто устанавливалось государством. Среди шумеров долги сопровождались процентом по ставке 20% в год; и эта процентная ставка почти всегда упоминается на Шумерских контрактных табличках и, очевидно, была хорошо известна в Иудаизме, так как это первая процентная ставка, упоминаемая в Талмуде…

Позднее, именно эти знания о силе процента в денежных отношениях, которые иудеи вынесли с собой из вавилонского плена, а также их широкое использование в средневековой Европе, и стали причиной того, почему окружающее их местное население всегда обвиняло их в ростовщичестве.

С такими развитыми коммерческими и финансовыми отношениями легендарный Вавилон процветал. Его жители были богатыми и потребляли множество роскошных вещей, процветало ремесленничество и инженерное искусство, и Висячие Сады были результатом такой развитой экономики.

Но в то же время алчность, тяга к роскоши и гордыня вавилонян стали причиной, почему Вавилон упоминается в Библии как символ греха человеческого и могущества Антихриста – «Вавилон великий, мать блудницам и всяким мерзостям земным», – гласит глава Библии «Откровение 17:5». Вавилон упоминается в библейских хрониках как город, который восстал против Бога, как символ порока и зла, как символ неповиновения, как город, где стремление к роскоши, богатству и разврату вытеснили умеренность и скромность, праведность и справедливость – вытеснили божественное начало в человеке.

Уроки Древней Греции

География Греции очень хорошо подходила для выращивания оливковых деревьев, чем пшеницы. Однако, для растущего населения все больше требовался также и хлеб. Мозес Финли, один из самых известных исследователей античной экономики, отмечал, что такие города как Афины, в основном, производили и экспортировали вино, оливки, глиняную посуду

[5] Hudson, M. The Bubble and Beyond: Fictitious Capital, Debt Deflation and the Global Crisis. ISLET, 2012. С. 74—5.

[6] Heichelheim, F. An Ancient Economic History, Том 2 (пер. Leiden 1965), i104—56. Процитировано у Johnson, P. A History of the Jews. 1989.

и серебро, но были критически зависимы от импорта зерна, железа, меди, олова, древесины, льна и рабов[7].

Такая зависимость от импорта, в частности пшеницы как основного продукта, была настолько критичной, что грекам ничего другого не оставалось, как решать эту проблему жестким регулированием. Около двух третей от всего импорта пшеницы, в основном из Черноморского региона, надлежало везти в Афины, и транспортировка зерна в какой-либо другой порт гражданином Афин наказывалась вплоть до смертной казни. Закон даже регулировал размеры прибыли при торговле зерном, чтобы удерживать баланс интересов[8].

Экстенсивная торговля и активная колонизация Средиземноморья позволила Афинам стать сильной морской державой. В свою очередь, военная мощь поддерживала торговлю и дальнейшее экономическое развитие. Так, когда Афины контролировали Босфор, они смогли наложить 10%-ную пошлину на всю торговлю и придумывали иные виды ее регулирования с целью ее замыкания на своем городе Пирее, где формировались доходы государства[9].

Такая агрессивная экономическая политика Афин в отношении соседей и дискриминация их интересов, в конце концов, привела к знаменитой Пелопоннесской войне 431—404 годов до н.э., разразившейся между двумя сильнейшими греческими союзами во главе с Афинами и Спартой. Известный российский исследователь и военный историк Сергей Переслегин, называл[10] эту войну одной из самых интересных и важных войн в истории древнего мира. Так, возглавляемая Афинами Делийская Лига была более развита экономически, политически и культурно, контролировала больше финансовых и материальных ресурсов, имела больше населения и была сильнейшей морской державой. Лигу также возглавляли выдающиеся политические и военные лидеры, составлявшие выдающиеся стратегические планы. Однако, в конце концов, несмотря на все это, Афины проиграли войну более слабой в экономическом отношении Пелопоннесской Лиге, возглавляемой Спартой. Согласно Переслегину, союз Афин был великолепен в мирное время морской торговли и состоял из большого количества независимых торговцев, однако он оказался не готов к изнурительной 27-летней войне, которая, в конце концов, истощила Афины и ее союзников. Спарта же, которая всегда была ориентирована на войну, смогла лучше вынести бремя долгой и изнурительной войны благодаря своей военно-мобилизационной модели общества, в отличие от свободной «рыночной» модели общества Афин.

Именно после Пелопоннесской войны морская и экономическая мощь Афин была подорвана, и весь регион пал под влияние царя Македонии Филиппа II, чей сын Александр Великий смог объединить Грецию и перенаправить ее военную мощь на завоевания Востока. Огромная территория от Италии и северной Африки до Индии и Средней Азии стала первым «глобализированным» миром с открытыми границами для свободной торговли между Европой, Азией и Африкой. Это была поистине глобальная империя для своего времени, которая представляла собой почти весь известный для древних греков мир.

Наследие Александра простиралось за пределы его военных завоеваний. Его кампании существенно увеличили контакты и торговлю между Востоком и Западом, и обширные территории на востоке стали открыты для греческой цивилизации и ее влияния. Некоторые,

---

[7] Finley, M. The Ancient Economy. Berkeley: University of California Press, 1973. C.133.

[8] Goetzmann, W. Money Changes Everything: How Finance Made Civilization Possible. Princeton: Princeton University Press, 2016. C. 75.

[9] Conybeare, J. Trade Wars: Theory and Practice of International Commercial Rivalry. New York: Columbia University Press, 1987. C. 84.

[10] Переслегин, С. Структура и хронология военных конфликтов минувших эпох. Приложение 1 Решающие войны прошлого, к книге Б. Лиддел-Гарта «Стратегия». 1999.

основанные им города, стали основными культурными центрами, многие из которых сохранились до XXI века[11].

Однако больше всего древнегреческая цивилизация оставила миру свое богатейшее наследие искусства, литературы, науки, математики и, конечно же, философии, с выдающимися трудами одного из самых великих философов всех времен – Аристотеля.

Аристотель (384—332 гг. до н.э.) был учителем Александра Великого и жил в эпоху Классического периода – самой интересной эпохе древнегреческой цивилизации – между Пелопоннесской войной и, так называемым, Эллинистическим периодом, который начался после смерти Александра. Будучи свидетелем многих интересных исторических событий и сравнивая общественные отношения в разных древнегреческих городах-государствах, а также имея доступ к бесценным сокровищам знаменитой Александрийской библиотеки, Аристотель имел хорошую возможность плодотворно размышлять об окружающем его мире, оставив после себя богатое наследие из трудов по многим современным дисциплинам, включая политику, экономику, право, логику, этику, эстетику, физику и биологию, что впоследствии стало первой целостной и комплексной системой знаний в истории философии. Философия Аристотеля позднее стала фундаментальной основой натурфилософии и теологии Схоластицизма в Средние века в Европе, и была использована для развития и объяснения различных аспектов Христианской доктрины через древнегреческий философский язык. Вместе с Аристотелем также и целый ряд других выдающихся греческих философов сделали большой вклад в развитие естественных наук, включая их практическое применение. Например, греческая геометрия способствовала развитию строительства и открытию принципов механики, которые заложили основы для понимания работы машин позднее. Хотя другие культуры также «использовали эти принципы эмпирически, но только древние греки воплотили эти знания в науку, в, так называемые, «технологии общего назначения» [12].

Корни европейской интеллектуальной жизни выросли из семян, посаженных как библейской религией, так и древними греками – традиции, которую часто называли браком между Афинами и Иерусалимом. Астрономия Птолемея (100—170 н.э.) предоставила математические модели для расчета расположения небесных тел, расчета полезного для составления календаря и астрологических карт. Хирурги Гиппократ (460—377 до н.э.) и Клавдий Гален из Пергама (129—216? н.э.) написали трактаты о теории и практике медицины, которые доминировали в медицинской науке еще столетия. Эти книги и философские работы пришли в раннюю Европу лингвистически и географически окольными путями, и подверглись в процессе изменениям. Аристотель, Птолемей, Гиппократ и Гален писали свои книги на греческом языке. Переписанные от руки, манускрипты этих работ еще долго циркулировали по Средиземноморью еще более тысячи лет[13].

«Монетаризм» Древнего Рима

Римская империя, как известно, была первой в мире супердержавой, чье военное могущество позволило ей создать мировой порядок, прозванный впоследствии «Pax Romana», т.е. «Римский Мир». На пике своего могущества во II веке н.э. империя простиралась от Британии и северной Африки на западе до Персидского залива и Каспийского региона на востоке,

[11] Roisman, J. и Worthington, I. A Companion to Ancient Macedonia. Wiley-Blackwell, 2010.

[12] Lipsey и др., 2005. С. 159.

[13] Osler, M. Reconfiguring the World: Nature, God, and Human Understanding from the Middle Ages to Early Modern Europe. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. С. 1.

представляя собой обширный общий рынок для торговли между Европой, Африкой и Азией, что позволяло Риму накопить огромные богатства в своей столице.

Как писал французский военный историк Жерар Чальян, военное превосходство почти всегда принадлежит тем обществам, «которые хорошо знают, как построить и удержать достаточно большую армию профессиональных солдат[14]». В основе могущества Рима, во многом, лежал профессионализм римской армии, которая представляла собой регулярное и профессиональное войско со всеми важными атрибутами современных армий. Такая организация и профессионализм римской армии стали результатом реформ Гая Мария – римского генерала и политика, который смог полностью стандартизировать армию, включая организацию и структуру легионов, систему тренировок и подготовки армии, вооружение и дополнительное оборудование, снабжение и рекрутирование. Важной реформой Гая Мария было также предоставление римского гражданства иностранцам, которые служили в Римской армии, что позволяло собирать большие легионы и свидетельствовало о привлекательности римского гражданства. То есть Рим, наверное, впервые в истории смог использовать, так называемую, «мягкую силу»[15], которая позволила ему достичь высокой популярности в античном мире.

В походах за Римской армией всегда следовал обоз со снабжением. И чтобы поддерживать снабжение стабильным (что было критически важным для организации регулярной армии), римляне строили дороги, качество которых было настолько высоким, что многие из тех дорог все еще сохранились до сегодняшних дней и некоторые даже могут использоваться по прямому назначению. Помимо дорог богатство Рима позволило построить в стране большое количество и других инфраструктурных сооружений, включая акведуки, плотины, мосты и амфитеатры, что позволило римлянам стать авторами многих технических инноваций в строительстве своего времени.

Одним из самых ярчайших примеров римского инженерного искусства является знаменитая римская канализационная система, которая хорошо сохранилась и до сегодняшних дней. Римские граждане имели возможность пользоваться такими достижениями инженерии как туалеты с канализацией и общественные бани (термы), поддерживая довольно высокий уровень жизни. В сравнении с Римом того времени, например, французская канализационная система «Les egouts» была построена только в середине XIX века, сразу же став гордостью Парижа, однако, фактически, всего лишь повторив достижение почти двухтысячелетней давности.

Такие великолепные, но дорогие инфраструктурные сооружения и такая большая профессиональная армия, очевидно, должны были объясняться сильной и монетизированной экономикой, и торговля, как и в Греции, стала ее важнейшим элементом. Развитие империи способствовало интенсивной торговле с северной Африкой и Ближним Востоком. Например, исследователь Рауль МакЛафлин писал в своей книге о торговле Римской империи с Азией, что масштабы этой торговли обеспечивали до трети доходов римского государства[16].

Китайский же историк Син-Жу Лю в своей книге о роли Шелкового пути в мировой истории отметил, что восточные караванные пути обеспечивали приток специй, благовоний и шелка, которые стали самыми ценными товарами в Риме. «Множество товаров прибывало с Востока через Центральную Азию и Персидскую Пальмиру, а также через Красное море из Индийских портов, в частности из Барбарикума в дельте реки Инд и Барыгазы в заливе Камбэй»[17]. Целая обширная сеть стратегически расположенных торговых постов «emporia»,

---

[14] Chaliand, G. A Global History of War: From Assyria to the Twenty-First Century. Перевод на англ. Mangin-Woods, M. и Woods, D. Oakland: University of California Press, 2014. С. 52.

[15] Подробнее о «мягкой силе» будет изложено в последующих главах.

[16] McLaughlin, R. The Roman Empire and the Indian Ocean, 2014.

[17] Liu, X. The Silk Road in World History. Oxford University Press, 2010. С. 21, 41.

на протяжении всех этих путей, способствовала масштабному торговому обмену, хранению, а также распределению товаров.

Однако, чтобы сбалансировать торговлю с Востоком Рим был вынужден платить золотом и серебром, так как не было почти ничего другого особо ценного, что Рим мог бы предложить восточным странам. Плиний писал: «ценности и роскошные товары из Индии, Китая и Аравии стоили империи около 100 миллионов сестерций каждый год», и что только в Индию уходила половина всей этой суммы, что «вызывало серьезную проблему во время Принципата»[18].

Процветание Рима поощряло импорт товаров роскоши в империю. Эта давняя история, что внутреннее производство и коммерция извлекали гораздо меньше прибыли от Августейшего процветания, чем дальние страны – от Испании до Индии. Старая земельная аристократия не интересовалась развитием своей индустрии; она продолжала вкладываться в землю и потребление товаров, произведенных иностранными производителями. Этот отток золота и серебра достиг опасных пропорций во времена Плиния и был значимым во времена ранней Империи[19].

Растущая нехватка монет заставляла Рим ограничивать экспорт золота и серебра из Италии, и это стало одним из первых проявлений раннего меркантилизма в экономической истории капитализма, когда импорт иностранных товаров вызывает отток твердой валюты за рубеж. И эта проблема поднимает интересный вопрос: каким образом Рим создавал деньги для обеспечения своей экономики и поддержания растущего импорта, для поддержания огромной профессиональной регулярной армии и строительства крупных инфраструктурных сооружений? Откуда Рим брал такое количество золота и серебра для чеканки монет?

Как свидетельствуют египетские папирусы того времени, а также сведения из Нового Завета по Галилее, Самарии и Иудее, Римская экономика была достаточно монетизированной[20], т.е. количества денег в империи было довольно много, и добыча серебра была его важнейшей частью.

Рим стал империей благодаря завоеваниям. А завоевания сами по себе были неким финансовым предприятием. Армии надо было оплачивать, кормить, транспортировать и укреплять гарнизонами на трех континентах. Рим должен был развить монетарную экономику [21].

Очевидно, что некоторое количество серебра приходило с военной добычей. Например, «в период между 200 и 150 годами до н.э. римляне добыли около 550 тонн серебра из Востока в качестве военной добычи»[22]. Рим поочередно накладывал руки на накопленные богатства всего Средиземноморья. «Сначала Карфаген и Испания, затем Македония, Греция, Азия, Нумидия, Восток, Галлия и, в конце концов, Египет – все наполнили сокровищницы Рима. Богатейшие города, такие как Тарентум, Сиракузы, Карфаген и Коринф были ограблены. Добыча была очень массивной»[23].

Однако другим, вероятно, не менее серьезным и наиболее устойчивым источником серебра являлись шахты на завоеванных территориях империи.

---

[18] Процитировано в Howgego, C. The Supply and Use of Money in the Roman World, 200 BC to AD 300. / «The Journal of Roman Studies», Том. 82, 1992. С. 5—6.

[19] Frank, T. The Financial Crisis of 33 A.D. / «American Journal of Philology», 1935. С. 340.

[20] Howgego, 1992. С. 16—17.

[21] Goetzmann, 2016. С. 103.

[22] Patterson, C. Silver Stocks and Losses in Ancient and Medieval Times. / «The Economic History Review», Том 25/2, 1972. С. 222.

[23] Howgego, 1992. С. 4.

Римские легионы контролировали все богатейшие серебряные копи всего цивилизованного мира и каждый год добавляли около 30 тысяч новых рабов к существующей армии из 150 тысяч, которые работали и умирали на этих серебряных шахтах[24].

По мере своего расширения, Рим захватывал все новые шахты в качестве военных трофеев, и два самых крупнейших источника были Карфагенские серебряные и золотые шахты на севере Испании. Согласно исследованиям профессора Калифорнийского Института Технологий Клэр Паттерсон, объемы добываемого серебра были наивысшими в период с 50 года до н.э. и до 100 года н.э.:

Период	Общемировое производство серебра (тонн)	Среднегодовое производство (тонн)	Мировые запасы на конец периода (тонн)
350 – 250 до н.э.		25	1500
250 – 150 до н.э.	6000	60	3000
150 – 50 до н.э.	10000	100	5000
50 до н.э. – 100 н.э.	30000	200	10000
100 – 200 н.э.	10000	100	7000
200 – 300 н.э.	3000	30	2000
300 – 400 н.э.	2500	25	1300

Добыча серебра римлянами. Источник: Patterson, 1972. С. 228.

Полибий записал, что в 140 году до н.э. серебряные шахты возле Нового Карфагена в Испании обеспечивали для государства около 25000 драхм (денариев) каждый день… Плиний же отмечал, что золотые шахты на севере Испании в Галиции, Лузитании и Астурии, из которых последняя была самой наиважнейшей, производили 20000 фунтов золота каждый год при раннем Принципате. Хотя цифры, данные Плинием кажутся слишком завышенными, тем не менее даже Страбон и Диодор утверждали, что Испания, в целом, была самым важным источником золота и серебра для Рима[25].

Количество денег в Риме оказалось настолько большим, что это позволило римлянам не только содержать самую большую армию и инфраструктуру, но и вести роскошную жизнь. Ниже также дана оценка Клэр Паттерсон по количеству римского серебра по сравнению с другими регионами:

[24] Patterson, 1972. С. 232.

[25] Howgego, 1992. С. 6.

Период	Регион	Население	Общие запасы (тонн)	Граммов серебра в монетах на человека
450 до н.э.	Делийский союз (Афины)	2 000 000	~800	200
150 н.э.	Римская империя	50 000 000	~10 000	100
800 н.э.	Европа и мусульманский Восток	50 000 000	~1 000 – 2 000	15
1938	США	130 000 000	100 000	164

Добыча серебра на душу населения. Источник: Patterson, 1972. С. 216.

Таблица хорошо демонстрирует тесную связь уровня монетизации с высокой развитостью экономики страны, а также, в целом, высокой социально-экономической развитостью государства и общества. Афины, Рим и США, в этом контексте, были обильно обеспечены денежной массой, если говорить на языке современной экономики.

«Средний римский гражданин наслаждался такими материальными стандартами жизни, какие стали возможными только с началом индустриальной эпохи в XVIII веке», – писал известный американский экономист Лестер Туроу[26]. Развитие консьюмеристского (потребительского) общества в Риме хорошо иллюстрирует обеспеченную жизнь римлян, где «хлеб и зрелища» стали представлять собой главную заботу римских граждан, которых больше не беспокоили какие-либо политические события, в которых раньше они были активно вовлечены. Римские политики стали активно этим пользоваться, продвигая нужные им законы, просто снабжая беднеющее население дешевой едой и развлечениями.

Однако, шахты не были бесконечны, и это должно было когда-то кончиться:

Вполне вероятно, что следующая цепь событий определила рост и дезинтеграцию империи: развитие мощной экономики, основанной на увеличении производства серебра и циркуляции серебряных денег; истощение серебряных источников и уменьшение производства серебра; уменьшение запасов серебра от невосполнимых потерь; и экономический хаос вслед за существенным исчезновением серебра[27].

Серебряные источники со временем стали истощаться, однако общественное потребление оставалось прежним, если не росло еще больше. Власти Рима были вынуждены поддерживать существующий уровень денежного предложения, чтобы не допустить социального напряжения в государстве. В результате, количество серебра в монетах стало уменьшаться, что вызывало инфляцию.

Римские монеты стали обесцениваться при императоре Нероне (54—68 н.э.), когда количество серебра уменьшилось со 100 процентов до 90. Траян (98—117 н.э.) довел количество серебра в монетах до 85 процентов, а Марк Аврелий (161—180 н.э.) до 75 процентов. После правления императора Коммода (180—192 н.э.) и Септимия Севера (193—211 н.э.),

[26] Thurow, L. The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. New York: Penguin Group, 1996.

[27] Patterson, 1972. С. 228.

содержание серебра в денариях уменьшилось до 50 процентов… К правлению императора Галлиена (260—268 н.э.) серебряное содержание в монетах уменьшилось до 4 процентов, порождая инфляционный рост цен[28].

По мере разрастания инфляции в Риме в середине IV века, потребность в увеличении налогов при одновременном обесценении денег привело к полному разрушению Римской рыночной экономики в отсутствие прежних объемов денежного предложения.

Долговое бремя становилось серьезным, так как практика царской отмены долгов осталась в прошлом. Ливий, Диодор и Плутарх описывали, как Римская ростовщическая олигархия перекладывала налоговое бремя на менее процветающий класс, толкая их к банкротству, что, в конце концов, разрушило саму денежную экономику и привело к Темным векам, где выросла Христианская Церковь для отмены ростовщичества[29].

Христианская Церковь стала получать все большую популярность в народе. Учение Христа не просто призывало к скромности и умеренности на фоне необузданного разврата и гедонизма римского общества, но и предписывало запрет на ростовщическую деятельность, которая порождала нетрудовое обогащение торговцев за счет все большего обеднения трудового населения, что вело к усилению неравенства, конфликтам и социальной нестабильности.

Многие аспекты раннего Христианства были социалистическими по своей природе, и это была реакция на деструктивность Римского капитализма. Христианство также основывалось на принципе воздаянии нуждающимся. Это представляло собой контрбаланс более капиталистической основе Иудаизма, который продолжал поощрять жесткую коммерцию в целом, и одалживание денег за проценты в частности. Финансы были подавлены в Европе Христианскими указами вплоть до четырнадцатого века, когда в Италии прошли новые законы, разрешающие одалживание за проценты, что снова вызвало возврат финансов[30].

Это стало началом Темных веков в Европе. Как отметила Клэр Паттерсон в своем вышеизложенном исследовании, со времен коллапса Римской империи европейские экономики так и не смогли восстановиться вплоть до обнаружения новых серебряных рудников в Германии в 900 году н.э.

[28] Lewis, N. Gold: The Once and Future Money. New Jersey, 2007. С. 23.

[29] Hudson, M. Процитировано у Douglas, A. The Philosophy of Debt. New York, 2016. С. 42.

[30] Lewis, 2007. С. 24—25.

Глава 2. От Темных веков до раннего капитализма

Очень важно отметить, что эпохой основания Европы как цивилизации считается период между 800 и 1000 годами н.э. … В этой связи, Средние века можно рассматривать как долгий период невежества и предрассудков перед восхождением «Западной цивилизации», которая началась в Греции и приобрела свой полный облик только в эпоху Возрождения и Реформации. Еще точнее, только в шестнадцатом веке Европа смогла вытолкнуть себя к окончательной гегемонии над миром. Но все это было бы невозможно без экономического, институционального и культурного капитала, накопленного между 1000 и 1400 годами. Несмотря на темноту Каролингской эпохи в начале второго христианского тысячелетия, это было время 1000-го года, а не открытие Америк или морского пути в Индию и Катай [Cathay – Китай], которое ознаменовало восхождение Европы на пути, ведущем к современности [31].

Как известно, эпоха Темных веков в европейской истории следовала сразу же за падением Римской империи в 476 году н.э. и характеризовалась существенной культурной и экономической отсталостью Западной Европы по сравнению с предыдущей эпохой расцвета Римской империи. Самые крупные города Европы были не больше одной двадцатой размера Рима[32]. Считается, что в этот период было утеряно огромное количество важных технологий, одна из которых – цемент, была снова открыта только спустя тринадцать веков. Римские водная и канализационная системы также были утеряны на тысячу лет. Но самой великой трагедией была утрата громадного массива знаний[33].

Уровень жизни упал намного ниже, чем в процветающей Римской империи… Грамотность также упала настолько сильно, что только монахи могли читать[34].

Дьявол скрывался в форме социальной дезорганизации и дезинтеграции. Идеология, а не технологии, породили долгий спад вниз. Люди постепенно забыли все, о чем знали, за сравнительно небольшой срок. И как только жизненные стандарты откатились назад, больше они не могли восстановиться более двенадцати веков[35].

Даже кладка кирпича была заброшена: во всей Германии, Англии, Голландии и Скандинавии никаких каменных зданий, за исключением соборов, не было воздвигнуто в течение почти тысячи лет. Было мало железа и не было плугов, крестьяне пользовались простейшими пиками, вилами, лопатами и серпами.

Сельское хозяйство и транспорт были неэффективными, и население постоянно голодало. Бартерная экономика прибегала к монетам лишь постольку, поскольку феодалы, обогащенные грабежом и завоеваниями, нуждались в некотором количестве валюты для оплаты своих войн, откупов, отправки в крестовые походы и женитьбы своих детей. Королевские чиновники не обладали элементарными знаниями и были зависимы от арифметики, позаимствованной от арабов[36].

---

[31] Malia, M. History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World. Yale University Press, 2006. C. 12—13.

[32] Manchester W. A World Lit Only by Fire: The Medieval Mind and the Renaissance: Portrait of an Age. 1992. C. 47; Thurow, 1996. C. 266.

[33] Bernstein, W. The Birth of Plenty: How the Prosperity of the Modern World Was Created. McGraw-Hill, 2004. C. 3.

[34] Manchester, 1992. C. 96.

[35] Thurow, 1996. C. 261.

[36] Manchester, 1992. C.99.

Все люди принадлежали феодалам, которые полностью контролировали все аспекты их жизни: домашнее хозяйство, труд, отправление правосудия и иногда даже сугубо семейные вопросы. А те, кто был все еще свободен, все равно часто предпочитали продать себя в услужение феодалу для получения работы и безопасности[37]. Но все их души отныне полностью принадлежали Церкви.

Церковь стала обладать громадной властью и полностью диктовала, как люди должны себя вести морально и этически. Церкви принадлежало исключительное право интерпретации христианских норм и, в конце концов, Церковь стала обладать высшей политической властью над светскими королями и императорами, которую она использовала для объединения всех христиан[38].

Долгом христианина было не преследование хорошей жизни в этом мире, а избежание ада после перехода в мир иной, т.е. важно было не экономическое процветание, а сдерживание своих желаний и умеренность во всем. Ростовщичество, которое процветало в прежнюю античную эпоху, стало грехом, так как получение процента от используемых денег означало смерть души[39].

Как учило Евангелие, любое богатство было подозрительным, и особенно богатство, полученное не от продуктивного труда, а от ростовщической деятельности путем одалживания денег за проценты. Это считалось настолько греховным, что заслуживало проклятья. Материальные ценности, и особенно их воплощение в деньгах, означали царствие Маммона; а человек не мог одновременно служить и Богу, и Маммону. И таким образом, вплоть до шестнадцатого века Европа разрывалась между все время возрастающим талантом к созданию богатства и стойким осуждением, что царство Бога не в этом мире. Более того, этот конфликт стал еще острее, когда само воплощение тела Христа на земле, Церковь, была поймана в ловушку Маммона[40].

В то же время переводы греческих и арабских рукописей на латинский язык стали приобретать все большее значение и оказывать влияние на науку и натурфилософию средневековой Европы. Работы Аристотеля, Птолемея и Галена стали постепенно доминировать в средневековых университетах. Эти работы, сначала переведенные с греческого на арабский, а затем с арабского на латинский языки, сформировали основу средневекового курса обучения во все большем количестве европейских университетов.

Теология стала фундаментальной основой для натурфилософии в Средние века, потому что философия Аристотеля стала широко использоваться для объяснения различных аспектов христианской доктрины… В Париже Факультет Теологии – один из трех главных факультетов (другие два медицинский и юридический), был доминирующим. Теология считалась царицей всех наук в средневековой иерархии дисциплин… Тексты Аристотеля составляли основу его образовательного курса даже несмотря на то, что философия Аристотеля не всегда соответствовала христианской теологии. Например, он утверждал, что мир вечен, а согласно христианской доктрине Бог создал мир, что означало, что мир имеет свое начало во времени. Отсутствие совершенного соответствия повлекло за собой несколько интересных последствий. Вместо отрицания учения Аристотеля ряд средневековых ученых начали

[37] Thurow, 1996. С. 265.

[38] Hybel, A. The Power of Ideology: From the Roman Empire to Al-Qaeda. 2010. С. 41—42.

[39] Kurz, H. Economic Thought: A Brief History. Columbia University Press, 2016.

[40] Malia, 2006. С. 24.

искать пути приведения этих противоречий в гармонию. И самой важной из этих попыток стала величайшая книга Доминиканского монаха Фомы Аквинского (1224/27 – 1274) – «Summa Theologica». В этом массивном труде Фома Аквинский попытался объяснить христианскую доктрину с помощью философии Аристотеля… И в результате таких попыток объединения теологии и университетских исследований возникло новое философское направление – Схоластицизм[41].

Золотой Век Ислама

Между тем, рост Ислама на Аравийском полуострове и последующее завоевание в VII веке всего региона арабами становилось одним из важнейших событий в мировой истории. Новые исламские династии быстро переняли методы государственного управления у Византии и Сассанидов и смогли построить сильную империю. Сочетание арабской и персидской традиций сформировало новый культурный синтез, который оказался очень влиятельным на огромной территории от Атлантического побережья на западе и до Центральной Азии и долины реки Инд на востоке. В Битве при Таласе на территории сегодняшнего Кыргызстана в 751 году арабы даже нанесли поражение китайским войскам.

Новая большая империя снова после Александра Великого соединила Восток с Западом и открыла пути для движения людей, товаров, технологий и идей в одном интегрированном пространстве, объединенном Исламом и арабским языком.

Первые же завоевания принесли арабам огромную добычу. Новые земли под властью мусульман были богатыми странами с древними цивилизациями, и населенные образованными людьми, производившими множество полезных и желанных товаров. Развитие Ислама происходило среди множества торговых караванов, служивших коммуникациями между сотнями городов, рассыпанных на всем протяжении Шелкового пути и далее в Северной Африке.

Однако кроме торговли, расцвет Ислама в VII – VIII веках стимулировал новый интерес к древним знаниям греков. Ученые в Багдаде смогли перевести на арабский язык множество работ древних греков по философии, натурфилософии, математике, астрономии и медицине[42].

Багдад, чье расположение было идеальным для расцвета торговли и коммерции, также стал интеллектуальным центром государства, когда второй халиф Аббасидов Аль-Мансур основал дворцовую библиотеку, смоделированную по образцу Императорской библиотеки Сассанидов, и обеспечил политическую и экономическую поддержку всем интеллектуалам, работавшем в ней. Он также приглашал множество ученых из Индии и других дальних стран для обмена знаниями по математике и астрономии[43].

После него уже четвертый халиф Гарун Аль-Рашид, который также интересовался наукой и поэзией, основал, так называемый, «Дом Мудрости» (Байт аль-Хикма), который стал той самой легендарной библиотекой, где переводились древние ценные рукописи не только с греческого, но и с персидского, индийского, китайского, египетского и финикийского языков на арабский и персидский, которые затем были снова переведены на тюркский, еврейский и латинский языки[44]. Это был Золотой век Ислама, который длился с VIII по XIII века, когда наука, культура и экономика всего мусульманского Востока процветали так, что существенно опережали Европу.

---

[41] Osler, 2010. С. 5.

[42] Osler, 2010. С. 3—4.

[43] Al-Khalili, J. The House of Wisdom: How Arabic Science Saved Ancient Knowledge and Gave Us the Renaissance. 2011. С. 67—78.

[44] Gregorian, V. Islam: A Mosaic, Not a Monolith. 2003. С. 26—32.

Греческие рукописи продолжали влиять на медицинскую науку в Средние века. Авиценна, который писал труды по медицине, философии и алхимии, составил «Канон Медицины», всеобъемлющий трактат по теории и практике медицины, ставший важным обобщением и продолжением греческой медицины. Канон вобрал в себя идеи Гиппократа, Галена, Диоскорида и других авторов, дополненных ранними арабскими мыслителями. Труды Авиценны оказали существенное влияние на арабскую традицию и были переведены на латинский язык в двенадцатом веке, после чего стали влиять и на европейских философов, которые стали называть Авиценну «Галеном Ислама»[45].

Исламская культура процветала вместе с экономикой и наукой. Мусульмане того времени были отмечены такими «удивительными инновациями, как использование зубной щетки и ароматизированных дезодорантов, а также практикой смены одежды в зависимости от сезона и упорядоченным потреблением еды»[46]. Материальные и культурные артефакты Востока стимулировали не только их имитацию на Западе, но и их трансформацию и дальнейшее развитие на пользу всей человеческой цивилизации.

Крестовые походы

До XI века, несмотря на процветание Исламской культуры, христиане рассматривали мусульман как обычных варваров, в соответствии с учением Церкви. При этом, однако, баснословные богатства и удивительные чудеса Востока восхищали Западных путешественников и были очень привлекательными для европейской знати и торговцев[47].

В 1071 году, когда армия Византийской империи была побеждена воинством мусульман в Битве при Манзикерте, ее император Алексий запросил помощи от Рима. Однако Риму понадобилось целых два десятилетия, чтобы организовать среди христиан общее антимусульманское волнение. В 1095 году на Совете в Клермоне Папа Римский Урбан II смог, наконец, убедить европейских христиан, что они должны покончить с бесконечными распрями и войнами между собой и перенаправить свою силу на «справедливую» войну против нехристей[48].

Первый Крестовый поход стал значительным успехом – в 1099 году был захвачен Иерусалим, и на земле Палестины было основано несколько христианских государств.

Хотя каждый из [восьми] Крестовых походов имел собственное обоснование, все они выделились из одной главной идеологической основы. Они возникли из веры, что Крестовые походы одобрены и поддерживаются Господом, и участие в этой священной войне являлось формой религиозной преданности, становлением еще большим христианином. Однако, очень быстро Крестовые походы превратились в нечто большее, чем просто религиозный акт. Они включали военные действия, где религиозный мистицизм стал сосуществовать с политическими, экономическими и социальными интересами[49].

Постепенно, экономические интересы стали доминировать над «религиозной преданностью». Пока простолюдины, вдохновленные «мистицизмом», сражались на смерть во имя Господа, их предводители – аристократическая знать и их сыновья – были больше озабочены приобретением новых земель.

---

[45] Osler, 2010. С. 28—9.

[46] Findlay, R. и O'Rourke, K. Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium. Princeton: Princeton University Press, 2007. С. 61.

[47] Greenberg, M. British Trade and Opening of China 1800—42. Cambridge University Press, 1969. С. 2.

[48] Hybel, 2010. С. 33.

[49] Там же. С. 34.

Однако самую большую выгоду смогли извлечь торговцы-перекупщики, которые стали зарабатывать баснословные прибыли от транспортировки армий по морю, от торговли и оказания посреднических финансовых услуг, количество которых существенно возросло между Европой и воюющими на Святой земле. Два средневековых церковных ордена – тамплиеры и госпитальеры – даже смогли развить собственные системы денежных переводов вдоль всех основных путей Крестовых походов и паломничества, от одного храма к другому[50]. А двое сильнейших морских городов-государств Италии – Венеция и Генуя, используя свои преимущества на море, смогли для себя выторговать у Рима привилегии по ведению в Сирии и Палестине выгодной коммерции, превратив Священную войну в прибыльный бизнес[51]. Торговля для европейцев стала настолько важной, что, например, когда в 1249 году христианские войска захватили город Дамьетту – стратегический торговый порт в Египте, и мусульмане предложили обмен и отдать Иерусалим вместо Дамьетты, предводители христиан отвергли обмен, так как Иерусалим теперь им был менее интересен[52].

Постепенно европейские торговцы начали извлекать прибыль не только от обслуживания своих же христиан, но и наживаться на торговле с врагами. Торговля с мусульманами была не менее прибыльной для купцов из Венеции и Генуи, а порой даже приносила сверхприбыли.

Один интересный вопрос скоро возник в ходе долгого и кровопролитного конфликта между христианами и мусульманами, а именно вопрос приемлемости торговли с врагом… Несмотря на папские эдикты, запрещающие снабжение мусульман военными материалами, итальянские морские державы продолжали поставлять мусульманам оружие, корабельные принадлежности и другие полезные товары, а генуэзцы, в частности, поставляли рабов из черноморского региона для элитных войск Мамлюков, тех самых, которые выдавливали крестоносцев из земель Сирии и Палестины[53].

Венецианцы имели большой опыт торговли с Египтом, даже в самый разгар Крестовых походов… Известно, что Саладин похвалялся перед своим халифом тем, что европейцы вполне счастливы, поставляя ему вооружение против их своих же соплеменников[54].

Первые капиталы Венеции

К концу XIII века Венеция стала самым процветающим городом в Европе. На пике своего могущества и богатства Венеция имела около 36000 моряков и 3300 кораблей, доминировавших в средиземноморской торговле[55]. Благоприятное географическое положение Венеции между Ближним Востоком, Византией и Западной Европой существенно способствовало развитию ее торговли, особенно после Договора о торговых преференциях с Византией в 1082 году.

И большая часть этого богатства возникла от торговли с мусульманами специями, которые постепенно стали самым востребованным товаром для зажиточных европейцев. По некоторым оценкам, импорт перца в Европу составлял около 1000 тонн в год в XIV веке, и 60%

[50] Hudson, 2012. С. 33.

[51] Findlay и O'Rourke, 2007. С. 93.

[52] Bernstein, W. A Splendid Exchange: How Trade Shaped The World. Atlantic Books, 2008. С. 153.

[53] Findlay и O'Rourke, 2007. С. 96.

[54] Bernstein, 2008. С. 119.

[55] Gini, A. и Marcoux, A. The Ethics of Business: A Concise Introduction. Lanham: Rowman & LittleField Publishers, 2012. С. 137.

всего этого поставляла Венеция. Импорт же других специй составлял около 470—550 тонн, из которых Венеция поставляла менее половины[56].

Самое видимое наследие того богатства и роскоши, которое было создано средневековой торговлей специями, все еще поражает взгляд в сегодняшней Венеции, чьи «grand palazzo» [дворцы] и величественная архитектура были, главным образом, построены на прибылях от торговли перцем, корицей, мускатным орехом и гвоздикой. Сто фунтов мускатного ореха, купленных в средневековой Александрии за десять дукатов, можно было легко продать за тридцать или пятьдесят дукатов на верфях в Венеции. Даже после оплаты транспортировки, страховки и таможенных пошлин прибыль более 100 процентов была рутинным делом, а обычная венецианская галера перевозила от ста до трехсот тонн между Египтом и Италией, зарабатывая огромное состояние за раз… Историк Фредерик Лейн оценивал, что накануне выхода португальцев к Индийскому океану в конце пятнадцатого века, быстрые венецианские галеры перевозили 3 500 000 фунтов специй ежегодно через Средиземное море, большую часть которых загружали в Александрии[57].

Но была одна существенная проблема в этой торговле с Востоком. Как и в случае с Римской империей, у европейцев практически не было каких-либо хороших товаров, серьезно интересовавших мусульманских купцов, в обмен на крайне востребованные у европейцев специи. До того, как испанское серебро из Перу и Мексики хлынуло в Европу в XVI веке, Европа, как и прежде Римская империя, страдала от острой нехватки твердой валюты в торговле с Востоком. Были некоторые товары, как например итальянское стекло, однако на них не было большого спроса, который мог бы покрыть растущий торговый дефицит. И европейцам пришлось скоро найти такой товар – это были рабы.

Итальянские купцы стали самыми процветающими в мире торговцами рабами. Они захватывали или покупали людей вокруг Черного моря и продавали их на невольничьих рынках Египта и Леванта. Самый большой спрос был на светлых славянских женщин, которые уходили в богатые гаремы, а также на кавказских мужчин, которые становились знаменитыми египетскими мамлюкскими воинами, сражавшимися против монголов и крестоносцев[58].

Торговля с дальними странами стимулировала развитие сложных коммерческих и финансовых практик и инструментов, и Венеция, развивая у себя такие инновации, стала самой развитой экономикой в Европе. Венецианцы развили систему двойной бухгалтерской записи, систему векселей, а также широко использовали ноль после того, как математики (в частности, Леонардо Фибоначчи) познакомили их с этой важной арабской концепцией.

Путешествие из Венеции к восточному Средиземноморью занимало около месяца… И такая торговля с дальними странами требовала больших инвестиций наперед. Должного размера судно было «самым главным капитальным вложением» и требовало надлежащего ухода. Позднее, груз мог оказаться ценнее самого судна. В 1100 году только самые богатые семьи Венеции могли позволить себе финансировать такие предприятия.

Таким образом, такая морская торговля создала особые потребности в организации рынков капиталов, потребности, которые вели к возникновению новых институтов по мобилизации и направлению капиталов в нужные начинания. Такая торговля имела три характеристики. (1) Она требовала больших капитальных инвестиций по сравнению с другой обыч-

[56] Findlay и O'Rourke, 2007. С. 140.

[57] Lane, F. Venetian Shipping During the Commercial Revolution. / «The American Historical Review», Том 38/2, 1933. С. 219—239. Процитировано у Bernstein, 2008. С. 110.

[58] Bernstein, 2008. С. 111.

ной коммерческой деятельностью, сельским хозяйством или мануфактурой. (2) Вопрос залога был проблематичен, так как капитал буквально уплывал из виду. (3) Так как торговцы уплывали и были вне доступа инвесторов, возникали агентские проблемы… «Colleganza» стала решением этих проблем[59].

«Colleganza» – одно из венецианских инноваций – партнерства с ограниченной ответственностью, которые стали предшественниками акционерных обществ более позднего периода. Профессор Томас Сафли отмечает[60], что венецианцы стали авторами первых современных корпораций, управляемых профессиональными администраторами, распределявшими прибыли для акционеров и вознаграждавшими работников по их способностям.

Торговля и финансовая деятельность стали настолько процветать в Венеции, что начали появляться крупные владельцы капиталов, заинтересованные в поисках новых точек приложения своих капиталов, более значимых и масштабных, как, например, одалживание крупных сумм денег целым королевствам и их суверенам. Профессор Сафли упоминает некого Джованни Виллани, итальянского банкира XIV века из Флоренции, который в своей книге «Nuova Cronica» писал, что итальянский Банк Перуцци одолжил английскому королю Эдварду 600000 флоринов, а Банк Барди 900000. Более 140 итальянских банков, в основном венецианских, финансировали не только коммерческие предприятия, но и целые королевства. Один из таких итальянских банковских конгломератов – Компания Риккарди, основанная в 1230 году – открыла широкую и разветвленную сеть филиалов в Риме, Бордо, Париже, Фландрии и других крупнейших городах Европы.

Государственные займы для поддержания войн, которые постоянно вела Венеция на протяжении всей своей турбулентной истории, были важнейшей характеристикой рынков капиталов Венеции. К XIII веку Республика уже могла привлекать большие объемы долговых денег от своих самых богатых граждан. Эти займы, называемые «prestiti»… могли быть далее перепроданы на внутреннем или иностранном рынках капиталов. Записи этих продаж на протяжении трех столетий предоставляют историкам экономики непрерывную картину динамики процентных ставок на одном из самых важных рынков Европы. Венеция быстро выросла в военную и морскую торговую державу, которая стала доминировать в восточном Средиземноморье на протяжении почти пятиста лет [61].

Международная торговля и финансовое развитие породили целую прослойку баснословно богатых торговых и могущественных финансовых семей в Венеции. Период между 1297 и 1323 годами известен в венецианской истории как «Serrata», или «завершение», и характеризуется падением венецианской политики под мощный и кабальный контроль богатейших венецианских семей, что стало «триумфом олигархии»[62]. Эти олигархи, используя свои ресурсы, смогли блокировать политическое и экономическое конкурирование, воздвигая барьеры для участия в прибыльной торговле для других желающих[63]. Постепенно важнейшие государственные должности стали занимать исключительно выходцы из богатых семей и новой знати, которые, к тому же, стали получать солидное государственное жалованье. Венеция пре-

[59] Puga, D. и Trefler, D. International Trade and Institutional Change: Medieval Venice's Response to Globalization. / National Bureau of Economic Research, 18288. 2012. С. 12.

[60] Safley, T. The History of Bankruptcy: Economic, Social and Cultural Implications in Early Modern Europe. New York: Routledge, 2013. С. 13.

[61] Bernstein, 2004. С. 140.

[62] Norwich, J. A History of Venice, 1977. Процитировано у Puga и Trefler, 2012. С. 3

[63] Puga и Trefler, 2012. С. 34—5.

вратилась в государство для избранных, для элиты из олигархов, которые стремились сохранить такой статус и продвигать институты, защищающие их интересы. Теперь они

были вполне способны самостоятельно финансировать свою торговлю и больше не нуждались в первоначальных институтах мобилизации капитала. Более того, теперь они начали противостоять таким институтам: развитые рынки капиталов снижали барьеры для вхождения в прибыльную торговлю с дальними странами, а это создавало конкуренцию и снижало прибыли. Также те, кто недавно обогатился от такой торговли, начинали заниматься политикой и так же конкурировали за важные политические должности («рента для знати»). Старая знать стремилась повысить барьеры для входа в политику… и противилась институциональному динамизму[64].

Венеция продолжала свою торговлю и коммерцию, однако теперь только небольшая фракция была вовлечена в такую прибыльную деятельность. Власть и богатство в Венеции стали все больше концентрироваться в руках немногих. И по мере усиления такой концентрации стал нарушаться первоначальный общественный динамизм, и государство, шаг за шагом, начало терять свои завоеванные в XIII веке позиции.

В середине XV века потерявшая динамизм и ослабевшая Венеция утеряла существенную часть своей торговли с Востоком, когда в 1453 году Константинополь пал под ударами турок-османов. К этому времени португальцы были уже близки к открытию нового морского пути в Азию вокруг Африки, и уже под занавес XV века Васко да Гама, наконец, вышел к Индийскому океану, навсегда положив конец монопольной торговле Венеции с мусульманами.

Протестантская Реформация

Всего до нескольких сот лет назад многие религии были вовлечены в классическое монопольное поведение – извлекали золото, имущество и состояние из своих последователей в обмен на одобрение в этом мире и спасение в мире ином[65].

В конце Средневековья в XV веке Церковь имела практически абсолютную власть в Западной Европе, и эта власть постепенно стала развращаться. Священники и епископы все больше желали использовать свою власть для лучшей жизни на земле, чем на небесах. В Англии, например, Церковь стала все больше вовлекаться в коммерцию, экспортируя большие объемы шерсти[66].

Епископы и кардиналы зарабатывали сказочные состояния от продажи церковных десятин и индульгенций (прощение за грехи, выкупаемое у Церкви). Иоанн XXII, который носил папскую тиару с 1316 по 1334 годы, был известен своим большим аппетитом к золотой одежде и мехам. Знатные семьи покупали должности священнослужителей для своих маленьких детей, и были известны даже 24-летние архиепископы. Известно, что из 624 папских освобождений от Канона в 1342—43 годах, 484 были даны отпрыскам духовенства. В Англии 16 века духовенство было обвинено почти в четверти всех преступлений на сексуальной основе, а это было в десять раз больше соотношения их количества среди обычного населения[67].

---

[64] Там же. С. 15.

[65] Bernstein, 2004. С. 92.

[66] Conybeare, J. Trade Wars: Theory and Practice of International Commercial Rivalry. New York: Columbia University Press, 1987. С. 91.

[67] Bernstein, 2004. С. 33.

Искрой, которая воспламенила революцию против Церкви, стала продажа индульгенций. В XV веке Церковь популяризировала идею, что каждый может быть освобожден от грехов, если купит индульгенцию. Это породило колоссальный поток доходов от людей, которые слепо следовали инструкциям Церкви. И когда этот поток денег стал ослабевать, так как почти каждый уже купил себе индульгенцию, Папа Сикст IV нашел новый источник доходов. В 1476 году он провозгласил, что индульгенции также могут применяться и к умершим, временно находящимся в чистилище. Это породило еще один большой поток денег в сторону Церкви от людей, которые хотели спасти души своих родителей, детей и других родственников, покупая папские благословения.

Воодушевленный успехом этих кампаний, в 1517 году Ватикан объявил, что для реконструкции базилики Святого Петра всем донорам будет даровано «полное и абсолютное прощение всех» прошлых грехов и «благоприятное отношение» ко всем будущим. В то время приобретение индульгенций стало такой общепринятой практикой, что декан Собора Святого Павла Джон Колет открыто признавался, что коммерциализация индульгенций превратила Церковь в «денежную машину»[68].

В тот же год в 1517 году, Мартин Лютер, монах, назначенный профессором философии в Виттенберге, прикрепил свои знаменитые 95 Тезисов к воротам Виттенбергской церкви, начав, таким образом, Протестантскую Революцию – одно из самых важных событий в истории, не только разделивших христиан в Европе, но и существенно повлиявших на экономическую философию и теорию. Немецкий социолог Макс Вебер в своей знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» связывал развитие рыночного капитализма Западного мира с развитием протестантизма в этот период, обосновывая, что именно развитие протестантизма стало ключевым фактором особого роста капитализма в Голландии и Англии в XVII веке.

Основной идеей Вебера стало то, что протестантская Реформация способствовала развитию современного капитализма через изменение моральных принципов и отношения человека к его труду. Это была идея, что тяжелый физический труд был «божественен» и его результаты – богатство и прибыль – являются знаком божественного одобрения – именно это и стало «протестантской трудовой этикой». Труд стал ценностью сам по себе – благородной или облагораживающей деятельностью. Такая трудовая этика, писал Вебер, вдохновила «на целый набор этических мотиваций, которые позволили людям преодолеть раннехристианские ограничения на прибыль и ростовщическую деятельность, и стремиться к накоплению капитала, таким образом, полностью расчищая путь для совершенного капитализма»[69].

В своих письмах в Ватикан Мартин Лютер саркастически писал: «Почему папа не освободит полностью Чистилище из чувства святой любви к тем душам, которые там томятся, не ограничиваясь лишь душами тех, чьи деньги поступили на строительство церкви?[70]». Его позиция нашла широкую поддержку и породила сильные анти-Римские настроения в обществе, в первую очередь, среди немцев. В 1540 годах вся центральная и северная Германия стала протестантской[71].

Со временем, такая независимость от Церкви становилась очень привлекательной для немецкой элиты. В XVI веке сегодняшняя Германия состояла из примерно 1700 отдельных княжеств и независимых городов, многие из которых приняли Лютеранство в качестве офи-

[68] Manchester, 1992. C. 131.

[69] Horsley, M. The Dark Side of Prosperity: Late Capitalism's Culture of Indebtedness. Ashgate Publishing, 2015. C. 98.

[70] Manchester, 1992. C. 141; Hybel, 2010. C. 52.

[71] Hybel, 2010. C. 53—4.

циальной религии, что позволило им присвоить себе обширные земли, ранее принадлежавшие Церкви. Они также не хотели делить свою светскую власть с Римом, и, в результате, Реформация имела такие же значимые политические и экономические последствия, как и в религиозном отношении[72].

Как бы то ни было, значение Протестантской Реформации в мировой истории не может быть переоценено. Она имела важные последствия для науки, так как поднимала вопросы об основах мироздания, и об отношении библейских канонов к знаниям о природе[73].

Эпоха Великих открытий

Протестантская революция, вероятно, не могла бы произойти, или, по крайней мере, не имела быль столь масштабной поддержки во многих частях Европы без ряда важнейших социальных изменений в обществе, одним из которых стало распространение книгопечатания. К тому времени, когда Мартин Лютер начинал свое движение Реформации, книгопечатание Иоганна Гутенберга уже стало активно распространяться по всей Европе. По некоторым оценкам, к началу XVI века было напечатано около 40 000 произведений, насчитывающих около 20 миллионов копий книг[74].

Современная бумага, изобретенная в Китае около 100 года н.э. и привезенная торговцами сначала на мусульманский Восток, а затем в Европу, существенно ускорила коммерческую активность снижением себестоимости хранения информации, и способствовала развитию кредитных отношений с использованием документов и ценных бумаг. Арабские цифры, также доказавшие свою большую эффективность по сравнению с римскими цифрами, также существенно помогли развитию коммерции. Гутенбергу удалось совместить элементы разных технологий, бумаги и механики, и создать коммерчески ценный продукт. Книгопечатание стало одним из первых самых массовых производств в истории, позволив существенно упростить, ускорить и удешевить процесс тиражирования новостей и рекламы[75].

И, хотя Гутенберг был религиозным человеком, и его первой печатной книгой стала Библия, с самого начала книгопечатание стало главной угрозой для католической Церкви, позволив увеличить грамотность населения и усилить распространение информации. «Фундаментальным изменением в культуре и обществе Европы стал сдвиг парадигмы обучения от „обучения практикой“ к „обучению чтением“, а также уменьшение значения передачи информации от старших к младшим детям обоих полов[76]».

Помимо ускорения распространения идей протестантской Реформации, более всего, книгопечатание способствовало развитию духа Возрождения, идей гуманизма, научной революции, а также новых географических открытий. Эпоха Возрождения «явилась как весна» после Средневековья с его Темными веками. «Человек есть мера всех вещей», – утверждали античные греческие философы, и это стало интеллектуальной основой концепции гуманизма в эпоху Возрождения, и книгопечатание довело эту концепцию до каждого города Европы.

Само Возрождение началось с падения Константинополя в 1453 году под ударами турок-османов, в результате которого не только богатства и ценные артефакты Византии перекочевали в Италию и Западную Европу, но так же туда переместились и тысячи ремесленников и искусных византийских мастеров в поисках спасения от османских завоевателей[77]. Бес-

[72] Osler, 2010. С. 37.

[73] Там же: С. 38.

[74] Lipsey и др., 2005. С. 176.

[75] Lipsey и др., 2005. С. 175.

[76] Там же. С. 181.

[77] Хазин, М. и Щеглов, С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. Рипол-Классик, 2016.

ценные библиотеки, собранные в течение нескольких веков византийскими учеными со всего мира, включая древнегреческие манускрипты, попали в первую очередь к итальянским ученым, так что «именно итальянцы первыми получили шанс снова возродить интерес к Эллинскому искусству, литературе и архитектуре, открывая путь к золотому веку европейской культуры»[78].

Именно в эпоху Возрождения европейские мыслители стали активно искать новую альтернативную философию миропонимания для замены «изжившего себя» учения Аристотеля, которое теперь впало в немилость в силу нескольких новых открытий. Европейская мысль «претерпела сейсмический сдвиг», потрясший все основы религии и философии, а также интеллектуальное миропонимание новыми открытиями из области географии, биологии и, в целом, науки, что также способствовало развитию технологий[79].

Идеи Возрождения сдвинули человечество за пределы того, что для многих было статическим миром, и толкнуло их, во всяком случае, в Западной Европе, на поиск новой истины через изучение политики, литературы, науки и искусства (гуманизма). Просвещение стимулировало лучшие умы, такие как Галилей, Исаак Ньютон и Чарльз Дарвин, на движение за пределы принятия того, что было уже объяснено, на исследование вопросов «как» и «почему» что-то произошло. Возрождение и Просвещение трансформировало миропонимание и послужило критическим мостом к индивидуальному тщеславию, такому необходимому для человеческого прогресса. Будь то научные, коммерческие, авантюристские, дипломатические или военные достижения, независимо от этого в обществе росло понимание того, что человек может вдохновляться светскими занятиями. Вера в открытие чего-либо и триумф могут вести к индивидуальным достижениями, которые теперь не выглядели более в негативном свете[80].

Традиционные греческие знания о мировой географии и естественной истории, развитые Аристотелем и Птолемеем и которые были интеллектуальной основой Средневековья, теперь становились устаревшими. Когда Христофор Колумб открыл Новый Свет в 1492 году, Васко да Гама обогнул Мыс Доброй Надежды и достиг Индии в 1498 году, а экспедиция Фернана Магеллана завершила свое знаменитое кругосветное путешествие в 1521 году, европейцы узнали о новых больших океанах и землях, о которых не знал Птолемей.

Еще один существенный сдвиг в европейском миропонимании произошел в астрономии, где Николай Коперник, в своей книге «Commentariolus» (с латинского «Комментарии»), опубликованной в 1514 году, развил детальную гелиоцентрическую систему планет, утверждя, что «астрономия описывает физическую реальность небес, отличную от учения Церкви, основанную на философии Аристотеля и схоластицизма[81]».

Такое прогрессивное развитие науки в Европе было уникальным. Однако помимо вышеизложенных факторов, а именно – падение Константинополя в 1453 году и развитие Возрождения в Западной Европе, великие географические открытия, протестантскую Реформацию против власти Церкви – этому также способствовали, по крайней мере, еще два важных фактора: институционализация науки, а также острая конкурентность и постоянные войны в Европе.

Развитие науки требует институциональной памяти для кумулятивного накопления знаний, а также научного метода для такого надлежащего накопления, оценки и структурирования научной информации. Как выразился Исаак Ньютон, все последующие исследователи

[78] Bernstein, 2004. С. 111.

[79] Osler, 2010. С. 30.

[80] Martinez, 2009. С. 60.

[81] Osler, 2010. С. 42—3.

как бы «стоят на плечах гигантов», т.е. используют труды и наработки десятков, а иногда сотен предыдущих исследователей, таким образом, создавая кумулятивную систему знаний. Средневековые университеты и библиотеки, в которых работали европейские ученые, и стали такими местами, где знания накапливались, а затем распространялись по всей Европе, обучая все больше и больше студентов.

Многие культуры, в частности, Ислам и Китай, создали определенные прорывы в науке и технологиях, не менее значительные, а порой даже более, чем в средневековой Европе. Однако, только Европа смогла создать кумулятивную систему накопления и дополнения знаний, так необходимую для развития современной механистической науки, науки Первой Промышленной Революции. Некоторые кумулятивные продвижения требовали определенной формы «памяти»… И артефакты стали такой памятью самых ярких технологических знаний. Инструменты, машины, новые урожаи и все такое стали методом передачи сквозь время таких важных аспектов технологических знаний… Таким образом, чаще всего в истории, именно артефакты были незапланированными, и часто неуправляемыми, технологическими знаниями[82].

Второй важный фактор – фактор конкурентности средневекового европейского развития – затрагивал все аспекты жизни Европы, включая военно-политические, торгово-экономические, социальные и культурные отношения, а также, безусловно, проявлялся и в процессе получения и развития научно-технологических знаний. В своей знаменитой книге «The Unbound Prometheus» (Освобожденный Прометей) о развитии науки и технологий в средневековой Европе, Дэвид Ландес писал, что по сравнению с миром Ислама и Китаем, которые стремились сконцентрировать все свои знания в своих столицах (как, например, Дом Мудрости в Багдаде), Европа состояла из сотен и более конкурирующих между собой городов со своими университетами. Такая фрагментация европейского развития смогла обеспечить очень конструктивную конкурентность, и это была конкуренция между равными[83].

Между 1692 и 1792 годами 11 городов Италии создали свои научные академии. К 1790 году в Европе было примерно 220—250 основных академий для дискуссий и исследований в естественных науках и математике… Здесь ученые были активно вовлечены в процессы наблюдения, обобщения научной информации и разные экспериментальные программы. И распространение таких знаний было очень выраженным: 75% академических учреждений публиковали свои труды, и почти все занимались переводом, обобщением и популяризацией своих достижений в новых знаниях[84].

С развитием свободного обмена новых знаний некоторые предприимчивые европейцы временами находили практическое применение новым научным знаниям. И хотя интерес к механизации труда существовал в Европе и раньше, развитие науки с практическим применением математических знаний подстегнул еще больший интерес и спрос на новые технологии. Великие географические открытия стимулировали не только развитие морской картографии и навигации, но также придали мощный толчок к развитию новых технологий кораблестроения. Теперь для плавания на большие дистанции через Атлантику и вокруг Африки европейцам требовались корабли крупнее, безопаснее, быстрее и эффективнее. И процесс улучшения кораблестроения осуществлялся тысячами мастеров во многих доках Европы, все более объ-

[82] Lipsey и др., 2005. С. 260.

[83] Landes, D. The Unbound Prometheus. New York: Cambridge University Press, 2003. С. 31.

[84] Inkster, I. Science and Technology in History: An Approach to Industrial Development. Rutger University Press, 1991. С. 35.

единяющихся в гильдии со все больше углубляющимся разделением труда, что существенно улучшило показатели качества. Так как многие инновации являлись результатами ноу-хау разных мастеров, и эти новые знания быстро распространялись среди соседей, создавая конкуренцию, то это толкало мастеров на поиск улучшения качества. «Такая система обобщенных знаний без прав интеллектуальной собственности могла и не стимулировать развитие новых технологий. Но, как свидетельствует даже сегодня развитие программного обеспечения с открытым кодом, это было не так»[85].

Мобильность квалифицированного труда также имела важное значение для распространения инноваций и новых умений. Известно, что в Вене в 1742 году из 4773 мастеров разных гильдий только 1160, или около 25%, были выходцами из локальной местности – целая треть мастеров была иностранцами[86].

С развитием новых трехмачтовых кораблей центр экономической активности сдвинулся к Атлантическому побережью в то время как Средиземноморский регион все более «откатывался к отсталости сразу же после 1500 года, что стало результатом увеличения пиратства, затрудняющихся сухопутных путей и тяжелым налогообложением торговли пряностями со стороны турок»[87]. Огромное количество специй теперь потекло вокруг мыса Доброй Надежды сначала в Лиссабон, а затем в Антверпен – главный торговый хаб Габсбургов в процветающей северной Европе.

Новыми драйверами европейской экономики стали две силы: испанское завоевание и эксплуатация Америк и португальское Азии. В 1494 году эти две растущие державы даже поделили мир между собой по Договору Тордесильяс, по которому все вновь открытые земли к западу от «папского меридиана» (примерно 49º западной долготы) отходили к Испании, а все восточные – к Португалии. Так португальцы стали первыми европейцами, получившими возможность напрямую торговать с богатой Азией без мусульманских посредников, что позволило им занять монопольное положение и контролировать торговые пути с помощью стратегически расположенных постов на протяжении всего пути.

В это же время испанское завоевание Америк привело к еще одному мощному толчку в развитии экономики Европы. В 1547 году испанцы наткнулись в Боливии на огромное месторождение серебра Потоси, названное «горой из серебра», а в 1548 году на еще одно серебряное месторождение в Гуанохуато в Мексике, которое стало самым большим месторождением драгоценных металлов, обеспечившим тогда треть мирового производства серебра[88].

Барретт оценивал производство серебра в Америке в 17 000 тонн в XVI веке, 34 000 тонн в XVII веке и 51 000 тонн в XVIII веке… Ежегодный средний импорт в Европу из Америки составлял 205 тонн в 1551—1600 годы, 245 тонн в 1601—25 годы и 290 тонн в 1626—50 годы…

Какой экономический эффект дал такой огромный приток серебра? …В Западной Европе импорт серебра стал экзогенным шоком, давшим мощный толчок к предложению серебра, и, соответственно, к предложению денег[89].

В принципе, как и Римская империя со своим колоссальным запасом серебра, у Испании была хорошая возможность построить сильное государство с мощной армией или начать масштабное инфраструктурное строительство. Однако, история Испании пошла по другому

---

[85] Epstein, S. и Prak, M. Guilds, Innovation, and the European Economy, 1400—1800. Cambridge University Press, 2008. С. 14—5.

[86] Там же. С. 16.

[87] Lipsey и др., 2005. С. 170.

[88] Bernstein, 2004. С. 249.

[89] Findlay и O'Rourke, 2007. С. 213—9.

пути. Массивный приток богатства, конечно же, сначала усилил Испанскую Корону, однако, в конце концов, оказался очень разрушительным для испанского государства. Король Испании Филипп II умудрился бездарно потратить все свои деньги на многочисленные войны с Францией, Англией и Голландией, иногда воюя со всеми тремя одновременно, и быстро растратил всю государственную казну, даже начав влезать в огромные долги. Известно, например, что Великая Армада, посланная против Англии в 1588 году стоила казне в пять раз больше, чем составлял ее ежегодный доход. В итоге Испанская Корона испытывала государственный дефолт несколько раз: в 1557, 1575, 1576, 1607, 1627 и 1647 годах. К 1550 году Испания уже намного отставала в своем развитии от протестантской северной Европы[90].

История Габсбургской Испании – это хроника растрат… Ее экономическая система отравила все, к чему притрагивалась… Испания обременила себя разрушительными экономическими институтами и заразила ими свои колонии в Америках. Латинская Америка в итоге стала бледным отражением Нового Света, так же, как Испания Старого[91].

У португальцев получилось не лучше. В то время, как королевская семья, как и в Испании, зарабатывала баснословные богатства от торговли специями, народ был обанкрочен тяжелыми военными расходами. Португалия также оказалась в хронических долгах и попала под зависимость итальянских и немецких банкиров, в частности, знаменитого банковского дома Фуггеров, ставшего основным кредитором королевства. Несмотря на эксклюзивную торговлю специями в XVI веке, Португалия стала довольно бедной страной с нехваткой капитала и неразвитым долговым рынком, который мог бы способствовать развитию торговли. Как и олигархия в Венеции двумя веками ранее, только королевская семья и высшая приближенная знать и торговые олигархи могли зарабатывать на чрезвычайно прибыльной торговле специями между Азией и Европой. Олигархи были заинтересованы поддерживать низкий уровень жизни своего населения, что позволяло им получать более дешевую рабочую силу и более дешевых солдат. Жизнь обычного солдата была настолько жалкой, что после прибытия в Индию, тысячи сбегали и уходили в монастыри[92].

Однако, португальская торговля специями и испанская добыча серебра были трагическими не только для их собственных народов. Португальская и испанская колонизационная политика привела к масштабному истреблению коренного населения Америки, Африки и Юго-Восточной Азии. Кроме жестокого обращения, как писал Джаред Даймонд в своей известной книге «Ружья, микробы и сталь» (1997), огромное количество туземного населения в Америке умерло из-за болезней и инфекций, которые прибыли с европейцами. Эти народы не имели таких домашних животных, какие были распространены в Европе, и, таким образом, не успели развить иммунитет к их болезням как европейцы. Это также упростило европейцам процесс завоевания и колонизации этих земель[93].

Утерянный шанс Китая

Как было описано выше, Запад начал свое мировое доминирование в период между 1500 и 1650 годами, главным образом, из-за прорывного развития в науке и новых технологиях, а также свободного распространения знаний по всей Европе, в том числе при помощи книгопечатания. В Китае же получилось наоборот – несмотря на изобретение бумаги китайцы

[90] Bernstein, 2004.

[91] Там же. С. 257.

[92] Bernstein, 2008.

[93] Lipsey и др., 2005. С. 174.

отказались от развития школ вокруг печатной книги, и это стало важной причиной упадка Китая, так же как и Ислама, который видел угрозу своей власти в обученных студентах, которые могли по-своему интерпретировать учение[94]. В Китае конфуцианские ученые отторгли печатную книгу и сосредоточились на каллиграфии, став ориентированными, главным образом, вовнутрь. Как писал Лестер Туроу, проблема была идеологической:

Китайцы отвергли, не использовали и забыли свои же важные технологии, которые обеспечили бы им мировое доминирование. Новые технологии воспринимались как угроза, а не возможность. Инновации были запрещены. Канонические тексты, вдохновленные Конфуцием, содержали для них ответы ко всем проблемам[95].

Китай изобрел все необходимые технологии для своей индустриальной революции за сотни лет до европейцев. Европейцы в то время технологически существенно отставали от Китая. Коммерция в Китае процветала, а бумажные деньги, возникшие в Китае в IX веке, циркулировали наравне с металлическими, образуя своеобразную двухконтурную денежную систему. Мир и процветание, по сравнению с постоянными европейскими войнами и конкурентностью, стимулировали мирную торговлю и коммерцию, которая основывалась на честности и справедливости, вместо закона и принуждения как в Европе. Знаменитый венецианский купец и путешественник Марко Поло, который дошел до Китая по Великому Шелковому пути и оставался гостем у великого хана Хубилая, отмечал в своих записях, что общественная безопасность и коммерческая честность были намного сильнее развиты в Китае, чем в Европе, даже без христианства как основы морали[96].

В XVI веке население Китая уже насчитывало около 100 миллионов человек, намного больше, чем население всей Европы[97].

Турбулентная эпоха «Воюющих царств» закончилась победой государства Цинь в 221 году до н.э., которую Бодде назвал «самой важной датой в истории Китая до отмены монархии в 1912 году»[98]. Циньский император Ши Хуан стал единоличным правителем огромного объединенного государства и установил централизованную власть с единым языком и законами. Для строительства Великой Китайской стены и других крупных инфраструктурных проектов Ши Хуан, по-восточному и диктаторски, мобилизовал все население. Огромный рынок и мобилизационная экономика привели к созданию сильной государственности и сильной армии. Со временем стал развиваться сильный гражданский бюрократический аппарат с новым классом профессиональных управленцев, формируемых на меритократической основе, и который вытеснил знать из государственного управления[99]. Именно благодаря этому классу профессиональных государственных администраторов – «мандаринов», чей долг заключался в поддержании надлежащего государственного учета и порядка, китайская государственность и смогла выстоять на протяжении многих веков, даже несмотря на завоевания Китая монголами и маньчжурами.

Император Чжу Ди из династии Мин, который воцарился в 1402 году, смог построить огромный флот, который под предводительством легендарного адмирала Чжен Хэ совершил несколько дальних морских путешествий, демонстрируя миру мощь китайского государства.

---

[94] Drucker, P. Post-Capitalist Society, 1993. C. 178.

[95] Thurow, 1996. C. 15—6.

[96] Pomeranz, K. и Topik, S. The World That Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to the Present. New York: M. E. Sharpe, 2006.

[97] Lewis, 2007. C. 27.

[98] Bodde, D. Essays on Chinese Civilization. Princeton Press, 1981. C. 41.

[99] Findlay и O'Rourke, 2007. C. 37—8.

Адмирал Чжэн Хэ совершил семь путешествий, каждое из которых длилось от одного до трех лет, первое началось в 1405 году, а последнее завершилось в 1433 году. Его путешествия были в Индонезию, Индию, Персидский залив, на Красное море и далеко вниз по восточному побережью Африки. Его флоты были огромными. Самый большой из кораблей достигал четырехста сорока футов в длину и имел девять мачт. Во время его первого путешествия под его командованием находилось триста семнадцать кораблей, шестьдесят два из которых были из этой четырехсотсорока-футовой категории. Количество людей же было от двадцати до тридцати тысяч[100].

Несмотря на то, что Чжу Ди стремился продемонстрировать могущество Китая для других народов, его смерть в 1424 году усилила дебаты при его дворе о том, должен ли Китай взаимодействовать и торговать с «варварскими» народами.

Конфуцианские ученые постоянно твердили, что высшие люди заботятся о справедливости, избегают какой-либо формы конкурентности, и не ищут чего-либо далекого или отсутствующего. Они подчеркивали, что Конфуций настаивал, что задачей хорошего правителя является не продвижение идеи аккумулирования частного богатства, а возвращение устоев прошлого и оберегание их. Новый император Чжу Гаочжи не стал игнорировать советы его конфуцианских советников. Они принял их точку зрения, что умеренность и сельское хозяйство должны являться основой хорошей государственной политики[101].

Смерть императора Чжу Ди стала концом Минского Китая как морской державы. После этого Китай стал больше сосредотачиваться на внутренней стабильности и сельском хозяйстве как основе своей экономики, а также военной колонизации среднеазиатской степи[102].

Решение Китая прекратить свои морские путешествия открыло путь для новой эпохи. Так как империя отказалась от роли ведущей мировой державы, это позволило другим оставить свой след в мировой истории[103].

Голландский капитализм

В XVI веке европейский торговый хаб специями постепенно сместился от Лиссабона к Антверпену, который стал финансовым центром Европы с первой постояннодействующей фондовой биржей, и финансисты со всей Европы стали стекаться в Антверпен. Однако осада этого города в 1585 году испанскими войсками сместила торговый центр, теперь уже далее в Голландию, где активно развивалось кораблестроение. Перемещение торгового и финансового капитала в Амстердам сделало этот город новым европейским центром торговли и финансов.

Евреи и протестанты не были ограничены жестким религиозным осуждением денежного кредитования и обогащения, и таким образом, стали доминировать в профессиях финансов и банкинга. Они принесли с собой в Амстердам инновационные финансовые техники,

[100] Levathes, L. When China Ruled the Seas, 1994. C. 74—85; Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers, 1987. C. 6—7, процитировано у Hybel, 2010. C. 37—9.

[101] Hybel, 2010. C. 9.

[102] Pomeranz и Topik, 2006. C. 71.

[103] Hybel, 2010. C. 42.

которые прежде успели развить. Ингредиенты Голландского «экономического чуда» начала семнадцатого века, таким образом, были все готовы[104].

Так, в начале XVII века все дороги стали вести в Голландию. С небольшим населением и маленькой территорией, именно эта страна смогла построить первую в истории настоящую капиталистическую систему.

С не очень удобной географией и будучи ниже уровня моря, Нидерланды (буквально «Нижние Земли»), тем не менее, смогли извлечь из этого большую пользу. Отвоевывая свою землю у моря, голландцы смогли развить кредитный рынок, который позволил местным муниципалитетам занимать у населения средства и инвестировать собранный капитал в дорогостоящие проекты по строительству мельниц для откачки воды. Эта мера необходимости способствовала тому, что голландцы рано усвоили особенности работы с финансовыми инструментами и стали активно развивать капиталистические отношения. Даже крестьяне имели возможность хорошо заработать от вложения денег в облигации проектов по отвоевыванию земли. К 1600 году эта традиция подготовила голландцев к новому предприятию – торговле с дальними странами. Вскоре голландцы рассматривали как само собой разумеющееся владение долями в торговых экспедициях, идущих в Балтику или к Островам Пряностей[105].

В 1609 году в Амстердаме образовался предшественник всех современных национальных банков Wisselbank, который стал выпускать собственную валюту, и упростил процессы оплаты и денежных переводов, что еще больше способствовало развитию торговли. Одновременно, хорошо развитый сектор судоходства и судостроения позволили Амстердаму быстро стать центром экспертизы и информации по торговле с Азией.

Вначале голландские торговые компании конкурировали не только с иностранными торговцами, но прежде всего друг с другом, толкая цены вниз. Однако в 1602 году Генеральные Штаты – высший государственный орган республики – инициировали слияние конкурирующих торговых компаний в Объединенную Голландскую Ост-Индскую Компанию, которая получила государственную монополию на торговлю специями на всем пространстве от восточного побережья Африки и до берегов Китая и Японии, а также права на заключение соглашений с местными правителями тех земель, строить фортификационные сооружения и вести военные операции от имени Голландии.

В 1622 году персидские и английские войска захватили у португальцев стратегически важный остров Ормуз, что практически остановило португальскую торговлю с Азией. Парадоксально, но от этого события больше всех выиграли не Англия или Персия, а именно Голландская Ост-Индская компания[106], у которой больше не стало главного конкурента.

В своей книге «Dutch Ships in Tropical Waters» (Голландские корабли в тропических водах) Роберт Партезиус[107] описывает, что в Азии корабли компании перед возвращением в Европу должны были собирать товар в нескольких разных и отдаленных местах, что было, очевидно, неэффективным. Прибыльная торговля требовала постоянного присутствия в регионе, куда товары могли стекаться для долгого хранения, и это могло способствовать улучшению торговых условий, выгодному ценообразованию и сохранению качества пряностей. Компания стремилась к полному контролю над рынком пряностей и устранению конкуренции со стороны других европейцев, что практически позволяло диктовать как закупочные цены на месте, так и цены продаж специй в Европе. Однако еще одной важнейшей целью голландцев была минимизация оттока денег из Голландии в Азию, так как еще со времен Рима и Венеции европейцам

[104] Smith, M. A History of the Global Stock Market: from Ancient Rome to Silicon Valley. The University of Chicago Press, 2003. C. 16.

[105] De Vries, J. и Woude, A. The First Modern Economy, 1997; Bernstein, 2008.

[106] Bernstein, 2008. C. 230.

[107] Parthesius, R. Dutch Ships in Tropical Waters, 2010.

все еще было нечего предложить азиатам взамен их товаров. Голландцы решили финансировать свои операции через локальную торговлю в Азии, превратив свою Ост-Индскую компанию в первую в истории специализированную транснациональную торговую корпорацию.

В 1619 году компания основала свой постоянный торговый хаб в Батавии на острове Ява (современный город Джакарта, столица Индонезии), с постоянным присутствием флота и людского персонала, что позволило существенно улучшить и оптимизировать организацию торговли по всей Юго-Восточной Азии. В Батавии корабли могли быть отремонтированы, а персонал мог передохнуть. Один английский пленник в Батавии позднее писал, что компания здесь постоянно содержала около двухста кораблей и тридцати тысяч людей персонала[108]. Но важнее всего было то, что со временем сюда стекались товары самого лучшего качества со всей Азии, включая специи, золото, фарфор и драгоценные камни, и уже отсюда ежегодно в Амстердам уходил хорошо нагруженный и охраняемый флот. Именно такая организация, позволившая оптимизировать вопросы цены и качества, позволила Голландской Ост-Индской компании процветать почти двести лет на выгоднейшей торговле с Азией.

Почти монопольная торговля позволила стране постепенно саккумулировать огромный капитал, который, однако, не мог быть полностью абсорбирован внутренней небольшой экономикой без существенных технологических прорывов. И концентрация богатства стала постепенно превращать Голландию в торговую олигархию наподобие Венеции, только еще больше[109]. В результате огромного излишка инвестиционных денег, который снизил внутренние процентные ставки и стал увеличивать цены и заработную плату, голландский производственный сектор стал неконкурентоспособен на международном рынке[110]. Стало сильно увеличиваться потребление и, особенно, потребление товаров роскоши.

В то же время высокоразвитый голландский финансовый рынок стал очень привлекательным для финансовых спекуляций для финансистов со всей Европы и для местного населения. Один из таких самых известных случаев спекуляций – «тюльпаноманию» – хорошо описал известный американский экономист Джон Кеннет Гелбрэйт в своей книге «A Short History of Financial Euphoria» («Короткая история финансовой эйфории»):

То, что начиналось как просто престижное обладание тюльпановыми луковицами превратилось через постепенное повышение цен в дикую спекуляцию в 1636 году. В частности, конкурентный спрос на тюльпаны породил такую манию, что единичные экземпляры продавались за новые повозки и даже дома, иногда доходя до $25,000 и $50,000 за каждую луковицу. Спрос настолько повысился, что на Амстердамской фондовой бирже стал развиваться фьючерсный рынок на луковицы. Этот рынок, как и мечты многих спекулянтов, лопнул под тяжестью собственной абсурдности и впечатляющей жадности. Когда продавцы потребовали исполнения по своим контрактам суд не внял их доводам. Так как рынок был далек от производства реальных товаров или услуг, суд посчитал Тюльпаноманию чем-то немного более, чем обычной азартной одержимостью[111].

Голландия стала «париковым» обществом. Целый сегмент населения страны стал жить на спекулятивные инвестиционные доходы и ничего не производил. Большая часть излишнего капитала позднее стала искать инвестиционные возможности за рубежом. Капитал начал перетекать из страны со зрелой экономикой и излишком богатства в страны, где такого капитала остро не хватало для развития. Экономист Ян де Врис оценил, что голландские иностран-

[108] Bernstein, 2008. С. 235.

[109] Findlay и O'Rourke, 2007. С. 175.

[110] Bernstein, 2004. С. 206.

[111] Процитировано у Martinez, 2009. С. 78.

ные инвестиции к 1800 году достигли около полутора миллиардов гульденов, что было вдвое больше ежегодного ВВП Голландии. В то время Соединенные Штаты Америки смогли привлечь от 10 до 20% своего долга во время Войны за Независимость именно из Голландии[112].

Голландский успех развития финансового капитализма, в конце концов, перешел к Великобритании. Так как процветающая торговля порождает зависть, англичане одновременно и завидовали голландцам, и в то же время восхищались их развитой торговлей и финансовой системой. В результате, так называемой, «Славной Революции» 1688 года английская знать «пригласила» голландского статхаудера Вильгельма III Оранского, чтобы он воссел на британский престол. Чувствуя, что дни Амстердама как мировой финансовой столицы уже на исходе, финансовая элита Голландии, включая такие известные банкирские дома как Баринги и Хоупы, последовала за Вильгельмом III в Лондон. «Португальские евреи Амстердама, изгнанные в результате Инквизиции из Испании и Португалии, массово прибыли в Лондон, и среди них был Авраам Рикардо, отец экономиста Давида Рикардо. В течение нескольких коротких декад Лондонский Сити стал новой мировой финансовой столицей[113]».

[112] Bernstein, 2004. С. 206.

[113] Bernstein, 2004. С. 147.

Глава 3. Эпоха Промышленной Революции

Истоки могущества Британии

Географическое положение Англии с самого начала было довольно выигрышным. С одной стороны островное положение обеспечивало достаточную безопасность, с другой же позволяло развивать торговые коммуникации с континентальной Европой только морским путем. В XIV веке Лондон стал частью растущей торговой сети Ганзейского Союза, который растянулся от русского Новгорода на востоке, через Балтийские государства до Антверпена и Брюгге на западе. Ганзейская лига, главную роль в которой играли преимущественно немецкие города, достигла почти полной торговой монополии в регионе, доставляя английскую шерсть на восток, а с востока в Англию и Нижние страны зерно, древесину и меха.

Со временем, стремясь получить больше привилегий в северной торговле, Англия начала более агрессивную политику по вхождению на рынки Ганзы и продвижению своих торговых компаний: «Merchant Adventurers», «Muscovy Company» и «Eastland Company», используя свои преимущества в шерсти и кораблестроении[114]. Это привело к тому, что торговцы и их картели, вовлеченные в торговлю с Ганзой и продвигающие интересы Англии в такой конкуренции, в конце концов, стали доминировать в английском Парламенте и продвигать собственные интересы в формировании национальной торговой политики, вплоть до полной ее институционализации в Совете по Торговле[115].

Шерсть стала первым сырьевым товаром Англии, который сформировал основные принципы дальнейшей английской торговой стратегии. В 1320 году торговый картель по шерсти получил поддержку Короны на запрет экспорта шерсти для иностранцев, которые теперь должны были ее приобретать у картеля в специальных зонах «staple towns» на континенте, а взамен за такую монополию торговцы снабжали Корону дополнительным доходом [116]. До появления таких зон на континенте экспортная шерсть транспортировалась на собственных судах картеля, таким образом, увеличивая добавленную стоимость.

Подобная «индустриальная политика», способствующая развитию торговли в Англии, была также дополнена несколько Навигационными актами (законами), которые: (1) устанавливали, что торговцы могли использовать только английские корабли; и (2) требовали, чтобы все европейские товары, следующие к колониям, останавливались в английском порту и уплачивали таможенные сборы[117], почти так же, как это в античности практиковали Афины.

Английская классовая структура общества менялась с вертикальной на горизонтальную (экономический класс), что позволило группе торговых интересов сконсолидировать свою власть над торговой политикой. Растущий пыл ксенофобского национализма начал хорошо уживаться в рамках торговых интересов в Палате Общин. Это нашло отражение в так называемом «Пасквиле об Английской Политике» («Libel of English Policy») – шовинистическом манифесте, написанном в 1437 году и призывающем Англию изгнать иностранных торговцев и использовать свою гегемонию в европейской торговле шерстью для усиления своей экономики и ослабления своих врагов[118].

---

[114] Conybeare, 1987. С. 105.

[115] Conybeare, 1987. С. 117.

[116] Там же: С. 118—9.

[117] Hybel, 2010. С. 61—2.

[118] Conybeare, 1987. С. 118.

Преимущество этого было в том, что от такой политики в Англии выигрывали практически все. Знать могла инвестировать в торговлю, кораблестроение и частное предпринимательство, в то время как интересы Короны заключались в налогообложении такой торговли, которое обеспечивало от 30 до 50% доходов Короны до XVI века[119].

За два столетия такой политики Англия успела достаточно развить свое кораблестроение, а также усовершенствовать свою торговую стратегию и институционализировать некоторые ее аспекты. К середине XVI века, когда Португалия и Испания были на пике своего морского могущества, активно осваивая новые земли и перевозя заморские богатства к себе домой, «поднимающийся на ноги» английский флот наблюдал за ними с растущим аппетитом. Королева Елизавета I выдала разрешение группе королевских судов – так называемым «Морским псам» («Sea Dogs») – атаковать и грабить испанский флот в пользу государственной казны Англии. «Морские псы», ставшие, по сути, пиратами в международных водах, были вполне законными у себя дома, имея специальные каперские свидетельства («Letters of Marque») от королевы, т.е. правительственные лицензии, разрешающие пиратство за пределами страны. А лондонские торговцы даже получили возможность инвестировать в такие экспедиции, рассматривая их как выгодные деловые предприятия.

Обнаружение огромных серебряных месторождений в Боливии и Мексике в середине XVI века (как упомянуто выше) стало божьим даром для «морских псов». Когда знаменитый пират Фрэнсис Дрейк возвратился в 1580 году со своего первого рейда, его «добыча составляла пятьдесят фунтов на каждый фунт вложенный инвесторами, не считая 50000 фунтов в испанских долларах и золотых слитках». Когда же другой моряк Томас Кавендиш возвратился в 1588 году, «его моряки были одеты в китайский шелк, а паруса были из золотой ткани»[120].

Английское государство всегда очень агрессивно продвигало свои торговые интересы и работало над продвижением своей индустрии не только устраняя барьеры к ее развитию, но также и предоставляя полную поддержку английскому военному флоту защищать ее торговые интересы[121].

Начиная с XVII века так же, как и для португальцев, испанцев и голландцев, для англичан колониальные владения в Новом Свете, Африке и на Востоке стали казаться все более многообещающими. Англия стала вкладываться в развитие Карибской экономики, выращивая сахар, который становился все более привлекательным товаром на европейских рынках. Это было то время, когда для работы на сахарных плантациях из Африки стали завозить миллионы чернокожих рабов, эксплуатация которых стала настолько прибыльной, что оценочная стоимость хозяйства одного только острова Барбадос в 1730—31 годах составляла около пяти с половиной миллионов фунтов стерлингов[122].

Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, в своей известной, но вызвавшей много споров книге «Why Nations Fail», согласно английской переписи населения 1680 года, общее население острова Барбадос составляло около 60000 человек, из которых 39000 были африканскими рабами, принадлежавшими 175 плантаторам[123]. И, несмотря на то, что Аджемоглу и Робинсон в своей книге убеждают, что причиной развития и богатства Англии были ее особые инсти-

---

[119] Там же. С. 121.

[120] Bernstein, 2008. С. 216.

[121] Acemoglu, D. и Robinson, J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Publishing, 2012. С. 103.

[122] Sheridan, R. Sugar and Slavery: An Economic History of the British West Indies. 2000. С. 144.

[123] Упомянуто у Acemoglu и Robinson, 2012. С. 75.

туты, основанные на «инклюзивности» и правах человека, они же, тем не менее, ясно показывают, что такие права на чернокожих не распространялись.

Эти крупные плантаторы имели надежные и защищенные права собственности на свои земли и на своих рабов. Если один плантатор хотел продать своих рабов другому, он вполне мог это сделать и ожидать, что суд исполнит его контракт. Почему? Из сорока судей на острове, двадцать девять из них были крупными плантаторами. Также восемь старших военных чинов были тоже крупными плантаторами[124].

Все законы работали не просто в интересах белых, а в интересах высшего сословия, главным образом, в пользу групп с экономическими интересами, как это и было устроено в Парламенте со времен Ганзейской торговли. Государственная власть уже была полностью сосредоточена в руках того экономического класса, который определял торговую политику. Таким образом, еще до того, как Вильгельм Оранский из Голландии занял английский трон в 1688 году, Англия уже достаточно подчинила государственные институты интересам олигархического класса, развив у себя торговые и финансовые институты, привлекательные для переезда сюда из Амстердама голландских и германских торговцев, финансистов и банкиров, французских гугенотов и евреев-сефардов. Мировая финансовая столица переехала в Лондонский Сити.

Сразу же после «Славной Революции» лондонские финансисты в 1694 году инициировали создание Банка Англии, который подобно амстердамскому Висселбанку так же стал эксклюзивно печатать деньги для всей страны, несмотря на то, что он не был государственным и не был создан правительством. Капитал Банка Англии был собран из средств нескольких торговцев и банкиров Лондона, а также ряда голландских переселенцев[125]. Вместе с Банком Англии Парламент учредил также создание Объединенной Восточно-Индийской Компании (часто упоминаемой как Британская Ост-Индская компания, наподобие голландской) и «Компании Южных Морей» («South Sea Company»). Все три компании часто называли «Три Сестры», так как совместно они постоянно держали большую часть английского государственного долга. Так, уже к середине XVIII века «Три Сестры» контролировали 97% национального долга страны[126].

Банк первоначально был создан, фактически, не для регулирования валюты, а для помощи оплачивать войны… В 1694 году, после нескольких лет войн… Англия была близка к банкротству. Тогда группа торговцев из Сити… обратилась к канцлеру казначейства Чарльзу Монтегю, предлагая одолжить правительству 1,2 миллионов фунтов стерлингов навечно по процентной ставке в 8%. Взамен они просили право создать банк и выпустить банкнот на сумму 1,2 миллиона фунтов – это были первые официальные бумажные деньги Англии – и стать единственным банкиром правительства… Новый банк открыл свои двери для бизнеса под названием «Губернаторство и Компания Банка Англии»[127].

Дальнейший рост британской экономики и морского могущества страны уже были неразрывно связаны с развитием финансовых рынков Лондонского Сити, которые создали достаточный ресурс для экономической активности и поддержки британского правительства в его военных и колониальных экспансиях.

---

[124] Acemoglu и Robinson, 2012. С. 75.

[125] Neal, L. A Concise History of International Finance: From Babylon to Bernanke. Cambridge University Press, 2015. С. 81.

[126] Там же. С. 72—3.

[127] Ahamed, L. Lords of Finance: The Bankers who Broke the World. New York, 2009. С. 76—7.

Новая высокомонетизированная экономика Британии способствовала развитию спекулятивного рынка ценных бумаг так же, как и в Амстердаме. Стали появляться разного рода акционерные компании, чьи акции активно циркулировали на рынке. На пике своего роста в 1720 году общая капитализация лондонского рынка оценивалась в более, чем 500 миллионов фунтов стерлингов – почти в сто раз больше, чем в 1695 году[128]. Увлеченные высокой оборачиваемостью спекулятивного капитала, лондонцы стали торговать всем, что только приходило в их очень предприимчивые умы: от человеческих волос до импорта метел из Германии и извлечения серебра из свинца[129].

«Компания Южных морей» была создана для торговли с испанской Америкой и была вначале очень многообещающим предприятием, так как многие англичане все еще помнили горы серебра и сахарные плантации Америки. Среди увлеченных акционеров было даже очень много высокопоставленных чиновников британского правительства, чья «заинтересованность и авторитет поддерживали продолжающийся рост цен на акции[130]». Однако, даже по прошествии достаточного количества времени компания так и не зарабатывала денег от торговли с Америкой, если не считать процента от инвестирования в государственный долг, в который компания частично вложилась.

Единственным способом, поддерживавшим компанию прибыльной кроме процента от государственного долга, была большая продажа своих акций на рынке… В наши дни это бы называлось схемой Понци, в которой прибыль для текущих инвесторов формировалась получением денег от будущих инвесторов[131].

В конце концов, когда ресурс такого пирамидального роста акций компании был исчерпан, и пузырь лопнул, обанкротив всех, кто остался с ее акциями, история Компании Южных морей стала таким же уроком, как и тюльпаномания в Голландии веком ранее. Простые лондонцы, как это обычно и бывает, стали жертвами своей же близорукости и алчности, поддавшись обещаниям спекулянтов быстрого богатства и «золотых гор». Феномен такой спекулятивной игры с неизменным последующим крахом хорошо описал экономический историк Чарльз Киндлбергер в своей известной книге «Manias, Panics and Crashes»:

Сначала появляется что-то новое, например, новая технология или изменение в политической ситуации, кажущееся создающим уникальную возможность для роста и прибыли. Смекалистые участники рынка включаются в игру и покупают соответствующие акции, создавая ажиотаж и рост рынка. Пузырь раздувается еще больше когда в определенный момент такое «умное» инвестирование дополняется достаточно большим спросом со стороны менее информированных участников; легкие кредиты и низкие проценты, позволяющие легко занимать деньги и вкладывать в такие спекуляции, часто являются важной и необходимой предпосылкой[132].

Согласно Киндлбергеру, спекулятивный бум следует тогда, когда в игру включается большое количество непрофессиональных игроков. У новичков мало опыта, и они всегда склонны реагировать эмоционально, еще больше раскачивая колебания цен. Когда цены растут, все больше «инвесторов» хотят поучаствовать в этом и заработать легкие деньги. Пузырь растет

[128] Chancellor, E. Devil Take the Hindmost, 1999. Упоминается у Smith, 2003. С. 35.

[129] Smith, 2003. С. 35.

[130] Smith, 2003. С. 33.

[131] Там же. С. 36.

[132] Процитировано у Smith, 2003. С. 24—25.

до тех пор, пока, в конце концов, количество «инвесторов», несущих свои деньги, не будет исчерпано.

Как бы то ни было, англичане получили этот опыт и… им это понравилось. Быстрые и легкие деньги на спекулятивном рынке стали привлекательными, даже несмотря на закономерные крушения рынка. Культурные особенности англичан позволили им относиться к этому «философски», то есть их устраивало то, что жизнь жестока и нет в мире никакой социальной справедливости. Агрессивная политика торговцев в Парламенте успела приучить к этой суровой реальности всех жителей Англии. Значит, надо попросту быть порасторопнее и успевать продавать акции до крушения рынка, и пусть несчастье постигает других – это их проблемы, значит они «не вписались в рынок». Этот культурный феномен англичан особенно интересен в сравнении с французами.

Бум развития «Миссиссиппской Компании», созданной шотландцем Джоном Лоу в 1720 году в Париже, имел схожую историю с английской Компанией Южных морей. Бурный рост акций Миссиссиппской компании вовлек в игру большое количество французов и стал еще больше разгонять рынок, создавая такой же спекулятивный пузырь. Сильно вырос спрос на товары роскоши: «кузнецы, ткачи, ковровые мастерские и изготовители фарфора были завалены заказами[133]». Весь процесс проходил по классическому спекулятивному сценарию, однако коллапс этого пузыря вызвал в католической Франции несколько иные последствия, чем в протестантской Англии: «горькое разочарование и сильная антипатия к финансовым институтам… Дошло даже до того, что слово „банк“ не хотели произносить еще 150 лет после этого… Старая антипатия к спекуляциям и финансам, типичная для Средневековья, снова возвратилась[134]».

Несмотря на высокую рискованность спекулятивной игры на рынке, авантюрный характер англо-саксонского капитализма оказался очень выигрышным для Британии на этом отрезке истории. Авантюрный, но активный рынок ценных бумаг позволил особо предприимчивым дельцам аккумулировать капитал для вложения во многие «перспективные» направления и технологии, хоть и не всегда успешные. И, несмотря на крушения многих таких рисковых предприятий, к XIX веку Лондон превратился в мировой финансовый центр, куда стекались все мировые торговцы и финансовые спекулянты, где продавались и покупались ценные бумаги со всего света. Натан Ротшильд – третий из сыновей знаменитого основателя династии Майера Амшеля Ротшильда как-то сказал: «все сделки мира, будь то в Индии, Китае, Германии или России – все управляются и решаются через эту страну[135]», имея в виду Британию.

После 1815 года Британия стала активно поддерживать южноамериканских революционеров, таких как Симон Боливар в Колумбии и Венесуэле, борющихся за отделение от Испании. Новые формирующиеся государства остро нуждались в деньгах, и Лондонский Сити был самым подходящим местом для быстрого привлечения нужных средств, так как британские граждане видели в этом новые прибыльные возможности, как и описывал выше Киндлбергер.

Коллапс испанского контроля над своей Американской империей во время Наполеоновских войн привел к возникновению к 1820 году нескольких независимых государств из прежних колоний. Воюя друг с другом за контроль над стратегическими транспортными путями, реками и портами, государственными предприятиями, обычно рудниками, каждая из сторон обращалась за поддержкой к иностранным инвесторам как к источнику государственных финансов, а также для привлечения технологий и экспертизы взамен старых испанских. И их правительственные облигации и акции рудниковых предприятий нашли хороший рынок

[133] Smith, 2003. С. 30.

[134] Smith, 2003. С. 46.

[135] Там же. С. 48.

в Лондонском Сити, который стал доминирующим рынком финансового капитала во времена Наполеоновских войн[136].

Например, вновь сформированное государство Колумбия смогло первым привлечь средства в 1822 году, разместив свои облигации, деноминированные в фунтах стерлингов под 6%. За ней сразу же последовали Чили и Перу. Эти инициативы были встречены очень позитивной реакцией на британском рынке[137]. Однако, в конце концов, и эти положительные начинания обратились в безудержные спекуляции и закономерный последующий крах. В 1825 году в Лондоне случился большой обвал фондового рынка, вызванный как чрезмерным раздуванием пузыря, так и появлением мошенников, которые стали продавать акции выдуманных государств (примером является история Грегора МакГрегора и его страны Poyais). Это стало возможным как раз из-за того, что большинство обычных граждан даже не знали, во что вкладывались, и, в погоне за быстрыми и легкими прибылями, слепо верили красивому «маркетингу» мошенников.

Однако даже после большой паники 1825 года, когда в Англии обанкротились несколько именитых банков и множество простых граждан, на рынок снова быстро вернулся оптимизм. На этот раз всех заинтересовала возможность обогатиться за счет новых многообещающих технологий. В том же 1825 году в Англии была открыта первая железнодорожная линия Стоктон-Дарлингтон, которая сначала не привлекла особого внимания. Однако же после того, как Парламент поддержал появление шести новых линий, включая большие Ливерпульскую и Манчестерскую, которые были запущены в 1831 году и выплачивали 10%-ные дивиденды, инвесторы снова массово хлынули на рынок[138].

Войны и деньги в европейской истории

До 1945 года Европа практически всегда была ареной для бесконечных войн. Агрессивная конкуренция сначала за территории, а затем за торговые пути сделала войну основной движущей силой европейской истории. Современные контуры Европы, главным образом, были сформированы в результате множества жестоких войн Средневековья и последующих эпох. Историк Дезмонд Сюард так описывал одну из самых кровопролитных войн Европы – Столетнюю войну между Англией и Францией 1337—1453 годов:

Разграбление больших городов (таких как Кан в 1346 году) частично заменяло необходимость оплачивать войска, а также увеличивало доходы Английской Короны через долю короля в общей добыче. В некоторых случаях города могли откупиться и не быть разграбленными. Вдобавок, для пленников существовали большие вторичные рынки… Вся Англия была заполнена французской добычей, а вся затея напоминала совместное венчурное предприятие, где король был главным акционером. Дополнительным мотивом к разграблению было разрушение всех ресурсов, которыми могли воспользоваться при французском сопротивлении, и английские военные экспедиции во Францию упоминались как «chevauchee», или как бы мы сегодня назвали – «политика выжженной земли»[139].

И хотя цену, в конце концов, всегда платил простой народ, войны в Европе никогда не прекращались.

---

[136] Neal, 2015. С. 155.

[137] Smith, 2000. С. 51.

[138] Smith, 2003. С. 66—67.

[139] Seward, D. The Hundred Years War: The English in France, 1337—1453. 1982. Процитировано у Conybeare, 1987. С. 95.

Война стала главным стимулом для государственного строительства в Европе. Развитие государства было вызвано продолжительной геополитической военной конкуренцией, которая охватила континент начиная с конца XIV и начала XV веков. Постоянные войны вели к разрастанию аппаратов европейских государств. В это время, правителям требовались большие деньги для ведения войн и усиления государства. Война, деньги и развитие государственности стали взаимосвязаны в средневековой Европе… И извлечение доходов из территорий за пределами собственных юрисдикций, будь то через разграбление в войнах, колонизацию или империализм, стало важным источником доходов для европейцев[140].

Военные расходы были всегда огромными, и временами даже занимали большую часть государственного бюджета.

Война включала не только рекрутирование и оплату войска. Государства должны были все время снабжать свои армии. В XVII веке обычная армия из 60000 человек с 40000 лошадей могла потреблять около миллиона фунтов еды каждый день: часть еды переносили с собой, а в основном приобретали по месту нахождения, но все это требовало хорошей организации и расходов. По ценам того времени миллион фунтов зерна было эквивалентно заработной плате 90000 средних рабочих. Вдобавок к пропитанию войскам были необходимы оружие, лошади, одежда и пристанище[141].

С таким количеством расходов королей всегда беспокоили две проблемы: (1) каким должен быть оптимальный размер войска в постоянном распоряжении короля, и (2) как его финансировать[142]. Обычно войско страны состояло из небольшой постоянной дружины короля, дополняемой во времена войн дружинами вассальных феодалов, которые имели свои экономические ресурсы и военную силу. Из-за дороговизны постояннодействующих армий в XV – XVII веках – критическом периоде образования европейской государственности, во время войн стали все чаще привлекать наемников[143], удобство использования которых стало ответом на первый вопрос. Ответ же второй вопрос нашелся с развитием высокомонетизированной экономики с использованием торгового и финансового капитала, и это показало свою высокую эффективность сначала в Венеции, затем в Голландии, а потом и в Британии в XVII – XVIII веках.

Таким образом, война не только создавала хороший стимул для развития государственности, но также толкала правителей на поиск и экспериментирование всех возможных, иногда агрессивных, методов пополнения казны. В конце концов, было развито два основных способа: налоги и заем. Короли занимали у всех, у кого могли, и под любыми возможными условиями.

Природа и уровень экономического развития государства являлись главным ограничителем военно-мобилизационных возможностей своих правителей. Государства с капиталом, сосредоточенным в городах, следовали по «капиталоемкому» пути государственного строительства. Среди таковых были коммерчески развитые Генуя, Швейцария и Голландия. Государства же, у которых не было доступа к капиталу, не могли себе обеспечить таких источников доходов. В больших сельскохозяйственных странах земельная аристокра-

---

[140] Pollack, S. War, Revenue, and State Building: Financing the Development of the American State, Cornell University Press, 2009. C. 20.

[141] Tilly, C. Coercion, Capital, and European States: AD 990—1990. 1990. C. 81.

[142] Там же. C. 55.

[143] Parrot, D. The Business of War: Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. 2012; Thomson, J. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns: State-Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe. 1994; Tilly, 1990.

тия мобилизовала крестьянское население через воинский призыв. Такими стали большие «основанные на принуждении» империи: Россия, Польша, Венгрия, Швеция и Пруссия. Самые успешные государства Европы пошли по капиталоемкому пути. Они смогли использовать богатства своих городов и их коммерческой активности и стали самыми развитыми и доминирующими странами Европы после XVII века. Позднее они стали великими нациями-государствами XIX века. Они стали доминирующими политическими организациями Европы именно из-за своего преимущества (финансового и военного) над конкурентами. Эти страны имели «доступ к комбинации из большого сельского населения, капиталистов и коммерциализированной экономики», что давало им военные преимущества. Нация-государство Европы стала моделью для всех остальных государств именно из-за своей мощной комбинации «принуждения и капитала»[144].

Государства, которые могли быстрее занять деньги под залог будущих доходов теперь могли быстрее мобилизовать свои армии и имели лучшие шансы на успешную войну. Доступность кредита зависела от наличия финансистов и торговых капиталистов, а также от репутации правителя, как он выплачивал долги ранее. Система гарантий выплаты долга стала важнейшим фактором и обрела институциональные рамки в виде законов и концепции частной собственности. «Капиталисты стали обслуживать государства когда этого сами желали, как кредиторы и как держатели долгов», – писал Чарльз Тилли, «английские короли не хотели такого могущественного Парламента; они просто были вынуждены уступать своим баронам, а затем аристократии и буржуазии в процессе убеждения их занять денег на войну» [145].

«Капиталисты – кто мог одолжить деньги – всегда существовали даже при отсутствии капитализма… На самом деле, большую часть истории капиталисты выступали как торговцы, предприниматели и финансисты, а не как непосредственные организаторы производства» [146]. Все исторически успешные страны хорошо иллюстрируют это: и Шумер, и Вавилон, и Греция, и Рим, и Финикия с Карфагеном, и Византия, не говоря уже о Венеции и Голландии.

На фоне политических и военных событий XVIII века в Европе росло влияние международных финансов, которое сопровождало и расширяющуюся международную торговлю, и более дорогостоящие войны между конкурирующими державами. В центре финансового развития было возникновение симбиоза двух финансовых центров Европы после 1720 года: Амстердама и Лондона. Торговые банкиры других коммерческих городов Европы также были важными участниками, особенно вдоль исторической Лотарингской оси, протянувшейся от Нижних стран до Средиземноморских портов Италии, в то время как новые центры финансов стали возникать на другом конце Атлантики[147].

Знаменитая германская семья банкиров Фуггеров стала одним из крупнейших кредиторов европейских королей. Фуггеры занимали в крупных объемах в Антверпене и финансировали испанские войны, обанкротившие испанскую корону несколько раз. Под залог своих кредитов Фуггеры контрактовали будущее испанское серебро из Америки[148].

В отличие же от испанцев, британцы смогли построить уникальную связь между государством и своими торговцами и финансистами, что дало британцам существенное преимущество «доступа к неограниченным средствам ведения войн, но только за счет больших уступок

[144] Tilly, 1990, процитировано у Pollack, 2009.
[145] Tilly, 1990. С. 85—6, 64.
[146] Tilly, 1990. С. 17.
[147] Neal, 2015. С. 100.
[148] Tilly, 1990. С. 86—7.

этим торговцам и банкирам»[149]. И это преимущество было институционализировано в форме гибкого фондового рынка капиталов и Лондонского Сити, а также защите интересов британской торговли в Парламенте страны, где заседали ее представители, – все это было закреплено законами, защищающими интересы большого капитала и, самое главное, «зацементировано» концепцией частной собственности. Теперь все это вместе и олицетворяло могущество Британского государства.

И, тем не менее, частный капитал – все эти торговцы и финансисты – использовал для своего роста и безопасности именно государственный ресурс. Голландская Ост-Индская компания была уполномочена и поддерживалась государством, английские королевские судостроительные верфи были ведущей и самой концентрированной индустрией в стране, с важнейшей стратегической значимостью защиты Британских островов от нападения с континента, а также защиты торговли и доминирования на морях. Государство и государственные институты стали важной системной структурой, обеспечивающей возможность развиваться частному капиталу. И теперь чем сильнее становилось такое государство, чем надежнее работали принятые Парламентом законы, тем спокойнее развивался и увеличивался частный капитал.

Процесс становления современной системы национальных государств еще более установился по итогам Тридцатилетней войны 1618—48 годов – одной из самых масштабных и жестоких войн в истории Европы. Вестфальский мир 1648 года существенно реорганизовал Западную Европу, собрав вместе 145 представителей разных государств и определив между ними новые границы по итогам войны, а также установив новые правила международных отношений. Швейцарская Конфедерация и Голландская Республика были определены как суверенные и неприкосновенные государства, что было, в первую очередь, направлено против растущей Франции – извечного соперника Британии. Однако Вестфальский мир определял неприкосновенность границ только в Европе, что подтолкнуло Голландию, Францию и Англию к активной экспансии в поисках колоний, развивать внешнюю экономику на торговле, сахаре, табаке и рабах[150]. Колонизация новых земель и необходимость увеличения армий стимулировали развитие рекрутинговой системы всеобщей воинской повинности при растущем населении. В конце концов, те страны, которые «рекрутировали и поддерживали большие армии из своих собственных народов, а именно Франция, Британия и Пруссия, стали моделями для подражания и для всех остальных государств»[151].

Франция, однако, несмотря на постепенное становление доминирующей державой в Западной Европе благодаря хорошей географии и растущему населению, так и не смогла достаточно развить свою финансовую систему, как это удалось голландцам и британцам, и из-за этого существенно отставала.

Если бы Наполеон хорошо понимал возможности голландских финансов для финансирования и снабжения своих армий, то вполне смог бы установить свою империю над всей Континентальной Европой. Однако вышло так, что, несмотря на его выдающиеся способности по преобразованию французских финансов и французской армии, он так и не смог успешно скоординировать банки, рынки капиталов и финансовое регулирование во Франции, а также не уделил достаточного внимания финансовым институтам союзных королевств… Его постоянные вмешательства в управление национальным долгом постоянно вводили в замешательство его ответственного министра графа Моллиена. Затем, его настойчивость в наложении массивных ежегодных контрибуций на союзные королевства, повышением их нало-

[149] Tilly, 1990. C. 159.
[150] Neal, 2015. C. 52.
[151] Tilly, 1990. C. 76.

гов подорвало легитимность новых режимов, которые он создал по всей Континентальной Европе[152].

Британия вела множество войн: против американцев, против французов, против испанцев и постоянно занимала много денег, в то время как Франция испытывала серьезные трудности с финансированием своих войн и даже была на грани банкротства. Британия же, как показывает история, нашла способ решения этой проблемы и не только своевременно оплачивала и снабжала свои военные силы, но даже нанимала немецких солдат.

Британия «нашла секрет кредита», – писал Кэрролл Квигли, и этот секрет стал самым критическим фактором ее дальнейшего экономического развития, позволив построить самую мощную морскую силу, которая не только смогла защитить экономику, но и осуществлять агрессивную внешнюю экспансию. Так, в результате Войны за Испанское наследство в 1701—13 годах Британия стала лидирующей колониальной державой, захватив новые территории: Ньюфаундленд, Новую Шотландию, Территории Гудзонова залива, Гибралтар и Минорку, с правом доступа к испанским колониальным портам и правом поставки на них рабов. Семилетняя же война с Францией в 1756—63 годах сделала Британию еще сильнее, в то время как Франция уступила Канаду и стала еще слабее, даже по сравнению с результатами Войны за Испанское наследство.

В 1805 году, объединенные силы испанского и французского флотов потерпели сокрушительное поражение от британцев под командованием адмирала Нельсона при знаменитой Трафальгарской битве, и это превратило Британский Королевский флот в фактического хозяина над Атлантическими торговыми путями, так же, как и в Азиатской торговле. Венский же Конгресс 1815 года добавил к Британской Империи Цейлон, мыс Доброй Надежды, Тобаго, Сент-Люсию, Маврикий и Мальту[153].

Так, «поняв секрет кредита» для ведения войн, Британия стала первой, по-настоящему глобальной супердержавой, контролирующей все основные моря и торговые маршруты. Британская военно-морская мощь обеспечила надлежащее развитие экономики, которая в свою очередь поддерживала британскую военную силу. Это стало уникальным сотрудничеством между британским правительством и торгово-финансовыми кругами, между государством и частным капиталом – их интересы совпадали. И военное принуждение стало одним из главных инструментов британского глобального доминирования и британского экономического развития.

Промышленная революция в Британии

К XVIII веку в Англии сложились все необходимые условия для свершения промышленной революции: (1) климат и география были благоприятными, с оптимальными внутренними расстояниями и дешевым морским транспортом; (2) безопасность для развития экономических отношений, обеспечиваемая островным положением и сильным флотом; (3) протестантская культура, которая открыла путь для развития финансовых и кредитных отношений; (4) изобилие капитала и монетизированная экономика. Оставалось только открыть новые промышленные технологии и найти дешевую рабочую силу. И дешевую рабочу силу обеспечили пролоббированные олигархией «оградительные» законы.

Между XVI веком и принятием Генеральных оградительных законов [General Enclosure Acts] в XIX веке крупные землевладельцы Англии смогли консолидировать свои владения и огра-

[152] Neal, 2015. С. 134.

[153] Tilly, 1990. С. 168—9.

дить большую часть общинных земель страны. Мелкие крестьяне и скваттеры были изгнаны с привычных им земель и потеряли право выпасать там скот, а также собирать топливо с этих земель. В результате, много людей было вынуждено мигрировать в города, где они стали дешевой рабочей силой для новых фабрик[154].

Однако кроме таких законов, дополнительным фактором миграции стало появление новых сельскохозяйственных технологий в XVII веке и повышение производительности труда, что оставило многих крестьян без работы. В текстильной отрасли серия изобретений и инноваций в механизации процессов способствовала существенному уменьшению себестоимости продукции.

В 1770-х годах Джеймс Уатт изобрел паровую машину, которая увеличила энергетическую мощность и способствовала автоматизации мануфактурного процесса. Последовавшая за этим серия инноваций произвела Первую Промышленную Революцию, о которой Дэвид Ландес писал: «Она беспрецедентно увеличила продуктивность человеческого труда и, вместе с этим, существенно увеличила доход на человека[155]».

Британские товары стали более привлекательными за рубежом даже без протекционистских мер, и это способствовало быстрой экспансии британской текстильной продукции на внешние рынки. Между 1780 и 1800 годами экспорт британского текстиля рос примерно на 10% в год[156].

Трансформация мануфактуры в массовое производство стала развивать, так называемую, «фабричную систему» (factory system) – революционный способ организации производства, которую канадский экономист Ричард Липси назвал «технологически радикальной инновацией» и «технологией общего назначения» (general purpose technology), т.е. создающей основу для инноваций в целом направлении, с важнейшими изменениями в структуре, месторасположении, организации и концентрации индустриального производства [157]. Уже к концу XVIII века такая фабричная система стала доминировать в существующих и новых производствах Великобритании, и большие фабрики уже стали выпускать беспрецедентное количество товаров, используя все больше машин.

Фабричная система означала фундаментальные изменения, как признавали современники, некоторые же рабочие и ремесленники объединялись в движения Луддитов и пытались уничтожать такие машины и сжигать фабрики. Однако, несмотря на такие выступления в 1811 году в Йоркшире, Ланкашире и Ноттингемшире, значение фабричных систем только росло. Новые фабрики могли производить гораздо больше товаров и по гораздо меньшей себестоимости. Для капиталистов мотивация строить такие фабрики была основана на прибылях, престиже, статусе и большем контроле над рабочей силой[158].

По оценкам историка Уильяма Бернштейна, если в 1720-х годах Британская Ост-Индская компания ежегодно импортировала из Индии около 1,5 миллионов фунтов хлопка – сырья для британской текстильной промышленности, то к концу 1790-х годов эта цифра возросла до 30 миллионов. К 1820 году экспорт хлопка в Англию из американского Юга составил около 200 миллионов фунтов в год, и к началу Гражданской войны в США в 1861 году

---

[154] Howard P. Concentration and Power in the Food System: Who Controls What We Eat. New York: Bloomsbury Publishing, 2015. С. 104.

[155] Landes, 2003. С. 41.

[156] Hayter, R. The Dynamics of Industrial Location: The Factory, the Firm and the Production System. Burnaby: Simon Fraser University, 2004.

[157] Lipsey и др., 2005. С. 246.

[158] Hayter, 2004.

эта цифра выросла до 2 миллиардов фунтов[159]. В частности, изобретение волокноотделителя Элаем Уитни в 1793 году снова существенно ускорило производственный процесс и увеличило спрос на хлопок, сделав выращивание хлопка очень прибыльным на американском Юге, и это способствовало увеличению количества рабов в США с 700 000 до 3 200 000 между 1790 и 1850 годами[160], что, в конце концов, и привело к Гражданской войне.

В 1760 году Британия импортировала 2,5 миллиона фунтов сырого хлопка… Вся работа была ручной… Спустя поколение в 1787 году потребление хлопка стало составлять около 22 миллионов фунтов; хлопковая мануфактура уступала только шерстяной по количеству задействованных рабочих и стоимости продукции… Спустя еще полстолетия потребление выросло до 366 миллионов фунтов; хлопковая индустрия стала самой важной в королевстве по общей стоимости продукции, инвестированному капиталу и количеству задействованных рабочих, организованных в фабричную систему, хотя оставалось еще достаточно ручного труда. Цена пряжи упала примерно в двадцать раз, и теперь дешевый индийский труд не мог конкурировать с Ланкаширом ни по качеству, ни по количеству. Британские хлопковые товары продавались по всему миру. Хлопковая фабрика стала символом британского индустриального превосходства[161].

Дэвид Ландес писал, что технологическое развитие промышленной революции стало продуктом образованного ремесленника, который сам в своей деятельности руководствовался методом проб и ошибок. И многие технологии, как обоснованно утверждал Ландес, были развиты довольно случайно[162].

Ранняя механистическая наука Запада была критически важной в определении когда, где и как произойдет промышленная революция. В частности, мы утверждаем, что ранние стадии современной науки, механистической науки, были необходимым условием для развития технологий общего назначения во время промышленной революции, и такая наука не могла развиться без научных революций более раннего периода[163].

Исаак Ньютон (1642—1727) был одним из самых важных участников новой науки, так как его механика послужила интеллектуальной основой при первой промышленной революции, которая была почти полностью механической.

Механика Ньютона стала пропитывать британское общество и привлекать всевозможных инноваторов и предпринимателей, таких как Уатт и Боултон, отделив Англию от всех остальных европейских стран, только Голландия была наиболее близка. Эти знания стали общественным достоянием в мире, где наука становилась «писком моды»… Она витала в воздухе и инженеры и изобретатели дышали ей каждый день. К 1750 году научная революция создала в Британии «нового человека, чаще всего, но не обязательно, мужчину-предпринимателя, который подходил к процессу механически, буквально видя в этом что-то, что должно быть усовершенствовано машинами, или на более абстрактном уровне концептуализировано в части веса, движения и принципов силы и инерции[164].

---

[159] Bernstein, 2008. С. 263.

[160] Там же. С. 219.

[161] Landes, 2003. С. 42.

[162] Lipsey и др., 2005. С. 245.

[163] Lipsey и др., 2005. С. 245.

[164] Jacob, M. Scientific Culture and the Making of the Industrial West. Oxford: Oxford University press, 1997. С. 6—7. Процитировано у Lipsey и др., 2005. С. 240—2.

Континентальные страны, с другой стороны, не имели всех этих важных преимуществ для запуска своей промышленной революции, таких как: военная безопасность, удобная внутренняя география, протестантская культура со свободой от ростовщических запретов, а также очень монетизированная экономика. Даже угля в Англии было в достаточном изобилии, и он находился почти в шаговой доступности.

Континентальные страны не только имели мало угля. То, что у них имелось было очень рассеяно и обычно находилось далеко от других ресурсов, таких как железо, и часто не того качества. Во Франции, например, было очень мало коксующегося угля для начала, да и потом открыто не много. Богатые же месторождения Рура еще не были открыты[165].

Более того, многочисленные и постоянные войны на континенте – одна из главных причин, почему финансовый капитал переехал из Голландии в Англию, нестабильность и социальные волнения, а также религиозные ограничения на ростовщичество и спекуляции – все это не очень благоприятствовало бурному развитию финансовой экономики. В частности, Франция, чьи экономические проблемы начались с Великой Французской революции 1789 года и закончились в Ватерлоо в 1815 году, испытала на себе все возможные неприятности, включая разрушение капитала, инфляцию национальной валюты, прерывание торговли при континентальной блокаде Наполеона. Вполне очевидно, что догнать Британию становилось все сложнее, и отрыв сильно увеличивался[166].

Дискуссия о меркантилизме

Экономический рост, в соответствии с Адамом Смитом, базируется на идее глобализированной коммерции, так как европейская экономика всегда развивалась на внешней торговле как основном генераторе нового богатства[167]. Однако еще со времен Римской империи европейские торговцы и государственные деятели были недовольны тем, насколько много золота и серебра утекает в Азию в обмен на специи и другие привлекательные товары, так как азиаты не особо были заинтересованы в европейских товарах. Если бы такая ситуация продолжалась долго, то это бы угрожало демонетизацией европейской экономики, подняло бы процентные ставки, усложнив кредитование, повысило бы налоги и привело бы к экономическому и социальному напряжению. В свое время генуэзцы и венецианцы нашли решение этой проблемы, продавая рабов на Восток, а голландцы, развив региональную торговлю в Азии и предотвратив утечку драгоценного золота и серебра.

Однако эта проблема неоднократно вызывала много споров и дискуссий в средневековой Европе, создавая повод для развития экономических теорий, а порой даже являясь причиной войн и международных конфликтов. Английский мыслитель Томас Мун писал в своей книге «England's Treasure by Forraign Trade» («Сокровища Англии от иностранной торговли») в 1630 году, что богатство Англии увеличивается «когда мы… продаем иностранцам больше каждый год, чем мы потребляем их по стоимости[168]». Как и многие другие экономисты и философы того времени, он продвигал инициативу увеличения экспорта и ограничение импорта тарифами и другими барьерами.

---

[165] Landes, 2003. С. 139.

[166] Landes, 2003. С. 147.

[167] Lipsey и др., 2005. С. 174.

[168] Процитировано у Kurz, H. Economic Thought: A Brief History. Columbia University Press, 2016. Слова Томаса Муна в оригинале: «wherein wee.. sell more to strangers yearly than wee consume of theirs in value».

По мере развития европейской торговли все большего количества золота – «товара всех товаров», и серебра требовалось для рынка. Испании повезло с двумя большими горами серебра в Потоси и Гуанохуато, однако это ей, в конце концов, не помогло. Всем остальным странам необходимо было что-то продавать – будь то сырье или произведенные товары, для поддержания положительного торгового баланса и притока богатства. Еще одной возможностью, конечно, был грабеж, как это практиковала Англия со своими «морскими псами» Дрейком и Кавендишем в XVI веке, однако это было рискованно и не могло продолжаться долго. Таким образом, продвижение экспорта было наилучшим решением, которое, к тому же, стимулировало внутренне производство и создавало рабочие места, в то время как ограничение импорта препятствовало развитию других стран, что также стало важным фактором международной конкуренции.

В своей основной форме меркантилизм предполагал, что экономическая деятельность должна быть подчинена целям государственного строительства, государственной безопасности и развития военной мощи. Одно из ключевых допущений меркантилистов состояло в том, что количество богатства в мире постоянно, и доля страны могла быть увеличена только за счет уменьшения доли других[169].

Английское государство отличилось в этом больше всех. Начиная с Ганзейской торговли в XIII веке, как описано выше, Англия всегда агрессивно отстаивала свою меркантилистскую политику не только продвижением своего экспорта, но и подключая свою военную силу для целей принуждения других[170].

Знаменитый автор «Робинзона Крузо» Даниэль Дефо в своем экономическом труде «A Plan of the English Commerce» (План английской коммерции, 1728) описывал, как английские монархи, в частности Генрих VII и Елизавета I, использовали протекционизм, субсидии, предоставление монопольных прав, поддерживаемый правительством промышленный шпионаж и другие методы для развития английской шерстяной индустрии, которая в то время была очень технологичной отраслью для Европы[171]. До этого, Англия была довольно отстающей от соседей страной и экспортировала сырую шерсть в Нижние страны, которые, перерабатывая эту шерсть, сами извлекали большую прибыль. Англичане были очень настроены изменить эту ситуацию в свою пользу.

Другой британский государственный деятель Роберт Уолпол, ставший премьер-министром, говорил: «Это очевидно, что ничто так не увеличивает государственное благосостояние, как экспорт произведенной продукции и импорт иностранного сырьевого материала[172]».

Протекционистская политика Англии позволила ее производителям своевременно «встать на ноги» и хорошо подготовиться к международной конкуренции. Страна оставалась очень протекционистской почти до середины XIX века. Например, в 1820 году средняя ставка тарифа на импорт произведенной продукции составляла около 50%, по сравнению с 6—8% в Нижних странах, 8—12% в Германии и Швейцарии и 20% во Франции[173].

Однако, благодаря своей промышленной революции необходимость в протекционизме стала отпадать, так как британская текстильная промышленность стала конкурентной даже без протекционного регулирования. Протекция теперь даже становилась контрпродуктивной, так как портила производителей и делала их неэффективными. Таким образом, именно теперь

---

[169] Martinez, 2009. С. 119.

[170] Acemoglu и Robinson, 2012. С. 103.

[171] Chang, H.J. Bad Samaritans: The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism. Bloomsbury Press, 2007. С. 40.

[172] Там же. С. 44.

[173] Там же. С. 46.

в британских интересах было продвижение концепции свободной и открытой торговли во всем мире. Британские производственники стали продвигать в своем парламенте отмену ограничительных барьеров, и в том числе т.н. «Пшеничные законы» (Corn Laws), так как импорт дешевого зерна позволял поддерживать низкие зарплаты для рабочих и удерживать высокие прибыли[174].

Наблюдая за Британией, Франция, конечно же, тоже пыталась выработать свою меркантилистскую политику и даже заметно преуспела. Расцвет французского меркантилизма ассоциируется с именем Жана Батиста Кольбера, министра финансов (1665—1683) при короле Людовике XIV.

При Кольбере французское правительство стало серьезно заниматься экономикой. Кольбер структурировал государственный бюджет и реформировал государственное управление; приглашал иностранных ученых, инженеров и различных мастеров для модернизации французской экономики; начал развивать инфраструктуру Франции, расширив улицы, каналы и порты, а также основал Французские Восточную и Западную Индийские компании для развития колониальной политики. Как и другие меркантилисты, Кольбер уделял первостепенное значение протекционистской торговой политике, субсидированию индустрии и повышению импортных тарифов. Например, в 1666 и 1667 годах Кольбер запретил импорт английских шерстяных товаров, подняв тарифы до 100%, что привело к продолжительным торговым войнам с Британией[175]. Кольбер остался одним из самых выдающихся государственных деятелей в истории Франции, чья политика уже после него, во многом, сделала Францию крупнейшей и доминирующей державой континентальной Европы.

Меркантилизм и протекционизм приобрели особую актуальность и в молодой Американской республике после революции 1776—83 годов. Благодаря прагматичной политике некоторых первых государственных деятелей, импортные пошлины финансировали до 90% деятельности американского правительства до принятия подоходного налога[176].

Американские дебаты

Под властью Великобритании первые американцы сполна ощутили на себе, что значит быть колонией, особенно в торгово-экономических отношениях. Протекционистская политика Роберта Уолпола наложила жесткие ограничения на развитие американского колониального производства. Британцы

стремились быть абсолютно уверенными, что колонисты будут заниматься только основными сырьевыми товарами и никогда не вырастут до уровня конкурентов для британских производителей. Таким образом, американские колонисты должны были оставить все попытки заниматься прибыльными «высокотехнологичными» производствами, чтобы только Британия могла быть на переднем крае мирового развития[177].

Британцы даже субсидировали производство американского сырья, которое затем должно было экспортироваться в Англию: продовольствия – для поддержания низких зарплат, и хлопка для растущего аппетита британской текстильной промышленности.

[174] Chang, 2007. С. 46.

[175] Conybeare, 1987. С. 159.

[176] Bernstein, 2008. С. 320.

[177] Chang, 2007. С. 45.

Рекомендуя свободную торговлю американцам, некоторые были убеждены, что помогают им. В своей книге «Wealth of Nations» (Богатство наций) Адам Смит искренне советовал американцам не развивать собственное производство. Он утверждал, что любые попытки «остановить импорт европейских произведенных товаров» могут «препятствовать, а не способствовать прогрессу их страны на пути к настоящему богатству и величию». Многие американцы соглашались, включая Томаса Джефферсона, первого государственного секретаря и третьего президента[178].

Другие американцы, тем не менее, не были согласны и спорили, что их страна должна была развивать собственное производство, чтобы стать сильнее и конкурировать на международном рынке. Во главе этой группы стоял Александр Гамильтон – один из отцов-основателей США и первый секретарь казначейства.

В своем известном Докладе о производстве («Report on Manufactures»), который он представил Конгрессу в 1791 году, Гамильтон сформулировал свои основные экономические принципы, во многом основанные на меркантилизме, и которые учитывали исторический опыт протекционистской Британии и реформы Жана Батиста Кольбера во Франции. Эти принципы Гамильтон воплотил в так называемой «Американской системе», основная идея которой заключалась в приоритете национальной экономики и ее защите соответствующей протекционистской политикой. И, конечно же, открыто декларируя свои принципы, Гамильтон понимал, что идет вопреки общепринятой доктрине самого знаменитого в мире экономиста Адама Смита.

В своем «Докладе о предмете производств» (Report on the Subject of Manufactures) для Конгресса США Гамильтон предложил набор мер для индустриального развития своей страны, включая защитные тарифы и запрет импорта; субсидии; запрет экспорта на ключевые сырьевые товары; либерализацию импорта на промышленные компоненты; призы и патенты для изобретений; регулирование стандартов продукции; а также развитие финансовой и транспортной инфраструктуры. Хотя Гамильтон и предупреждал об опасностях чрезмерного использования такой политики, тем не менее, они были довольно «еретичными» рекомендациями. Если бы он был министром финансов развивающегося государства сегодня, то МВФ или Всемирный Банк, безусловно, отказали бы в предоставлении кредита его стране и лоббировали бы его отстранение от должности[179].

Основываясь на принципах меркантилизма и вопреки классической экономике, «Американская система» Александра Гамильтона состояла из трех компонентов: (1) протекция американской промышленности тарифами и субсидиями; (2) государственные инвестиции в инфраструктуру; и (3) учреждение национального банка для продвижения единой национальной валюты.

Гамильтон восхищался британской системой государственных финансов, которая много раз доказывала свою эффективность в XVIII веке. Она позволила Британии преобладать в любой конфронтации с любым противником, в частности, с Францией, как в Европе, так и в Северной Америке. Гамильтон хотел скопировать все самые лучшие аспекты британской системы для Соединенных Штатов и даже усовершенствовать их, «сделав Федеральное правительство основным акционером Банка Соединенных Штатов, при этом сохраняя федеральные земли на западе в качестве резервного ресурса для финансирования нового правительства»[180].

---

[178] Там же. С. 49.

[179] Chang, 2007. С. 50.

[180] Neal, 2015. С. 143.

Гамильтон считал, что центральный банк, выпуская национальную валюту, заменит золото и серебро, и будет поддерживать развивающуюся национальную экономику. Соединенные Штаты должны были учредить национальный банк для обеспечения стабильного потока кредита в экономику. Такая монетизация должна была бы увеличить деловую активность без необходимости полагаться лишь на экспорт для увеличения денежного предложения. Также Гамильтон верил, что банк может усилить национальное правительство, кредитуя его казначейство, а также взяв на себя военные долги государства[181].

Концепция Гамильтона о централизованном банке была принята в 1791 году, и новый банк, организованный по модели Банка Англии, получил лицензию на 20 лет, работая под управлением федерального правительства и частных лиц. Кроме государственных финансов, Гамильтон думал создать также и коммерческий банк для обеспечения капиталом новых предприятий и развития национальной экономики. То есть, хотя Первый банк США и напоминал сегодняшние центральные банки, он также и отличался существенно, предлагая коммерческие кредиты, чего современные центральные банки не делают.

Однако учреждение банка не прошло гладко. Многие считали, что создание такого центрального банка выходит за рамки правомочий, дарованных правительству Конституцией Соединенных Штатов. Многие конгрессмены опасались, что банк будет обладать монополией на эмиссию денег и предпочитать интересы промышленного Севера, а не аграрного Юга. В 1811 году эти оппоненты отказались продлевать устав Первого банка США.

Однако вскоре, финансовые проблемы государства и инфляция в результате Войны 1812 года снова привели к необходимости создания национального банка, так как растущий федеральный долг не оставлял иных удобных решений. Устав Второго банка Соединенных Штатов был смоделирован по образцу первого, однако теперь он функционировал больше как банк-регулятор, храня в резерве банкноты других коммерческих банков и не позволяя им выпускать слишком много банкнот. Роль Второго банка в экономике возросла, так как теперь он также стал выдавать займы банкам штатов.

Тем не менее, как и Томас Джефферсон, 7-й президент США Эндрю Джексон начал противостоять идее центрального банка, утверждая, что институт с такой большой властью может быть подвержен коррупции, попав под контроль могущественных элит, и станет неуправляемым для государства. И Джексон не был абсолютно неправ:

Банк начал выдавать займы тем законодателям, которые поддерживали его. Сенатор Дэниел Вебстер писал президенту Банка жалобу: «мой счет не был обновлен как обычно» и угрожал, более не защищать интересы Банка пока ему не вышлют денег[182].

Еще одной проблемой для Джексона было опасение, что все еще слабая американская банковская система может попасть под контроль уже сильных европейских банков, которые будут манипулировать американскими экономическими интересами и, в конце концов, угрожать американскому суверенитету.

Среди коммерческих банков Ротшильды инвестировали в акции и облигации Банка Луизианы, Коммерческого Банка Олбани, Торгового Банка Балтимора и Союзного Банка Флориды. Кроме того, Баринги инвестировали в Нью-Йоркский Банк коммерции. В общем, британцы приобрели доли в капитале, по крайней мере, 10 банков, расположенных в 5 штатах, включая 27-процентную долю Банка Жирар в Филадельфии. Голландские капиталисты инвестировали в 5 других банков Нью-Йорка, Луизианы и Флориды. Отчет штата Луизиана 1837 года сооб-

[181] Inskeep, S. Here's Why Andrew Jackson Stays and Alexander Hamilton Goes. / «Time», 18 июня 2015.

[182] Inskeep, 2015.

щал, что иностранцы инвестировали в 12 из 16 банков штата и контролировали 52% банковского капитала штата[183].

Став президентом, Эндрю Джексон все-таки смог закрыть Второй банк США, не продлив его лицензию в 1836 году. Тем не менее, желание Александра Гамильтона сделать Соединенные Штаты Америки такой же сильной державой как Великобритания на основе сильной финансовой системы, в конце концов, было реализовано спустя век. Гамильтон даже понимал опасения Джефферсона и Джексона, однако, видел во власти таких элит полезную необходимость.

Историк Артур Шлезингер видел в Гамильтоне «прислужника богатеев»[184]. Сравнивая его и Джона Куинси Адамса, 6-го президента США, он писал:

Оба, Адамс и Гамильтон, были, конечно же, Федералистами. И оба принимали взгляды Хьюма о человеческой природе, выраженные в цитате, которую любил приводить Гамильтон: «При оценке любой системы государства… каждый человек должен рассматриваться как плут; которым двигает только лишь его частный интерес. По этому интересу мы должны управлять им, и посредством этого интереса должны заставить его сотрудничать во имя общественного блага, несмотря на его ненасытную скупость и амбиции»… Гамильтон был готов довериться «богатым и родовитым»… Он верил, что «никакой план не может быть успешным, если не объединит интересы богатых и интересы государства». Адамс, с другой стороны, имел небольшой выбор между алчными богатеями и голодной беднотой. Он писал… «равные законы никогда не стоит ожидать: они будут писаны большинством для ограбления нескольких богатых, или влиятельными для обирания большинства бедных». Адамс, таким образом, считал, что общественная конституция должна принять во внимание деление, порожденное неравным распределением имущества и обеспечить безопасность обоих классов, предоставив каждому палату в законодательстве.

Философия Адамса могла, вероятно, создать социальную ответственность, но экономическую стагнацию; философия Гамильтона же создать социальную безответственность, но экономический прогресс[185].

Гамильтон искренне верил, что, как и в Британии, для сильных Соединенных Штатов необходимо, чтобы богатство было сконцентрировано в руках небольшой элиты. Он считал, что подавляющее большинство народа слишком невежественно и неспособно играть значительной роли в государственном процессе. Народ, он считал, «беспорядочен и неспособен понимать, что правильно»[186].

Второй инициативой Гамильтона в его «Американской системе» были правительственные инвестиции в инфраструктуру, что также было прогрессивно. Например, проект строительства Канала Эри (Erie Canal), который строился в 1817—1825 годах, стал одним из успешных ранних инфраструктурных проектов США. Финансирование строительства было реализовано через выпуск 20-летних облигаций в 1817 году штатом Нью-Йорк на 200000 долларов под 6% годовых. Однако, уже в 1821 году пошли доходы от сборов с завершенных секций канала и к 1825 году сборы существенно превзошли процентные платежи по долгу[187]. Проект Канала Эри в свое время абсолютно подтвердил превосходство развития финансовизации американского государственного строительства.

---

[183] Davis, L. и Cull, R. International Capital Markets and American Economic Growth, 1820—1914. New York: Cambridge University Press, 1994. С. 21.

[184] Inskeep, 2015.

[185] Schlesinger младший, A. The War Between Adams and Hamilton. / «New Republic», 1 января, 1962.

[186] Riffle, R. The Miracle of Independence. Xulon Press, 2009. С. 245—6.

[187] Neal, 2015. С. 178—9.

«Американская система» Гамильтона впоследствии сильно повлияла на немецкого экономиста Фридриха Листа, который, приняв во внимание основные принципы Гамильтона, сформулировал свою концепцию «Национальной системы» для растущей тогда Германии, послужившей также для организации немецкого Таможенного союза «Zollverein» – торгово-экономического объединения германских земель, защищенного снаружи. История показала ему, что промышленное развитие является ключом к «производственному капиталу, богатству и национальной мощи», а протекция является ключом к промышленному развитию. Лист писал: «Менее развитые страны должны сначала развиться искусственными методами до такого уровня, до какого английская нация была искусственно поднята»[188].

Однако, несмотря на то, что Гамильтон предложил почти готовую экономическую стратегию для США, его видение не получило широкой поддержки в Конгрессе, где доминировали южные плантаторы, не заинтересованные в развитии американской промышленности. Как было описано выше, промышленная революция в Британии и возросший спрос на хлопок сделали его экспорт очень прибыльным, и южанам было невыгодно что-либо менять в этой ситуации. Им также было удобно импортировать качественную производственную продукцию из Европы по низким ценам, а это не могло стимулировать внутреннее американское производство. Даже Томас Джефферсон активно поддерживал такую экономическую линию, сам будучи плантатором, так как для него идеальное общество основывалось на сельскохозяйственной экономике с самоуправляемыми фермерами[189].

Южные аграрные штаты, предпочитающие свободную либеральную торговлю, постоянно пытались снизить тарифы, в то время как Северные индустриальные штаты, стремившиеся развивать промышленность, пытались держать их высокими для протекции своих «молодых отраслей» («infant industries») – именно этот принципиальный конфликт и стал основной причиной американской Гражданской Войны 1861—65 годов. Избравшись на пост президента, Линкольн, принципиальный сторонник индустриализации страны, смог поднять промышленные тарифы до их самого высокого уровня, которые держались так еще долго после войны. Тарифы на производственный импорт оставались на уровне 40—50% до Первой Мировой войны, и были самыми высокими среди всех стран в мире[190].

Однако, такая экономическая причина казалась не совсем удобной для самой кровопролитной войны, где погибло больше всего простых американцев, и была сложноватой для понимания обычных граждан, поэтому населению больше запомнился «аболиционизм», т.е. движение за отмену рабства. Экономика южан сильно зависела от эксплуатации рабов, которые приносили огромные прибыли плантаторам на полях хлопка и сахарного тростника. Поэтому северянам было выгодно поддерживать движение аболиционистов для подрыва экономики южан – права чернокожих, на самом деле, мало кого интересовали, так как реальную свободу и права чернокожее население получило только спустя целое столетие, и больше ассоциировалось с движением Мартина Лютера Кинга в 1960-х годах.

Опиумное дело Британии

Как уже неоднократно описывалось выше, азиатские товары, в частности специи, всегда очень ценились в Европе. И после голландцев эстафета морской торговли с Азией перешла к британской морской державе. Британская Ост-Индская компания получила монопольное право от своей Короны на торговлю от мыса Доброй Надежды на юге Африки и до Магелланова пролива Южной Америки, т.е. на всю территорию Индийского и Тихого океанов.

---

[188] Процитировано у White, L. The Clash of Economic Ideas: The Great Policy Debates and Experiments of the Last Hundred Years. New York: Cambridge University Press, 2012. С. 375—76.

[189] Chang, 2007. С. 51.

[190] Там же. С. 52—54.

Несмотря на популярность и других товаров и специй, к концу XVIII века основное внимание Британской Ост-Индской компании было приковано к чаю из Китая, который настолько стал популярным и модным напитком в Англии, что Парламент даже издавал законы, предопределяющие компании держать определенное количество чая в Лондоне как запасной резерв. К 1820 году китайский чай стал формировать одну десятую государственных доходов Англии и почти всю прибыль Ост-Индской компании[191].

Однако, в то время, как английский спрос на китайский чай все возрастал в конце XVIII века, китайцам все еще не было интересно ничего из европейского.

Когда в 1793 году лорд Макартни был отправлен послом в Китай с образцами британских фабричных изделий и представил их императору Чиен Лунгу, то получил такой ответ: «иноземные дорогие товары меня не интересуют. Как вы посол можете видеть сами, мы обладаем всем. Я не вижу ценности иноземным товарам и изобретениям, и не вижу использования изделиям вашей страны». Это заявление… отражало основную самодостаточность китайской аграрной экономики, огромную внутреннюю торговлю и уровень развития городского ремесленничества… Сэр Роберт Харт столетие спустя писал: «у китайцев лучшая в мире еда, рис; лучший напиток, чай; и лучшая одежда из хлопка, шелка и мехов. Обладая всеми этими базовыми товарами и их бесчисленными дополнениями, они не нуждаются в покупке чего-либо и где-либо еще даже на пенни». Отсутствие эффективного спроса со стороны Китая повлекло за собой фундаментальную проблему в Старой Китайской Торговле, ее односторонний баланс[192].

К началу XIX века Китай демонстрировал сравнительно высокую экономическую стабильность и был самодостаточным по многим направлениям.

Процветание торгового класса взросло от по-настоящему массивной межрегиональной торговли, эквивалентной в категории на душу населения с Европой XIX века, а в абсолютных величинах намного большей. Экономика была очень монетизированной, и крестьянство, хотя и было под принуждением, тем не менее, не было прикреплено к феодальным структурам, в отличие от крестьян Пруссии до начала XIX века или России до отмены крепостного права в 1861 году[193].

Так, не имея другой альтернативы, Ост-Индская компания была вынуждена оплачивать свою торговлю большим объемом драгоценного металла и монет. «В течение пятидесяти сезонов в 1710—59 годах, экспорт из Англии на Восток составил 26 833 614 фунтов стерлингов сокровищами и только 9 248 306 фунтов товарами», писал историк Морзе в своих хрониках[194].

Однако это было время меркантилистов, и рост торгового дефицита считался большим злом, разрушающим национальное богатство. В результате активного поиска всевозможных решений таковое было найдено в Индии. Британцы обнаружили, что, не имея интереса к европейским товарам, китайцы, тем не менее, готовы были покупать индийские хлопок и опиум. После 1804 года компания уже почти не отправляла серебро из Европы в Китай. Напротив, рост индийского импорта в китайский Кантон вскоре изменил поток денег в обратную сторону[195]. В свою очередь, Индия должна была потреблять увеличивающийся британский тек-

---

[191] Greenberg, M. British Trade and the Opening of China 1800—42. Cambridge University Press, 1969.

[192] Там же. С. 5.

[193] Inkster, I. Technology and Industrialisation: Historical Case Studies and International Perspectives. Ashgate Publishing,1998. С. 410.

[194] Morse, H. Chronicles of the East India Company Trading to China, 1635—1834. Процитировано у Greenberg, 1969.

[195] Greenberg, 1969.

стиль. Это была великолепная схема: треугольная торговля между Англией, Индией и Китаем, где Индия должна была потреблять английские промышленные изделия, Китай должен был потреблять индийский опиум, и англичане вывозить китайский чай. И главное – прибыли от всей этой торговли шли к британцам.

Единственной проблемой было то, что у Индии было собственное развитое текстильное производство, особенно в Бенгалии, которая была главным регионом-экспортером текстиля [196]. Однако, вскоре англичане не только запретили импорт текстильной продукции из Индии в Британию, но и в целях устранения конкуренции наложили тяжелые ограничения и высокие сборы на индийскую текстильную отрасль в 1797—1825 годах [197].

Все эти события совпали с развитием английской промышленной революции как раз, когда это было остро необходимо для роста фабричной производственной системы, так как излишек производства требовал быстрой реализации. И создание мирового рынка для своего развивающегося производства стало важнейшей геополитической стратегией Великобритании в начале XIX века. Поддерживаемые военно-морским флотом, английские торговцы-экспортеры стали играть важную роль в реализации вовне излишков производства, позволяя своим новым фабрикам и машинам увеличивать производственные обороты и создавать настоящий индустриальный экономический бум в Великобритании.

Если, в 1800 году на Британию приходилось около 4% мирового мануфактурного производства, что делало ее четвертой в рейтинге крупнейших производственных стран после Китая, Индии и России, то к 1860 году она стала лидером по объемам производства, занимая около 20% мирового объема[198]. Британское производство на душу населения выросло в 8 раз между 1750 и 1860 годами, что было в 4 раза выше уровня Франции и Германии. Соотношение же рабочей силы, занятой на британском производстве, выросло с 22% до 43% между 1700 и 1890 годами, в то время, как занятых в сельском хозяйстве стало меньше, с 56% до 16%[199]. Таким образом, обратной стороной британской промышленной революции стало расширение рынков сбыта, без чего эффект такой революции, вероятно, не был бы столь значимым, если бы Индия и другие страны не абсорбировали бы вынужденно такое количество новых изделий.

Между тем, британская опиумная торговля процветала. К 1839 году импорт опиума в Китай составил более 2550 тонн в год[200].

В целях предотвращения потенциальной конкуренции со стороны Турции и Персии, поддерживаемых США для проникновения на китайский рынок, Британская Ост-Индская компания сильно увеличила производство опиума в Индии. Площадь выращивания опиума в Бенгалии (восточной Индии), например, увеличилось с 36 400 гектаров в 1830 году до 71 200 гектаров к 1840 году и до 200 000 гектаров к 1900 году. В результате, цены на опиум существенно упали. Выраженные в испанских серебряных долларах цены за коробку опиума из Патны (Бихар) упала с 2500 долларов в 1822 году до 585 долларов в 1838 году. Это позволило еще большему числу китайцев пристраститься к опиуму, что привело к еще большим объемам потребления.

Опиумная торговля стала настолько важной, что обычные корабли уже стали неактуальными. В 1830 году появились специально построенные «опиумные клипперы», которые были тяжело вооружены для защиты ценного груза от пиратов и китайских властей, и быст-

---

[196] Pomeranz и Topik, 2006. С. 215.

[197] Inkster, 1998. С. 411.

[198] Bairoch, P. International Industrialization Levels, 1750 to 1980. Процитировано у Marsh, P. The New Industrial Revolution. Yale University Press, 2012. С. 5.

[199] Данные Ангуса Мэдисона, процитировано у Marsh, 2012. С. 5.

[200] Отчет Управления ООН по наркотикам и преступности, 2008. С. 174—5.

рее обычных кораблей, что ускорило доставку на две трети. Вместо одного плавания из Индии в Китай и обратно за год, опиумные клипперы могли совершать три плавания, перевозя большие объемы опиума из Патны и Малвы в Китай[201].

В 1834 году монополия Ост-Индской компании в азиатской торговле закончилась, так как лоббисты «свободной либеральной торговли» в Парламенте победили, и на прибыльный опиумный рынок хлынуло большое количество новых частных торговых компаний, которые стали открывать свои представительства на юге Китая и инвестировать капитал в расширение своих торгово-финансовых операций в Азии.

Экономическое завоевание Китая европейскими захватчиками происходило в три этапа. На первом, торговый баланс и поток серебра повернулся в пользу иностранцев в 1826 году. На втором этапе, британские производители начали приходить в Китай так, что страна известная своей текстильной продукцией к 1870 году потребляла Ланкаширские хлопковые изделия, занимавшие около трети ее всего импорта. И на третьем, приток иностранных производителей привел с собой иностранный капитал, вместе с железными дорогами, хлопковой переработкой и другими предприятиями, требующими аккумулирование капитала, чего в Китае не было[202].

Развивая свой бизнес вдали от Лондона, такие новые торговые дома, одним из которых была знаменитая компания Jardine Matheson в Гонконге, становились глобализированными и космополитичными. Для них все меньшее значение имела своя родная страна, и новым пристанищем становилось место, где удобно капиталу и бизнесу. Создавалась новая концепция деятельности транснациональных торговых корпораций.

Опиумная же торговля в результате породила две Опиумные войны между Британией и Китаем, первая из которых в 1839—42 годах повлекла за собой потерю Китаем Гонконга и открытия пяти дополнительных портов для дальнейшей британской торговли. Нанкинский договор по результатам войны также даровал неприкосновенность и экстерриториальность британским торговцам на этих территориях, что стало огромным унижением когда-то великой Китайской империи, отказавшейся в свое время развиваться вовне, торгуя с «варварами». И это унижение стало критическим аргументом для японских лидеров при Революции Мэйдзи 1868 года, которые твердо решили ускоренно модернизировать свою военную силу и экономику, чтобы не допустить повторения китайского сценария у себя.

[201] Там же. С. 174—5.

[202] Greenberg, 1969. С. ix.

Глава 4. Расцвет и кризис капитализма в XIX веке

Известный историк бизнеса Альфред Чандлер писал, что между 1830 и 1885 годами быстрое падение себестоимости транспортных и коммуникационных операций в сочетании с относительно низкими тарифами (за исключением США) существенно увеличило объемы международной торговли и породило глобальное уравнение заработных плат, цен на землю, арендных цен и процентных ставок[203]. На этом фоне бурного глобального экономического развития, конечно же, особо выделялась Великобритания, которая смогла заметно опередить в своем развитии все остальные государства благодаря промышленной революции и явному военно-морскому превосходству.

К середине XIX века стало очевидно, что британская промышленная техника существенно опережает весь мир. Частные бизнесмены и представители правительств с Континента приезжали с турами смотреть… И само собой разумеется, что в 1851 году большая Выставка в Хрустальном Дворце (Crystal Palace Exposition) ознаменовала собой апогей Великобритании, как «мастерской всего мира»[204].

Только четверть британской мужской рабочей силы была занята в сельском хозяйстве, в то время как, например, в Бельгии, которая считалась самой индустриализованной страной на континенте, эта цифра составляла 50%, а Германии потребовалось еще 25 лет до достижения такого уровня[205]. Французская хлопковая промышленность далеко отставала от британской: фабрики были меньше, машины старее, а труд менее продуктивен. Структурно и технологически немецкая промышленность была близка к французской.

Чандлер пишет, что французские промышленные предприятия развивались медленнее из-за двух факторов: слабости рынков капиталов и особенностей управленческого образования. Финансовые рынки страны не могли мобилизовать большой капитал для реорганизации промышленности и создания крупных предприятий путем слияний и поглощений. И второе, французские школы обучали своих студентов общим знаниям, без особого внимания к бизнесу и экономике. И такие студенты, когда становились менеджерами промышленных предприятий, не имели достаточного понимания, как управлять капиталоемкими отраслями[206].

Большинство инженерно-производственных предприятий: Schneider, Gouin или Calla во Франции; Cockerill в Бельгии; Harkort, Borsig, Egells в Германии, были готовы браться за что угодно: от локомотивов и морских двигателей до дистиллирующих аппаратов и токарных станков. Некоторые даже экспериментировали с текстильным оборудованием, хотя скоро было признано, что такими продуктами должны заниматься специалисты[207].

Типичное предприятие было маленьким и семейным. Французы и немцы часто пытались копировать британские машины, а когда это было сложно, то покупали, выписывая также и британских специалистов. Однако их сильная решимость догнать была определяющей, и 1850—1873 годы стали временем беспрецедентного роста. Факторами развития послужили: (1) улучшения транспорта, (2) новые источники энергии и сырья, (3) существенное увеличе-

[203] Chandler, A., Amatori, F. и Hikino, T. Big Business and the Wealth of Nations. Cambridge University Press, 1997.
[204] Landes, 2003. С. 124—5.
[205] Landes, 2003. С. 187.
[206] Chandler и др., 1997.
[207] Landes, 2003. С. 183.

ние денежного предложения, и самое немаловажное (4) созидательная предпринимательская реакция на эту комбинацию новых возможностей[208].

На протяжении всей истории увеличение объемов торговли всегда были выгодно одним и вредно другим. Падение стоимости транспорта позволило фермерам из США, Канады, Аргентины, Австралии, Новой Зеландии и Украины похоронить Европу под грудами зерна и мяса. С другой стороны, американские судостроители, которые полагались на дешевую домашнюю древесину, проиграли британским паровым и стальным технологиям [209].

Британия, которая к 1850 году уже имела солидный опыт Банка Англии, развитую фондовую биржу и финансовый рынок Лондонского Сити, существенно выиграла от стремления Западной Европы и США индустриализировать свои экономики, предоставляя им свои технологии, специалистов и, главное – капитал, чья прибыльность за рубежом становилась выше. Однако во второй половине XIX века Франция и Германия стали быстро догонять Великобританию, развивая собственные финансово-производственные институты.

Легендарный французский банк Credit Mobilier, созданный в 1852 году, сыграл важную роль в истории финансовых институтов, впервые инвестируя в долгосрочные инфраструктурные проекты, и став моделью для многих других европейских индустриальных банков.

Отличие между Credit Mobilier и английскими банками было абсолютным. Английские банки играли небольшую роль в развитии индустриального кредитного рынка. Они предоставляли краткосрочные торговые кредиты, дисконтированные векселя и трансфер международных платежей. Железные дороги, каналы и другая инфраструктура в Британии использовали рынки акций и облигаций для долгосрочного финансирования, а не банки[210].

Напротив Credit Mobilier сыграл основную роль в финансировании железных дорог и других инфраструктурных проектов, мобилизуя сбережения многочисленных французских инвесторов на долгосрочной основе. Позднее эта модель была взята на вооружение большими немецкими банками, сыгравшими главную роль в индустриализации новой Германии.

Credit Mobilier, основанный братьями-мигрантами Перейр из Португалии, стал основным инвестором Восточной, Западной и Большой Центральной железнодорожных сетей Франции, в то время как французские Ротшильды – главные конкуренты братьев Перейр, заняли самые прибыльные направления железных дорог к угольным и железным рудникам севера Франции, а также к средиземноморскому порту Марсель. Благодаря своим связям на самом верху в Британии, Франции, Германии, Италии и других странах, Ротшильды смогли получить доступ к самым крупным инвестиционным проектам и стали очень влиятельными финансистами Европы XIX века.

Однажды парижский Ротшильд сказал Даффу Грину: «Ты можешь сообщить своему правительству, что видел человека, который стоит во главе финансов всей Европы, и что он сказал тебе, что они не смогут занять доллар, ни одного доллара»[211].

---

[208] Там же. С. 191.

[209] Bernstein, 2008. С. 334.

[210] Hudson, 2012. С. 116.

[211] Jenks, L. The Migration of British Capital to 1875, 1927. С. 106. Процитировано у Lance, D. и Cull, R. International Capital Markets and American Economic Growth, 1820—1914. 1994. С. 92.

В 1895 году Ротшильды приобрели четверть доли в крупнейшем американском производителе меди Anaconda Copper Company, и спустя четыре года четверть всего американского производства меди стала контролироваться иностранным капиталом[212].

До 1865 года банк Credit Mobilier доминировал во французской финансовой системе и сыграл большую роль в индустриализации Франции и ее экономическом развитии[213]. В результате, в 1850—70 годах во Франции было построено около 9300 милей новых железных дорог из 50000 милей во всей Европе. Французский капитал также сыграл большую роль в строительстве европейских дорог в Испании, Швейцарии, Италии, на Дунае, а также в России, инвестировав больше половины в иностранные железные дороги, чем в свои[214].

В Германии банк Darmstadter (Darmstadter Bank fur Handel und Industrie), созданный в 1853 для финансирования, разработки и эксплуатации Рурских угольных и Силезских железнорудных месторождений, а также важного железнодорожного соединения Берлина с Кёльном, был смоделирован по образцу банка Credit Mobilier, а все последующие немецкие большие банки после 1871 года были смоделированы уже по образцу Darmstadter[215]. С 1852 по 1860 годы разработка руды в Рурском бассейне подскочила с 5000 до 227000 тонн[216].

Конкуренция братьев Перейр с Ротшильдами перекинулась из Франции и Германии затем и в Австрию. Credit Mobilier инициировал создание Австрийской Государственной Железнодорожной компании, Ротшильды же создали банк Kreditanstalt для инфраструктурных инвестиций[217]. Между тем, британский капитал, начиная с 1850-х годов, обратил свой взор за пределы Европы и стал искать инвестиционные возможности в Канаде, Австралии и Индии, однако большая часть инвестиций, конечно же, шла в США.

Еще одним важным фактором бурного промышленного развития второй половины XIX века стало обнаружение новых месторождений золота в Калифорнии и Австралии в 1850-х годах. Как и в Римской империи, это сыграло роль увеличения денежной массы на рынке, и такая возросшая монетизация мировой экономики способствовала увеличению производства товаров и услуг.

Эмиссия бумажных денег увеличилась за счет роста запасов слитков: обращение бумажных денег Банка Франции более чем в три раза с 450 миллионов франков в 1850 году до 1550 миллионов в 1870; а в Прусском Банке, стремившемся вытеснить своими банкнотами деньги других немецких институтов с 18370 миллионов талеров в 1850 году до 163260 миллионов в 1870 году[218].

Бурное экономическое развитие во всем мире стимулировалось существенно увеличившимся объемом кредитования. Предпринимательские займы стимулировались в больших масштабах. Ставки процента упали до 2% в Британии, до 3% во Франции и немного выше в голодной до капитала Германии[219]. Важной стала не стоимость капитала, а его доступность.

Таким образом, индустриальное и коммерческое развитие этого периода, в большей степени, – это история трех больших кредитных бумов: 1852—57 годов в Британии, Германии и Франции; 1861—66 годов больше в Британии, чем в Германии и Франции; и 1869—73 годов,

---

[212] Lance и Cull, 1994. С. 33.
[213] Neal, 2015.
[214] Landes, 2003. С. 201.
[215] Neal, 2015. С. 198.
[216] Landes, 2003. С. 203.
[217] Neal, 2015. С. 198—9.
[218] Landes, 2003. С. 204.
[219] Там же. С. 204.

в первую очередь, в Германии. Последний, как, впрочем, и все, был построен на легких деньгах, и возник не от увеличения золота, а от притока пяти миллиардов франков – военной контрибуции Бисмарка после триумфа 1870 года[220].

В это же время, как заметил Бернштейн, произошло еще одно событие, заметно стимулировавшее предпринимательскую активность:

Девятнадцатый век также увидел упразднение тюрем для должников – веха, которую часто игнорируют экономические историки. Английский Закон о должниках (Debtors Act) 1869 года во многом завершил этот процесс… Почти одновременно с этим каждый из штатов США, а также многие западноевропейские государства приняли аналогичные законы. Отмена заключения за банкротства не могло не стимулировать предпринимательский авантюризм[221].

Финансовая революция XIX века существенно стимулировала мировое железнодорожное строительство, а также производство железа и стали. В 1850 году из 70000 тонн мирового производства стали 70% приходилось на долю Великобритании, ставшей в этой области мировым лидером – в одном только городе Шеффилде производилась половина всей мировой стали[222].

В 1850-х годах железные дороги заменили текстильную отрасль в качестве главного драйвера индустриального развития – это была Вторая Промышленная Революция. Железнодорожный бум состоял не только из инноваций в производстве железа, но также и в производстве локомотивов. Поставка локомотивов из Великобритании в Германию прекратилась уже к 1850-м годам, и, вскоре немцы быстро освоили новую технологию и стали производить свои. Инвестиции Германии в железнодорожную отрасль в конце 1860-х годов составили около 70% от всех инвестиций в добычу ресурсов, мануфактуры и финансы вместе взятые[223].

Одним из важных факторов железнодорожного строительства были военные цели, так как железные дороги сделали возможной быструю транспортировку больших людских масс на дальние расстояния, а это предрекало наступление новой эпохи в военной геополитике Евразии.

В 1860-х годах Германия Бисмарка стала пионером в транспортировке армий для быстрых побед. Хотя в России всегда было больше населения, чем в странах Европы, его было трудно мобилизовать. Развитие железнодорожной системы в западной России в начале XX века стало одной из причин, почему немцы так боялись растущей русской мощи в 1914 году. Кроме того, распространение железных дорог на Континенте отныне лишало Британию ее былого преимущества в морской силе[224].

Вторая промышленная революция стала больше основываться на научных и новых технологических достижениях. Развитие железнодорожной отрасли требовало больше компетентных и хорошообразованных специалистов. Эффективная организация больших сталелитейных и железнодорожных заводов требовала соответствующей подготовки и опыта, и наука с образованием стали играть важнейшую роль в развитии новой индустриализации. США и Германия

[220] Там же. С. 205.
[221] Bernstein, 2004. С. 157.
[222] Marsh, 2012. С. 7.
[223] Landes, 2003.
[224] Nye, J. Power in the Global Information Age. New York, 2004. С. 54.

стали особенно успешными в развитии университетского образования и организации научно-технологических разработок, и именно в этих странах стали расти новые технологичные производственные корпорации.

Важной вехой в истории развития науки в США стало продвижение Авраамом Линкольном Закона Морилла (Morrill Act) в 1862 году, который, создав условия для выделения земли для университетов и колледжей, способствовал организации сельскохозяйственных опытных участков и дальнейшему развитию исследовательской деятельности в рамках учебных заведений. Со временем это послужило основой для развития практически ориентированной науки США, с уникальным взаимодействием государственных ресурсов, университетских лабораторий и частного бизнеса, который стал пользоваться результатами таких научных достижений. Хотя правительство США и пыталось поддерживать сельскохозяйственные исследования еще с 1830-х годов, тем не менее, именно Закон Морилла институционализировал научно-образовательное развитие в США[225]. Дальнейшая помощь для университетских научных исследований стала поступать от частных филантропов в виде грантов от Джона Хопкинса, Эзры Корнелла, Эндрю Карнеги и Джона Рокфеллера.

Однако особую роль научно-образовательное развитие стало играть в Германии, став одной из главных причин, почему новая объединенная Германия смогла так быстро, буквально за 20—30 лет с момента своего образования, догнать и даже перегнать Великобританию, которая шла к этому веками.

Объединение и расцвет Германии

Единая Германия сформировалась в 1871 году объединением немецких земель вокруг Пруссии. Под предводительством Отто фон Бисмарка Пруссия смогла выиграть три молниеносные войны с Данией, Австрией и Францией, и теперь становилась самой мощной державой в Европе, с населением большим, чем во Франции или Британии, и заметно увеличившейся территорией.

Бисмарк правильно считал, что военной мощи страны должна соответствовать экономическая и индустриальная мощь, и это было реализовано в годы его правления. Особенностью германского индустриального развития стал выбранный обществом и государством научно-теоретический подход в организации экономики, причем даже крупные промышленники единодушно поддержали такую идеологию и стали развивать научно-исследовательские подразделения в своих предприятиях (позднее эту модель взяли себе на вооружение и американские корпорации). Германская промышленность стала активно привлекать к сотрудничеству лучших университетских профессоров для использования в производстве последних достижений науки и техники, а качественные человеческие ресурсы поступали из развитых немецких технических университетов (Technische Hochschulen). Государственные же университеты отдавали предпочтение тем ученым, которые практиковали свои знания в промышленности, что и стало уникальной взаимоподдержкой науки и бизнеса, принесшей большую пользу для Германского индустриального развития. Химическая отрасль стала олицетворением прогресса и благосостояния[226].

Очевидно, что таких достижений германская промышленность и наука достигли, в первую очередь, благодаря уникальной образовательной системе. Уже к началу XIX века немцы были самой образованной нацией в мире. К 1870 году уровень грамотности достиг

[225] Chang, 2007. С. 235.

[226] Medawar, J. и Pyke, D. Hitler's Gift: The True Story of the Scientists Expelled by the Nazi Regime. New York: Arcade Publishing, 2012. С. 3—4.

почти 100%, в то время как Англия только начинала вводить обязательное школьное образование[227].

Вероятно, история уникального немецкого образования началась во времена короля Фридриха Великого, чей гений заложил основы для развития нации, уделив первостепенное значение образованным людям в стране. Король Фридрих говорил:

Суверену не дано это высокое положение и такая большая власть, чтобы он был ленив и высасывал кровь своего народа. Он первый слуга в своем государстве. Он хорошо оплачиваем чтобы поддерживать высокую честь своего положения, но для этого он должен работать как и все слуги государства для общего блага[228].

Еще отец Фридриха Вильгельм I, также известный как «Король-солдат», заложил основы для возвеличивания Пруссии, как одной из сильнейших военных держав в Европе. Он стал выдающимся государственным деятелем и лично контролировал должный уровень управления в стране. Фридрих же Великий, будучи не только государственником, но и музыкантом и философом, унаследовал такое отношение своего отца к общественному долгу и смог реформировать государственную службу, стараясь устранять непотизм и подчеркивая важность образования. Его правление носило меркантилистский характер – он всегда стремился к торговым ограничениям в пользу своей страны и повышению общегосударственного благосостояния, обеспечиваемого умными чиновниками-государственниками[229].

В своей книге «The Decline of the German Mandarins» (Упадок германских мандаринов), описывающей историю ранней немецкой образовательной системы, ее автор Фритц Рингер писал, что Пруссия начала постепенно реорганизовывать и централизовывать систему управления в сфере высшего образования начиная еще с 1770-х годов. В 1810 году была введена система государственной экзаменации учителей средних школ. Одновременно с повышением роли учителей в обществе уменьшалось влияние церквей на институты образования[230].

К началу XIX века школьная система Германии была знаменита во всей Европе… Немцы развили свои школы задолго и в целях подготовки к индустриализации. Система была предрасположена для усиления политики и экономики не только инструктированием, но также и нахождением и воспитанием талантов. И хотя это не всегда получалось, тем не менее, было крайне важно такое стремление[231].

Если в 1870 году в Германских университетах было зарегистрировано около 14000 студентов и в 1880 году около 21000, то уже в 1914 году это количество увеличилось до 61000 и к 1918 году до 72000 студентов[232]. В результате, Германия, которая заметно отставала от Франции и, особенно, от Англии в 1860 году, к 1910 году превзошла их и превратилась в одну из самых мощных и индустриально развитых стран в мире.

Университетские профессора, которых Рингер назвал «мандаринами» (сравнивая их с китайскими чиновниками – мандаринами, которые исторически были опорой китайской государственности), стали самыми важными членами немецкого общества. «Никто не мог

---

[227] Gazdar, K. Germany's Balanced Development. Westport: Quorum Books, 1998. С. 117—8.

[228] Процитировано у Gazdar, 1998. С. 107.

[229] Gazdar, 1998. С. 107.

[230] Ringer, F. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890—1933. Harvard University Press, 1969. С. 24.

[231] Landes, 2003. С. 342—8.

[232] Ringer, 1969. С. 52.

говорить с таким большим авторитетом к элите, чем люди знания – «интеллектуалы – мандарины»[233], писал Рингер.

Еще одной важной деталью немецкого восприятия науки и экономического прогресса было его существенное и принципиальное отличие от англо-саксонского взгляда. В отличие от англичан и американцев, которые видели в науке, в первую очередь, практическую возможность разбогатеть (будь то через новое производство или спекулятивное инвестирование в инновации), немцы верили в «настоящую» – фундаментальную науку, теорию и методологию, то, что может сотворить настоящий прогресс для всего человечества, без оглядки на материальные мотивы. Англичан и американцев же немцы обвиняли в

«утилитарной» тенденции, вульгарном отношении западноевропейской традиции к знаниям. Они чувствовали… английские интеллектуалы, начиная с XVII века, ассоциировали науку и образование почти исключительно с идеей практических манипуляций, с рационализмом и контролем над окружающей средой. И это, по мнению мандаринов, было опасной ересью и даже глупостью. Это было главным врагом, настоящим драконом мышления XVIII века. Собственный же идеал образования у мандаринов развивался как антитезис практическим знаниям, и выражался терминами «Bildung» (культивирование) и «Kultur» (культура)[234].

Вероятно, именно такое отношение к науке позволило немцам в конце XIX – начале XX веков совершить все самые значимые открытия в химии, физике, медицине и других важных направлениях.

Если научные успехи могут измеряться награждением Нобелевских призов, то Германия затмила все остальные страны. Из 100 Нобелевских призов в науке между 1901 годом, когда была основана эта награда, и 1923 годом – перед приходом Гитлера к власти, не менее 33 призов были присуждены немецким ученым или ученым, работавшим в Германии. У Британии было 18 лауреатов, а в США всего 6[235].

Германская наука шагнула в великую эпоху бурного развития, где именно ученые и профессора-академики стали новыми героями, пользующимися всемерным почетом и уважением в обществе. В медицине и биологической химии немецкие ученые смогли, наконец, победить ужасные болезни, веками мучавшие людей, и снизить детскую смертность. Это были поистине революционные достижения в медицине и ветеринарии, которые увлекательно описал Поль де Крюи в своей знаменитой книге «Охотники за микробами» (1926). В прикладной же химии также произошли революционные изменения, позволившие немецким химическим предприятиям существенно оторваться от английских, американских и швейцарских конкурентов. В физике немецкие ученые подошли к таким фундаментальным открытиям, которые были уже близки к «открытию новых вселенных»[236].

Исследования, которые способствовали развитию промышленного производства синтетических красителей, которые также обеспечили огромные коммерческие прибыли, также произвели и биологические, и медицинские прорывы. В медицинской науке громкими именами стали Роберт Кох, Рудольф Вирхов и Пауль Эрлих, соответственно: открыватель туберкулезных бактерий в 1876 году, отец-основатель патологии и пионер в химическом лечении забо-

[233] Ringer, 1969. С. 81.

[234] Там же. С. 85—6.

[235] Medawar и Pyke, 2012. С. 3.

[236] Medawar и Pyke, 2012. С. 3.

леваний. Это было началом того, что Отто Варбург назвал «великой эпохой, когда медицина и химия объединились в союз для пользы всего человечества»[237].

Особенно в теоретической физике Германия, наверное, сияла ярче всех, сделав больше новых открытий, чем любая другая страна в какой-либо науке. «Золотой век» физики начался в начале XX века в Берлине – центре этого научного развития, где Макс Планк сформулировал революционную квантовую теорию. Позднее Эйнштейн подтвердил квантовую теорию Планка, а его собственная теория относительности подвергла сомнению законы физики самого Ньютона. Еще один Нобелевский призер Макс фон Лауэ (1914) обосновал, что рентгеновские лучи являются электромагнитными волнами[238].

Однако, с приходом к власти нацистов в 1933 году более двух с половиной тысяч ученых покинуло Германию, часть из которых были евреями. Это был большой урон для образования и науки Германии. Многие из них мигрировали в Соединенные Штаты, которые впоследствии извлекли огромную пользу от притока такого количества готовых ученых – результата стольких лет подготовки всей германской научно-образовательной системы. Известны даже слова директора Нью-Йоркского Института искусств: «Гитлер – наш лучший друг. Он трясет дерево, а мы собираем яблоки»[239].

Такой же научный подход немцы использовали и в экономике. Например, немцы считали принципиальной ошибкой английскую классическую теорию с ее «естественным» или «железным» законом экономики, что государственное вмешательство в экономику бесполезно или вообще вредно. Более того, – они считали, государство должно олицетворять «видимую руку» и надлежащим образом координировать экономику, а не оставлять все на самотек, что, в конце концов, несомненно приведет к перекосам. Немцы предпочитали стабильность и долгосрочные инвестиции рискам и быстрым сверхприбылям, к которым всегда стремились торговцы и финансисты в Италии, Голландии, Англии и США.

Каждый мандарин видел логическую слабость доктрины «laissez-faire» [невмешательства]. Для мандаринов это было ересью, не потому что они соглашались с Марксом в его критике капитализма… Их точка зрения не была привязана ни к предпринимателю, ни к рабочему… Это объясняет, почему они бы не позволили «человеку экономики» установить свои интересы выше всей остальной нации. В любом конфликте между материальной продуктивностью и общегосударственной законностью и культурой, мандарины неизменно отдавали предпочтение последнему[240].

Фридрих Лист, немецкий основатель школы экономического национализма, часто подвергал критике материалистическую ориентацию классической экономики и «Адама Смита за его космополитический индивидуализм»[241]. Лист считал, что стабильное благосостояние зависит от образования, и что транспорт и другие элементы инфраструктуры играют важнейшую роль в развитии экономики. Этим он заметно повлиял на свое государство, которое приняло эти принципы. Учение Фридриха Листа было затем развито и углублено, в частности, Максом Вебером в начале XX века, который признавал важность культурного контекста в отличие от относительности законов. Его известный труд «Протестантская этика и дух капитализма» демонстрировал, как религиозные традиции повлияли на развитие капитализма

[237] Там же. С. 5.
[238] Там же. С. 7.
[239] Medawar и Pyke, 2012. С. 135.
[240] Ringer, 1969. С. 145—6.
[241] Gazdar, 1998. С. 86.

в разных Западных странах. Позднее его коллега Вернер Зомбарт, будучи свидетелем расцвета капитализма во второй половине XIX века, а затем, наблюдая за системными кризисами, толкающими страны к конфликтам, написал в своей книге «Современный капитализм» (Modern Capitalism), что высший капитализм закончился с началом Первой Мировой войны[242].

Фридрих Лист считал, что принципы, продвигаемые Адамом Смитом и Давидом Рикардо, работают не потому что они правильные, а потому что Англия просто первой достигла индустриального превосходства над остальными странами, что позволило ей еще больше развить свою экономику и уже потом продвигать либерализм. Свободная торговля теперь стала отвечать интересам Англии, в то время как для германских государств это было еще преждевременно.

Продвигаемая Листом идея о таможенном союзе немецких земель была реализована под названием «Zollverein», и именно этот союз послужил основой для организации общего рынка и дальнейшего объединения страны в 1871 году. Спустя столетие эта же концепция легла в основу и Европейского Союза.

Германский подход в построении государственной экономики был выражен в реализации Бисмарком «государства всеобщего благоденствия» (Welfare State) в 1880-х годах с установлением «баланса социоэкономических приоритетов, который продолжает вести процесс создания благосостояния и его распределения в Германии до сегодняшнего дня. Оценивая в ретроспективе, [можно сказать, что] он был пионером сбалансированного развития»[243].

Очень схожей с Германской, в основных взглядах и принципах, оказалась и японская система построения экономики. И одной из причин этого был визит японских лидеров в Германию в начале 1870-х годов и их встреча с Бисмарком.

Начало восхождения Японии

Будучи островной страной, в эпоху Токугава (1603—1868) Япония была изолирована от остального мира более двух с половиной столетий. Главной причиной такой изоляции было то, что иезуиты, приплывшие в Японию вместе с португальскими торговцами в XVI веке, стали активно обращать японцев в христианство, и власти страны увидели в этом ползучую угрозу своей национальной идентичности и безопасности. Кроме того, европейцы завезли с собой различные болезни, которые успели распространиться по стране, и минимизация контактов с европейскими разносчиками этих болезней казалась необходимой мерой для прекращения распространения эпидемий. Все это вынудило сёгуна Токугава закрыть страну от «варваров», оставив для торговли только порт Дедзима в Нагасаки. Тем не менее, несмотря на формальную изолированность, японская знать все-таки имела доступ к новостям из внешнего мира, а также к новым знаниям и технологиям через голландцев, которые позднее сменили португальцев в торговле с Азией. В Японии такие новые европейские знания так и назывались – «голландские учения» (Rangaku).

Период Токугава, во время которого Япония стала единой страной после победы клана Токугава в междоусобной войне эпохи «воюющих царств», стал периодом наступления мира и развития торговли в стране. В то же время, страна продолжала оставаться в средневековом феодализме, и отсутствие большой конкуренции и военных конфликтов не способствовали развитию технологий.

Изоляция Японии не была абсолютной. Самый южный остров Кюсю, находящийся далеко от столицы и близко к Корее и Китаю, фактически имел контакты с внешним миром и первым узнавал новости об опиумном конфликте между Китаем и Великобританией в 1840-

[242] Gazdar, 1998. С. 5.

[243] Gazdar, 1998. С. 77—8.

х годах. Даймё (князь) местного клана Сатсума – Нариакира Шимазу был выдающимся лидером своего времени. Он одним из первых в Японии, проанализировав ситуацию с опиумным конфликтом, понял причины слабости Китая и преимущества Западных «варваров», и, оценив масштабы угрозы, начал готовиться к их приходу.

Будучи аристократом и имея хорошее образование, в том числе обладая «голландскими» знаниями, Нариакира уже имел представления о европейских войнах и значении военных технологий. Он размышлял так: если такие небольшие страны, как Голландия и Англия смогли стать мощными военно-морскими державами, то почему таковой не может стать Япония? Выяснялось, что «ключом было стремление к техническим знаниям»[244].

Его политика включала стратегию импортозамещения и продвижения экспорта. Хотя он в первую очередь и был озабочен вопросами военной защиты, тем не менее, хорошо осознавал важность экономической силы. Экономическое развитие и военные соображения были близко взаимосвязаны для Нариакиры. Фактически, Нариакира проводил свою индустриальную политику, которая предвосхитила экономические реформы Мэйдзи[245].

В своем маленьком хозяйственном комплексе на берегах залива Кагосима, он в 1852 году организовал центр переводов иностранных текстов на японский язык, а также создал фабрику для проведения экспериментов с металлургией, химией, стеклом, телеграфом и, конечно же, оружием, задействовав около 1300 человек[246].

Однако самой важной инициативой Нариакиры стала попытка реформирования образовательной системы и продвижения талантливых самураев. Он стал отправлять своих воспитанников на обучение в Нагасаки, Осаку и Эдо (современный Токио) для целенаправленного обучения и подготовки к предстоящему конфликту с Западом, и особенно обучению «голландским знаниям». Он также часто собирал своих самураев и обучал их сам в течение многих часов, обсуждая разные вопросы и стараясь их вдохновить. Многие из революционеров Мэйдзи, которые заложили основы модернизации Японии, были выходцами из его клана Сатсума, и среди них были такие выдающиеся деятели, как Окубо Тошимичи и Сайго Такамори, занявшие высшие политические должности в новом правительстве Мэйдзи; Матсуката Масайоши, ставший первым главой Банка Японии; Годай Томоатсу, сыгравший активную роль в организации новой индустриальной экономики Японии и многие другие[247].

После Реставрации Мэйдзи в 1868 году, японские лидеры отправили несколько миссий на Запад на поиски новых знаний и технологий, и одна из них – Миссия Ивакура (Iwakura Mission) в 1871—73 годах включала целый ряд официальных лиц, в том числе и Окубо Тошимичи. Во время своего путешествия японцы посетили множество Западных стран и встретились с несколькими европейскими и американскими лидерами. Особенно их заинтересовали Англия и Германия, и если в Англии они увидели будущий образ богатой и могущественной Японии, то в Германии поняли, как этого можно быстро достичь. В Германии японские лидеры также смогли встретиться с Отто фон Бисмарком, когда он пригласил их на встречу и искренне «поделился своими социал-дарвинистскими соображениями, что международная политика – это борьба за выживание»[248]. Это очень впечатлило японцев и сразу же предрасположило их к немцам. Окубо вспоминал слова Бисмарка:

---

[244] Sagers, J. Origins of Japanese Wealth and Power: Reconciling Confucianism and Capitalism, 1830—1885. New York: Palgrave Macmillan, 2006. C. 67.

[245] Там же. С. 67.

[246] Там же. С. 69.

[247] Sagers, 2006. C. 68—72.

[248] Sagers, 2006. C. 96.

Теперь разные народы мира кажутся дружественными и вежливыми когда взаимодействуют, но это только так кажется. На самом деле, реальность – это борьба, где сильный затмевает слабого, а большой пренебрегает малым[249].

В результате увиденного, главным девизом модернизирующейся Японии стал лозунг: «Fukoku kyohei» – богатая страна, сильная армия, а это означало, что национальная безопасность и военная мощь страны приоритетны и должны основываться на растущей промышленности. Индустриальное производство и технологическое развитие должны были стать краеугольным камнем новой экономики Японии. Сравнение же нескольких Западных экономических систем остановило японцев на модели Германии с экономическим национализмом Фридриха Листа и активной ролью государства в модернизации страны.

Бисмарк утверждал, что политика «laissez-faire» [невмешательства] – это логика сильнейшего. Правительства же менее развитых стран должны вначале защищать свои растущие отрасли. Бисмарк ссылался на теории Фридриха Листа, [который] … представил Германскую альтернативу теории свободного рынка Адама Смита и других, кто продвигал либеральную экономику Англо-Американского типа. Японцы сразу уловили эту идею. Они поняли, что индустриальная революция – это не насчет машин, – это больше насчет силы. Индустриальная стратегия – это вариант военной стратегии[250].

Индустриализация стала главной целью японского экономического развития. Однако индустриализация изначально требовала иностранных технологий, а значит и иностранной валюты для их приобретения. И первым источником иностранной валюты стал экспорт продукции трудоемких текстильных отраслей, включая шелковое и хлопковое производство, а затем также добыча и экспорт угля и меди. Японии существенно повезло, когда в 1859—68 годах цены на японский шелк повысились в пять раз, и японцы смогли закупить и завезти Западные технологии, которые способствовали улучшению количества и качества продукции, стандартизируя качество своего шелка. К 1919 году шелковые товары составили более 40% от экспорта японского сырья[251].

Однако главной целью Японии было развитие промышленности, и скоро, при активной координации правительства, стали развиваться производство угля, железа и стали, а также сразу же кораблестроение, машиностроение и химическая промышленность. Такие капиталоемкие отрасли требовали соответствующего управления, и японцы стали приглашать иностранных специалистов.

Между 1870 и 1885 годами около 42% общих затрат Министерства Инженерии было израсходовано на приглашение иностранных экспертов, в 1877 же году эти затраты увеличились до 66%. Политика Министерства Промышленности была направлена на наем иностранных специалистов не в производственный сектор, а в стратегическую инфраструктуру: в 1872 году 80% от 800 иностранных работников были заняты в железнодорожной отрасли, на телеграфе и других проектах… Правительственные образовательные расходы достигли 15% от всех правительственных расходов к 1920 годам, расширяя обучение новым технологиям и открывая путь для социальной мобильности[252].

---

[249] Там же.

[250] Terry, E. How Asia Got Rich: Japan, China, and the Asian Miracle. Sharpe, 2002. C. 331.

[251] Chandler и др., 1997.

[252] Inkster, I. Science and Technology in History: An Approach to Industrial Development. Rutger University Press. 1991. C. 189.

Однако Япония не только приглашала иностранных специалистов, но и отправляла своих студентов за рубеж. С 1868 по 1895 годы всего около 2500 студентов и чиновников было отправлено в Европу и Америку для обучения и поиска новых технологий. Японские представители участвовали в более чем 20 международных промышленных и коммерческих выставках. Например, на большую выставку в Вене в 1873 году было направлено 70 японских делегатов, включая 24 технических специалиста из частного сектора, в чьи задачи входил поиск и приобретение важных для страны технологий[253].

Особое внимание японцы сосредоточили на Германии, куда направляли больше всего студентов и откуда приглашали больше всего учителей. Это, безусловно, было связано с высоким уровнем развития науки и технологий в Германии, а также особенной организацией промышленности и экономики, нацеленной на поступательное развитие всего государства как единой системы.

В своей книге «The Formation of Science in Japan» Бартоломью отмечал:

Четыре главные причины увеличения немецкого влияния на японскую науку это: привлекательность Германской политической экономии на японских бюрократов; относительно либеральный торговый режим, предложенный Германией для Японии; сравнительная открытость академической системы Германии и частота межуниверситетского обмена; а также высокий статус немецких экспериментальных программ, ассоциирующихся с именами Рентгена, Планка, фон Байера, Дизеля, Коха и фон Беринга. Японские студенты записывались на программы Коха по бактериологии, Артура Хантцша по стереохимии, Густава Тамманна по металлургии и Альберта Эйнштейна по теоретической физике[254].

Стремление японцев постичь новые технологии было настолько сильным, что они «хватались именно за последние достижения науки, вместо изучения духа науки, который сделал такие достижения возможными», – писал немецкий физик Эрвин Баэльц в Токийском Императорском университете в 1901 году[255].

В результате такой правительственной политики японская индустриализация стала давать хорошие плоды, и 1890—1913 годах экспорт стал увеличиваться на 8,6% ежегодно по сравнению с ростом в Германии на 5,1%, и общемировыми 3,5%[256]. Таким образом, Япония, в отличие от Индии и Китая, благодаря прагматичности своих проницательных лидеров, смогла осуществить быструю индустриализацию при активной роли правительства, что позволило стране встать на путь устойчивого экономического роста, и успешно освоить современные технологии, не только сохранив свой суверенитет, но и став в начале XX века одной из многообещающих мировых держав. Как и Германия.

От империализма к Первой Мировой войне

Если первая промышленная революция основывалась преимущественно на инновациях в механике, то вторая больше стимулировалась новыми научно-техническими достижениями, не связанными с механикой. Основными продуктами второй революции стали химикаты и производство стали, тогда как в качестве энергетических источников стали развиваться электричество и двигатель внутреннего сгорания[257].

---

[253] Inkster, 1991. С. 190.

[254] Bartholomew, J. The Formation of Science in Japan. Yale University Press, 1998. Процитировано у Inkster, 1998. С. 398.

[255] Процитировано у Inkster, 1998. С. 424.

[256] Там же. С. 415.

[257] Lipsey и др., 2005. С. 254.

Продвижения в химии, особенно в части применения к текстильному производству, стали особенно важными, так как новые химические красители (вытеснившие натуральные из Америки и Азии) стимулировали развитие нового направления – химической инженерии. Быстрое развитие химической промышленности, так же как и фармацевтики, началось в 1880-х годах одновременно в Соединенных Штатах и Европе. Особенно это ощущалось в Германии, которая недавно объединившись и встав на путь ускоренной индустриализации путем умной мобилизации ресурсов, использовала связку промышленных предприятий с научно-исследовательскими институтами при университетах (эта стратегия будет затем принята на вооружение и в США) и обеспечила, таким образом, лидерство Германии в Европе. К 1913 году от общего в мире производства красителей объемом в 160000 тонн, 140000 тонн приходилось на Германию, в то время как на Швейцарию приходилось 10000 тонн, на Британию – первопроходца в индустрии – всего 4000 тонн, а все остальное было распределено между Францией, США и другими[258].

Три немецких гиганта – Bayer, BASF и Hoechst – создали первые в мире крупные научно-исследовательские лаборатории и стали не только пионерами в химической и фармацевтической индустриях, но и заложили основы современного организационного управления в крупных научно-технологических предприятиях[259]. Hoechst, например, занявшийся фармацевтикой в 1880 году, стал финансировать Институт Роберта Коха в Берлине, где работали ведущие мировые ученые Эмиль фон Беринг и Пауль Эрлих, разрабатывавшие сыворотку от дифтерии, вакцины, болеутоляющее средство Новокаин, наконец-то ставший спасением от сифилиса Салварсан, и другие фармацевтические препараты[260].

Лозунг «конкуренция за рубежом – сотрудничество дома» стал лейтмотивом германского промышленного развития. Два крупнейших электрических гиганта Siemens и AEG договорились о разделе сфер влияния и, таким образом, минимизировали деструктивные расходы, связанные с конкуренцией, став крупнейшими глобальными игроками к 1914 году[261].

Другой сферой бурного промышленного развития стало производство железа. В середине 1880-х годов инновационные методы пудлингования Корта и паровой молот Уилкинсона существенно снизили себестоимость производства стали и увеличили производительность почти в 10 раз. Увеличившееся предложение железа и стали на рынке сильно стимулировало рост количества новых железных дорог, мостов и других строений[262]. В 1900 году мировое производство стали составило 28,3 миллиона тонн, что было в 400 раз больше по сравнению с полувеком ранее.

Обширный американский рынок по растущему населению и потребности в масштабном инфраструктурном строительстве особенно стимулировали развитие американской стальной промышленности. Общая капитализация американского стального гиганта US Steel, созданного в 1901 году и принадлежащего Джону Пьерпонту Моргану, составила 1,4 миллиарда долларов, в то время как бюджет страны составлял 350 миллионов, а национальный долг около 1 миллиарда[263].

Подешевевшая сталь стимулировала не только масштабное инфраструктурное производство, но и вызвала появление множества потребительских товаров, таких как автомобили, швейные машинки, электрическое оборудование, а это также стимулировало рост производства промышленного и фабричного оборудования, способствовавших еще большему развитию

---

[258] Chandler, A. Shaping the Industrial Century: The Remarkable Story of the Evolution of the Modern Chemical and Pharmaceutical Industries. Harvard University Press, 2005. С. 116.

[259] Chandler, 2005. С. 115.

[260] Там же.

[261] Chandler и др., 1997.

[262] Bernstein, 2004. С. 220.

[263] Smith, 2003. С. 92.

химической, сельскохозяйственной, текстильной и бумажной отраслей. В этом смысле, удешевляющаяся сталь подействовала как катализатор роста для мировой экономики[264].

Однако вскоре эйфория бурного глобального экономического роста стала натыкаться на первые системные проблемы. Подешевевшие транспортные морские коммуникации между континентами увеличили массивный приток дешевого продовольствия на европейские рынки. Зерно с равнин Северной Америки и степей юга России, импорт мяса из Аргентины и фрукты с тропических регионов увеличили их потребление европейцами, повысив их жизненные стандарты. Общемировому падению цен кроме глобализированной растущей конкуренции стало способствовать развитие новых технологий переработки продовольственных товаров – консервирования и охлаждения[265].

Это была самая драматическая дефляция [падение цен] в памяти человека. Процентные ставки упали тоже… капитала было так много, как будто он стал бесплатным товаром. А прибыли сжались. То, что казалось лишь периодическими депрессиями, стало тянуться бесконечно. Экономическая система шла вниз[266].

Великобритания теперь больше не была единственной мастерской всего мира, то есть перестала занимать исключительную верхнюю позицию в глобальной системе разделения труда. Конкуренция возрастала и ужесточалась, особенно со стороны молодых индустриальных государств – США, Германии и Японии, успевших догнать Великобританию на основе протекционизма Гамильтона, Фридриха Листа и Нариакиры Шимазу. Экономическое развитие превращалось в экономическую борьбу между несколькими центрами силы.

Оптимизм насчет будущего с бесконечным прогрессом уступил место неопределенности и чувству агонии… Все это усиливалось обострившимся политическим соперничеством, двумя формами конкуренции, слившимися на финальной стадии: нехваткой земли и погоней за сферы влияния, что стало называться Новым Империализмом[267].

Французская экономика, будучи слабее британской и немецкой, пострадала особенно. Ее производство железа и стали упало с 15,4% в 1860 году (Британия 66,4% и Пруссия 6,8%) до 12,8% к 1870 году, тогда как Британии 65,8%, а у Пруссии 13%[268]. Французские сельское хозяйство и промышленность требовали возврата политики протекционизма, завершая эпоху свободной торговли 1860-х годов. После объединения в 1861 году итальянская политика протекционизма своей промышленности вызвала в 1878 году конфликт с Францией, когда Италия повысила тарифы на текстиль, основную статью экспорта Франции в Италию. Новая протекционистская политика Италии и России заставила французское министерство коммерции повысить импортные пошлины до 24%. После Италии тарифная война развернулась и со Швейцарией в 1892—95 годах[269].

Германия вступила на путь протекционизма и картелизации своей промышленности в 1869 году, еще более усилив такую политику в 1880-х. Тарифы увеличивались в 1879, 1890, 1902 и 1906 годах. Между 1879 и 1885 годами было организовано 76 картелей. Франция поднимала тарифы в 1875, 1881, 1892, 1907 и 1910 годах. Соединенные Штаты, поддерживавшие

[264] Marsh, 2012. С. 8.

[265] Landes, 2003. С. 242.

[266] Там же. С. 231.

[267] Landes, 2003. С. 240—241.

[268] Copeland, D. Economic Interdependence and War. Princeton University Press, 2015. С.390.

[269] Copeland, 2015. С. 390.

высокие тарифы еще в годы Гражданской войны, подняли их снова в 1890 и 1897 годах. Швейцария, Италия и Россия также не оставались в стороне. В результате таких повышающихся торговых барьеров, рост мировой экономики стал сжиматься в период между 1870 и 1914 годами, и многие отрасли промышленности во всех ведущих странах существенно пострадали[270].

Политика экономического национализма вызвала увеличение международных трений, и, в ответ, европейские правительства стали постепенно увеличивать свои военные расходы… С ростом такого экономического национализма, торговой политики «разори соседа» (beggar-thy-neighbor), а также картелизации, правительства стали надеяться, что колонии обеспечат рынок для производственных товаров и станут источниками нового сырья[271].

В 1877 году Франция попыталась ограничить британскую торговлю вдоль западного побережья Африки, что вызвало сильную реакцию в Лондоне, и к 1881 году спираль взаимных обвинений раскрутилась в полную силу. Французская оккупация Туниса в 1881 году повлекла за собой британскую оккупацию Египта в 1882, а затем их взаимный и острый конфликт за Конго. Опасаясь, что «дверь» в Африку скоро закроется, Бисмарк также стал стремиться «застолбить» для Германии кусочек африканской земли на северо-востоке и на юге[272].

На востоке Европы русско-германские отношения также стали ухудшаться после того, как Германия подняла тарифы в 1880-х годах на российское сырье и сельскохозяйственный экспорт. Ответные меры русских негативно повлияли на немецкую химическую и стальную отрасли[273].

Британская экономика стала падать вслед за ухудшением позиций ее производственного сектора. Если ее доля в мировом производстве в 1870 году составляла около 32% против немецких 13%, то уже к 1900 году она упала до 20%, в то время как доля Германии увеличилась до 17%. По железу и стали, если в 1870 году Британия производила 61% от общего объема производства пяти стран – Британии, Франции, Германии, США и России, а Германия всего 13% и Россия 4%, то к 1900 году Германия уже производила 40%, Британия 30%, а Россия 13%[274]. Германский экспорт стал всюду угрожать и вытеснять британский, что уже серьезно нервировало Лондон и ставило вопрос на грань конфликта.

Падение экспорта заставило британцев в конце 1880-х годов задуматься о прекращении своей либеральной политики свободной торговли и открытых рынков, и создании своего закрытого таможенного союза, аргументируя тем, что только система Имперских Преференций может спасти Британию от растущей германской и американской производительности. Рынки для Британии находились внутри империи, так как географически она все еще была самой обширной. Например, только две ее южноафриканские колонии – Кейп-Колони и Наталь составляли половину всего британского экспорта в 1896—1900 годах[275].

Эра неомеркантилистского протекционизма и империалистской агитации превращала экономические и геополитические конфликты во взаимно усиливающуюся игру с нулевой суммой… В эту эру обновленного меркантилизма, рыночное доминирование стало ассоциироваться с территориальным контролем или политической монополизацией стран-объектов.

[270] Lewis, 2007. С. 35.
[271] Там же. С. 36.
[272] Copeland, 2015.
[273] Conybeare, 1987. С. 192.
[274] Copeland, 2015.
[275] Copeland, 2015. С. 414—15.

Это мнение постоянно раздавалось во всех сегментах бизнес-сообщества, политических кругах и влиятельных медиа-структурах во всех развитых странах[276].

В итоге, колониальная политика стала результатом одновременной индустриализации многих государств, с ростом протекционизма и закрытия существующих рынков. Колонии оставались единственным выходом, куда все еще можно было сбывать произведенную продукцию и поддерживать экономику.

Европейские державы встали на путь империализма из-за давления капиталистических фирм, страдающих от перепроизводства и недопотребления дома… В то время, как финансовый капитал концентрировался в руках все меньшего и меньшего количества фирм и банков, на рынке было недостаточно спроса от низкооплачиваемых рабочих для абсорбирования всей продукции, выработанной высокоэффективными заводами. Столкнувшись с неиспользованными мощностями, могущественный бизнес-класс после 1880 года стал толкать своих лидеров на захват колоний в качестве рынков для излишков продукции и мест, куда инвестировать излишний капитал[277].

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916), Владимир Ленин писал, что правительства капиталистических стран, толкаемые могущественными бизнес-кругами, в конце концов, сталкиваются в геополитических конфликтах друг с другом за экономическую эксплуатацию новых территорий в качестве своих рынков, после того, как они заполняют свои. Эту стадию Ленин назвал «империализмом» – высшей стадией монополистического капитализма, который неизбежно следует в результате нормальной логики развития капиталистического уклада экономики. Ленин развил свой тезис на основе экономической теории, сформулированной Карлом Марксом в своей знаменитой книге «Капитал» (1867), где он писал, что капитализму присуща необратимая тенденция падения нормы прибыли в результате усиления конкуренции. Конкуренция и перепроизводство толкают цены вниз и, в целях сохранения прибылей, большой капитал должен поглощать конкурентов, что, в конце концов, неизменно приводит к концентрации и централизации капитала в руках небольшой группы могущественных и влиятельных олигархов. Новые территории обещают новые возможности прибылей, и такая экспансионистская политика, неизбежно, влечет за собой конфликты между странами, настраивает народы против народов и, в конце концов, достигает апогея в войнах[278].

Рудольф Гильфердинг в своей книге «Финансовый капитал» писал:

..это была последняя стадия капитализма перед неизбежным приходом социализма. В капиталистической экономике… маржа между тем, что банки платят за деньги и что они взимают за них, неуклонно расширяется. В результате, банки и банкиры становятся единственными выгодополучателями и властителями капиталистической экономики [279].

Гильфердинг считал, что нормальное течение экономических отношений при капитализме влечет к возникновению картелей в промышленности, а в банковской сфере к возникновению центрального банка[280].

---

[276] Anievas, A. Capital, the State, and War. University of Michigan Press, 2014. С. 76.

[277] Copeland, 2015. С. 387.

[278] Kurz, H. Economic Thought: A Brief History. Columbia University Press, 2016.

[279] Процитировано у Drucker, P. Post-Capitalist Society. Harper Business, 1994. С. 166.

[280] Kurz, 2016.

Под занавес XIX века, хотя в реальной индустриальной экономике и наблюдались кризисы перепроизводства и застоя, финансовый капитализм, тем не менее, развивался хорошо. Развитие стимулировалось новым притоков золота из Южной Африки начиная с 1887 года, из западной Австралии с 1887 года и из американского Клондайка с 1896 года. Трансатлантическая экономика стала финансово подкрепляться классическим золотым стандартом 1880—1914 годов[281]. Новые технологии второй промышленной революции стимулировали финансовый сектор, и акции новых компаний, занятых в новых отраслях, активно продавались на фондовых рынках Нью-Йорка и Лондона. По некоторым оценкам, в 1910 году в мире циркулировали акции публичных компаний на сумму в 32,6 миллиардов фунтов стерлингов, и которыми владело около 20 миллионов инвесторов: британцы 24%, американцы 21%, французы 18%, немцы 16%, русские 5%, австро-венгры 4% и по 2% итальянцы и японцы[282].

Как обычно, вначале нормальное функционирование фондового рынка, в конце концов, привело к чрезмерному развитию спекулятивных операций, и Франция в 1893—98 годах приняла ряд законов, ограничивающих иностранное владение ценными бумагами. Схожие шаги предприняла и Германия, усилив регулирование рынка. Такие меры были приняты из-за растущих опасений, что спекулянты могут не только пострадать сами, но и нанести вред всем остальным, манипулируя рынком и повышая риски обрушения всей экономики. Власти пытались изгнать спекулянтов и переориентировать инвестиции в реальный сектор экономики[283].

Однако в Америке спекуляции на фондовых рынках воспринимались нормально и даже позитивно, отражая дух «американской мечты» о возможностях каждого заработать быстрые и большие деньги. Это особенно подкреплялось появлением новых технологий, которые создавали убедительную атмосферу быстрого технологического прогресса и экономического роста. Также быстрый рост американской экономики стимулировался отсутствием обременяющих налогов в США, так как бюджет формировался за счет высоких таможенных тарифов из-за протекционистской политики со времен Гражданской войны, и это стимулировало приток инвестиций из-за рубежа, усиливая доллар[284].

Тем не менее, чрезмерная финансовизация и спекуляции не могли не вызвать нескольких финансово-банковских кризисов в 1884, 1890, 1893 годах и самый крупный – в 1907 году. Известный как «Паника 1907 года», этот кризис заставил пересмотреть основы банковской системы США, когда банкротство сразу нескольких больших банков стало серьезно угрожать всей финансовой системе и экономике США. Одновременный наплыв вкладчиков поставил банки на грань разорения, так как удовлетворить требования одновременно всех в условиях отсутствия резервных денег не представлялось возможным.

И как показывает история, этим шансом очень умело воспользовался знаменитый банкир Джон Пьерпонт Морган, продемонстрировав свой гений в организации спасения всей американской банковской системы. Согласно легенде, Морган, организовав в своем офисе временный штаб операции, фактически ставший временным центральным банком, занял 42 миллиона долларов от правительства и использовал их для выкупа проблемных долгов банков, а также смог скоординировать процесс взаимозачета между разными фирмами и банками. В итоге, даже его основные конкуренты Рокфеллер и Гарриман, согласившись с эффективностью его операций, присоединились к нему. Кризис был погашен, а авторитет Моргана среди банкиров теперь не подлежал никакому сомнению[285].

---

[281] Neal, 2015. С. 210.

[282] Smith, 2003. С. 102.

[283] Там же. С. 93—94.

[284] Lewis, 2007. С. 32.

[285] Хазин, М. и Щеглов, С. Лестница в небо: диалоги о власти, карьере и мировой элите. Москва: РИПОЛ, 2016.

Сразу же после кризиса, для избежания таковых проблем в будущем в 1908 году в США была создана Национальная Монетарная Комиссия, которая подготовила около 30 отчетов и докладов о причинах и путях решения таких кризисов, и рекомендовала создание центрального банка, который должен был обеспечить аварийное кредитование для проблемных банков, аналогично операциям Моргана, и предотвратить цепную реакцию банкротств[286]. Банкиры и финансисты видели слабость банковской системы США в «неэластичности» и государственных ограничениях в печатании денег. Все хотели создания в США такого же мощного банка как Банк Англии или немецкий Рейхсбанк, которые являлись кредиторами последней инстанции и страховали коммерческие банки от банкротств. В конце концов, это привело к созданию в 1913 году Федеральной Резервной Системы, выполняющей роль центрального банка США.

С мощной промышленной и банковско-финансовой базой, а также большой территорией и растущим населением Соединенные Штаты становились новой мировой державой, играющей все большую роль в мировой геополитике. Другим растущим гигантом, к удивлению многих, была Россия, всегда на Западе казавшейся отсталой. Железные дороги способствовали активизации экономики, а растущее население быстро осваивало обширную территорию с ее ресурсами.

Неудивительно, что в начале XX века многие европейцы начали ощущать, что Европа неизменно будет затмеваться этими двумя разрастающимися на Восток и на Запад колоссами. В 1883 году британский историк сэр Джон Сили написал, что Россия и Соединенные Штаты были уже «огромными политическими формированиями», чья скрытая мощь, однажды будучи мобилизованной «паром и электричеством», а также железными дорогами, может полностью «превратить в карликов такие европейские страны, как Франция и Германия, и отодвинуть их ко второму классу»[287].

Алексис де Токвиль в своей книге «Демократия в Америке» писал: «В настоящее время в мире только две великие нации, у которых будет одинаковое будущее, хотя они и начали с разных точек: я подразумеваю русских и американцев… Их начальные точки были разными; однако каждая из них кажется отмеченной волей Неба для оказания влияния на судьбы половины мира»[288].

Расширение России далеко на восток, а также вглубь Центральной Азии, вызвало в XIX веке острую конфронтацию с Великобританией, которая также с территории Индии пыталась продвинуться вглубь Центральной Азии с юга через Афганистан. Это геополитическое соперничество получило известность как «Большая игра» между Российской и Британской империями за стратегический контроль над Центральной Азией. В 1904 году английский геополитик Халфорд Маккиндер представил в Королевском географическом обществе свою теорию так называемого «Хартленда» (Heartland), где назвал всю обширную территорию России и примыкающую к ней с юга Центральную Азию «основным центром» (the Pivot Area) или «Хартлендом» не только Евразии, но и всего мира. Смысл «Хартленда» Маккиндер сформулировал так:

Кто управляет восточной Европой, тот управляет «Хартлендом»; кто управляет «Хартлендом», тот управляет островом мира; а кто управляет островом мира, тот управляет всем миром[289].

---

[286] Smith, 2003. С. 100; Neal, 2015. С. 229—30; Хазин и Щеглов, 2016.

[287] Tanaka, A. The New Middle Ages: The World System in the 21st Century, 2002. С. 3.

[288] Процитировано у Tanaka, 2002. С. 3.

[289] Mackinder, H. Democratic Ideals and Reality, 1919. С. 150.

С ростом России как «Хартленда» и развитием в стране железных дорог в Европе стала снижаться роль морской военной мощи, традиционно игравшей важнейшую роль в ее геополитической истории. Теперь Россия могла быстрее мобилизовать ресурсы со своих отдаленных регионов и перебрасывать свою огромную по численности армию на большие расстояния, и железные дороги стали приобретать стратегически важное значение, как для общей индустриализации страны, так и в военном отношении. Например, в начале века уже около 37% всего экспорта и более 90% критически важного для России зернового экспорта транспортировалось по железным дорогам до черноморского российского порта в Одессе, а затем оттуда морем в Европу[290].

Однако отсталость страны и нехватка капитала затрудняли всеобщую модернизацию, вынуждая государство брать на себя активную роль и искать капитал за границей. Инвестиции пришли из Франции (при поддержке Великобритании), чей излишек капитала искал зарубежные точки приложения. В итоге, такая взаимосвязанность французских инвестиций с российской экономикой способствовала установлению франко-российского альянса до начала Первой Мировой войны в 1914 году.

Для Германии же такой альянс России с французами, а также развитие ее железных дорог с их важным военным значением стали казаться угрозой, и она стала всерьез готовиться к кажущемуся неизбежным военному противостоянию.

Войны Германии против системы в 1914 и в 1939 годах были в меньшей степени функцией экономической взаимозависимости per se, а в большей степени были вызваны страхом Германии от долгосрочного роста русского колосса. Россия после 1890 года и особенно после 1930 быстро строила свою индустриальную и инфраструктурную мощь. Имея в три раза больше населения и в сорок раз больше территории, становилось очевидным, что достижение Россией экономического и военного доминирования будет трудно остановить [291].

Набрав мощные темпы индустриального развития, Германия уже в 1897 году прекратила экспортировать железную руду, используя ее для собственных промышленных нужд, а к 1913 году даже стала больше импортировать. Завоз руды из Франции вырос в 6 раз в 1900—13 годы, в то время как Швеция – основной поставщик Германии, установила экспортные ограничения[292]. Однако, с постепенным усилением напряженности между странами, вызванной, в том числе, протекционизмом, опасения немцев о возможном скором прекращении поставок руды и продовольствия, все более усиливались.

Все большую озабоченность немцев вызывало растущее военно-политическое окружение Германии Францией, Россией и Британией, которые стали все больше препятствовать германской коммерции по всему миру. После 1897 года Британия и США стали работать в тандеме в отклонении германских претензий на территориальные завоевания в южном полушарии; несмотря на все свои усилия, например, Германия получила всего лишь малые кусочки земли в Самоа и Китае. В обоих Марокканских кризисах 1905 и 1911 годов, Британия помогала Франции в политическом контроле над Марокко, что увеличило препятствия для немецкой экспортной торговли и доступ к сырьевым ресурсам… В одном из самых важных районов – Ближнем Востоке, Британия также активно взаимодействовала с другими державами для минимизации немецкого экономического проникновения. В 1901 году Британия получила свою

[290] Anievas, A. Capital, the State, and War: Class Conflict and Geopolitics in the Thirty Years' Crisis, 1914—1945. The University of Michigan Press, 2014.

[291] Copeland, 2015. C. 112.

[292] Copeland, 2015. C. 127.

первую нефтяную концессию в Персии, а в 1907 году пришла к соглашению с Россией о разделе Персии на сферы влияния в рамках кампании по ограничению дальнейшего расширения Германии в развитии ее проекта Берлинско-Багдадской железной дороги[293].

Проект Берлинско-Багдадской железной дороги, которая должна была обеспечить доступ Германии через Константинополь, Алеппо и Багдад к Персидскому заливу, означал для всех угрожающий рост Германской экономической мощи. Мощное развитие немецкой промышленности, поддерживаемое немецким правительством и немецкими банками намного лучше, чем это было в Британии, стало фактором озабоченности для всех европейцев. К 1910 году у Германии уже был сравнимый по численности флот с Соединенными Штатами, а по тоннажу был всего в 4 раза меньше британского, в то время как в 1887 году был в 10 раз меньше[294].

Все это способствовало объединению Франции и Британии против Германии. Россия же также дала себя уговорить Британией приостановить «Большую игру» и сформировать «невозможную» Антанту[295].

В итоге, рост пессимистических ожиданий от торговли и всеобщего падения экономики поставил немецких лидеров перед выбором большой войны в июле 1914 года. Этому способствовали препятствование Британией выхода Германии к богатому нефтью Ближнему Востоку и богатой ресурсами Африке, французская угроза по поставкам железной руды, а также высокие французские и российские тарифы, ограничивающие рост Германии против «экономических империй» Британии и Соединенных Штатов. Германские лидеры поняли, что только большая война может обеспечить экономическое доминирование в Европе, необходимое для долгосрочного выживания Германии[296].

Окруженная Францией, Британией и Россией, Германия стала планировать войну на два фронта, что прежде категорически не рекомендовалось Бисмарком и легендарным Мольтке (старшим), которые успешно спланировали и реализовали победоносные войны против Дании, Австрии и Франции всего лет сорок назад. План Шлиффена, сформулированный еще в 1905 году, предусматривал молниеносную войну (блитцкриг) сначала против Франции, из расчета, что большая и неуклюжая Россия будет мобилизовываться не менее двух месяцев, а затем уже, победив к тому времени французов, приняться за Россию. Однако, как это нередко бывает в реальности, события пошли по другому сценарию, и Россия, вопреки многим военным правилам, вступила в войну немедленно, тем самым нарушив планы Германии и, фактически, спасая Францию за счет потерь своей недостаточно подготовленной армии. Эта «Великая война», в итоге, растянулась на долгие четыре года и повлекла миллионные жертвы, обескровила ее участников в Европе, но и открыла дорогу для растущего влияния США.

Перед Второй Мировой

Межвоенный период между Первой и Второй Мировыми войнами (1918—1939) стал одновременно эрой бурного экономического развития и великой депрессии ведущих мировых экономик.

Во время Первой Мировой войны правительства Великобритании, Франции, Германии и других стран, остро нуждаясь в финансировании своих военных нужд, приостановили дей-

[293] Copeland, 2015. С. 126.

[294] Maloney, A. The Berlin-Baghdad Railway as a Cause of World War I. / Naval Studies Group, Center for Naval Analyses. 1984. С. 3.

[295] Там же. С. 15.

[296] Copeland, 2015. С. 133.

ствие золотого стандарта и принялись печатать деньги. Не подкрепленное золотом, слишком большое денежное предложение вызвало инфляцию, и по итогам войны все валюты воюющих стран существенно потеряли свою покупательную способность.

Банк Англии создал так много денег во время и после войны, что индекс розничных цен стерлинга повысился более, чем в два раза… Доверие к фунту терялось, и роль Лондона как мирового финансового центра рассеивалась… Схожие трудности испытывали и другие страны… В результате 1920-е и 1930-е стали не декадой восстановления золотого стандарта, а периодом международного монетарного хаоса. Огромное количество золота из Великобритании и остальной континентальной Европы утекали в Соединенные Штаты во время и после Первой Мировой войны[297].

После войны европейские страны не только заметно обеднели, но и остались большими должниками перед США. Британия одалживала 3 миллиарда долларов Франции и 3,2 миллиарда другим (главным образом, царской России), в то время как Франция одалживала 3,5 миллиарда России, взяв у Британии 3 миллиарда и у США 4 миллиарда[298]. Британская же задолженность увеличилась с 700 миллионов фунтов стерлингов в 1913 году до 7 миллиардов к 1919 году, в основном США[299]. Однако самую большую неразбериху вызвал долг России, так как после Октябрьской революции новое Советское правительство не совсем соглашалось с долгами царского режима.

Также расходы на восстановление разрушенных войной стран требовались огромные, и некоторые с большим аппетитом смотрели на немецкие репарации. «Германия за все заплатит», – стало одним из громких послевоенных лозунгов.

Будучи дважды завоеванной Германией в последние 50 лет, Франция боялась возрождения Германии. Германия была более агрессивна, более успешна, моложе, богаче и динамичнее. Она также была больше – 60 миллионов немцев против 40 миллионов французов… И Франция, таким образом, была решима ослабить Германию во всем, насколько это возможно – разоружением, отрезанием максимального количества территорий у соседа, а также извлечением репараций[300].

Объемы торговли еще долго не возвращались до довоенного уровня, достигнув показателей 1913 года только в 1924. Созванная в 1922 году США и Великобританией Генуэзская конференция должна была:

определить роль центральных банков в общей финансовой реконструкции, необходимой для возврата довоенного уровня производства и торговли. Всем странам настоятельно рекомендовалось создать свои центральные банки, которые должны были монопольно выпускать национальные валюты. Новые банки, в конце концов, должны были быть приверженны фиксированным валютным обменным курсам к ключевым валютам международной торговли – отныне доллару США, а также, ожидающемуся возвращению к довоенному уровню британскому фунту. США не приостанавливали золотого стандарта во время войны и накопили огромные резервы золота в поддержку доллара[301].

---

[297] White, 2012. С. 295—7.

[298] Neal, 2015. С. 238.

[299] Smith, 2003. С. 109; Landes, 2003. С. 363.

[300] Ahamed, 2009. С. 106.

[301] Neal, 2015. С. 236—7.

Британское глобальное превосходство спало еще больше вслед за падением экономики, уступая дорогу новому финансовому центру по ту сторону Атлантики. Если экономики Франции и Германии сократились на 30%, то экономика США, питавшаяся экспортом продовольствия и военных материалов в Европу во время войны, а также громадным притоков золотовалютных резервов европейских стран и, соответственно, расширением кредита в США, увеличилась на 50%[302]. Это существенно подпитало бум новых технологий начала XX века, который стал основной движущей силой нового бурного развития американского рынка капиталов и всей мировой экономики.

Поражение Германии с ее мощной промышленностью устранило конкурентные барьеры для экспансии американских предприятий, которые теперь получили отличные шансы для использования открытых рынков для своего глобального расширения.

В телефонной индустрии мировое доминирование заняла компания Bell Telephone (AT&T), которая быстро расширилась на территории Великобритании, Германии, Франции, Австрии, Италии и Канады. Военно-морские силы США быстро осознали важность беспроводного телеграфа для военных целей и позаботились о присвоении США активов компании American Marconi, включая персонал и патенты, организовав альянс с General Electric для формирования Radio Corporation of America (RCA)[303]. Компания RCA стала доминировать в секторе радио-технологий, собрав пул прав на свыше 2000 патентов, включая практически все важные патенты в радио-отрасли, а также играя ведущую роль в индустрии радио-транслирования, управлении радио-станциями, в активной разработке новых технологий в телевидении, и даже сборке радио-приемников. Акции RCA увеличились с 32 долларов за акцию в 1926 году до 127 долларов в 1927 году, и взметнулись до 574 долларов в 1929 году[304] (перед обвалом).

Революционные новые технологии стремительно преобразовывали американскую экономику и американский бизнес. В 1919 году, например, только 32% машин в американских фабриках использовали электричество. К концу 1920-х годов эта цифра достигла 50% и увеличивалась еще больше, существенно повышая продуктивность предприятий… Инвесторы на фондовом рынке вдохновлялись энтузиазмом Новой эры инноваций и роста, теряя все чувства перспективы

[302] Ahamed, 2009. С. 100.

[303] Dosi, G. и Galambos, L. The Third Industrial Revolution in Global Business. Cambridge University Press. 2013. С. 125.

[304] Smith, 2003. С. 121.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.